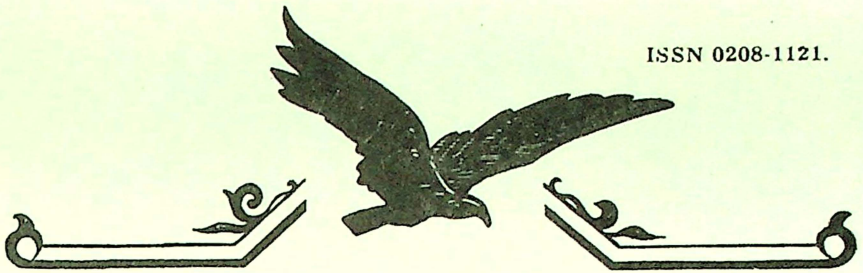
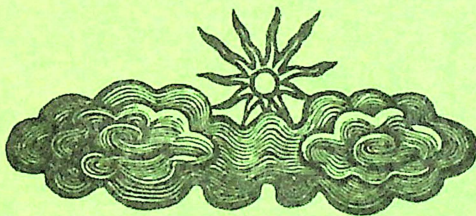

ISSN 0208-1121.

ТЕЕГИН ГЕРЛ

СВЕТ В СТЕПИ

ИЗДАЕТСЯ С 1928 г.

2/1997

Народному поэту Калмыкии Д. Н. Кугультинову — 75 лет!

Дорогие друзья!

13 марта 1997 года народному поэту Калмыкии, лауреату Государственных премий СССР и России, Герою Социалистического Труда, Председателю Совета старейшин Республики Калмыкия Давиду Никитичу Кугультинову исполняется 75 лет.

В своем распоряжении о подготовке и проведении юбилея народного поэта Калмыкии Президент Республики Калмыкия К. Н. Илюмжинов отметил, что «литературная и общественная деятельность Д. Н. Кугультинова — пример высокого служения родному народу, всей России. Его поэтическое творчество, олицетворяющее сплав философской мысли с сердечной мудростью, воспевающее любовь к родной земле и дружбу народов, привлекает новые поколения читателей не только в нашей стране, но и за рубежом. Не случайно малая планета № 2296 названа именем поэта "Кугультинов".

Этот номер посвящается жизни и творчеству выдающегося поэта современности, многие произведения которого впервые увидели свет на страницах журнала "Теегин герл".

В юбилейное издание вошли как широко известные, так и никогда не печатавшиеся ранее, эксклюзивные произведения, редкие фотографии, уникальные письма из архива поэта.

Редакция и читатели журнала сердечно поздравляют Давида Никитича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, счастья и долгих лет жизни.

*Главный редактор
журнала "Теегин герл"
Э. ЭЛЬДЫШЕВ*

ТЕЕГИН ГЕРЛ

О В Е Т В С Т В Е Н Н Ы Й

УРН УГИН БОЛН ОЛНА-ПОЛИТИЧЕСК ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Хальмг болн орс келэр нурви сард хойр дэж харна
Выходит на калмыцком и русском языках
два раза в три месяца

1928 жилд
эклж барлгдсмн

Издается с
1928 г.

2

ФЕВРАЛЬ
МАРТ

Элст
"Теегин герл"
журналын редакц
1997

Элиста
Редакция журнала
"Теегин герл"
1997

НАРГ	СОДЕРЖАНИЕ	НАРГ
	НАРОДНОМУ ПОЭТУ КАЛМЫКИИ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВУ — 75 лет!	
Валерий ПЮРВЕЕВ. Поэзия мысли 4
КӨГЛТИН Дава. Үннэси дөкрси угав. Шүлг.		..26
	О ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА	
Кайсын КУЛИЕВ, Чингиз АЙТМАТОВ, Мустай КАРИМ29
	ПОСВЯЩЕНИЯ	
Педер ХУЗАНГАЙ, Владимир ЕРЕМЕНКО, Танзиля ЗУМАКУЛОВА. Стихи		31
	* * *	
Борис ЕЛЬЦИН — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ. Письмо		33
Почетное свидетельство		34
Маризтта ШАГИНЯН — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ. Письмо 35
Леонид ЛЕОНОВ — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ. Телеграмма 35
	* * *	
Давид КУГУЛЬТИНОВ. Вечная память36
	ПОСВЯЩЕНИЯ	
Михаил ДУДИН, Жангр НАСУНОВ, Кайсын КУЛИЕВ. Стихи43
	О ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА	
Маризтта ШАГИНЯН, Сергей МИХАЛКОВ, Алим КЕШОКОВ		45
	* * *	
Василь БЫКОВ — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ. Письмо		46
Бембе ДЖИМБИНОВ — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ. Письмо		46
Виктор НЕКРАСОВ — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ. Письмо 47

Главный редактор
Э. А. Эльдышев

Редакционная коллегия:
Е. А. Буджалов,
Н. Я. Бурулов
(ответственный секретарь),
А. О. Капканов,
В. Н. Лиджиева,
А. Л. Нусхаев.

Технический редактор
В. Я. Поваева

ИБ № 302
Э № 0060

Сдано в набор 17.01.97 г.
Подписано в печать 07.02.97. Формат 60x84 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура Балтика. Печать офсетная. Усл печ л. 7,4. Усл. кр.-отг. 8,4. Уч.-изд. л. 9,45. Тираж 3500 экз. Заказ № 214

Адрес редакции: 358000, г. Элиста, ул. Н. Очирова, 4.
Отпечатано в АПП "Джангар". 358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245. Компьютерная верстка Т. Г. Гашаевой.

© Редакция
журнала
"Тегин герл"
("Свет в степи")
1997, № 2.

КӨГЛТИН Дава. Шүлгүдә 48
ЗУРҠАДҒЧ ДАЛА ЛАМ ЦАНЬЯН ЖАМСУН. Дурна
тукс дуд. Орчулснь КӨГЛТИН Дава 59

О ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА
Константин СИМОНОВ, Валентин ГЛУШКО,
Михаил ДУДИН 62

ПОСВЯЩЕНИЯ
ИНҖИН Лиж, Михаил ЛЬВОВ, Валентина ЛИДЖИЕВА.
Стихи 63

Чарльз ДЖОНСТОН — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ.
Письмо 65
Такэси АРАКИ — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ. Письмо 65
Т. ЁНЭКАВА — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ. Письмо 66
Чарльз ДЖОНСТОН — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ.
Письмо 66

Давид КУГУЛЬТИНОВ. Чувство хозяйна жизни 67

ПОСВЯЩЕНИЯ
Владимир НУРОВ, САҢҖИҢ Бося. Шүлгүдә 79

Эдуардс МЕЖЕЛАЙТИС — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ.
Письмо 81
Георгий СВИРИДОВ — Давиду КУГУЛЬТИНОВУ.
Письмо 81

ДОРҖИН Данара. Зовяң дурн хойрар услгдси седклинь
аһуһас... . 82

НЕРӘДЛҢ
ЭЛЬДШӘ Эрднь, Александр СОЛОВЬЕВ, Анатолий
КАЛИНИН. Шүлгүдә 92

«Во дни торжеств и бед народных... 93

Давид КУГУЛЬТИНОВ. Гениям прошлого. Стихи 100
КӨГЛТИН Дава. Жирһләс... Түүк 105

ИЗ ИСТОРИИ...
Новый успех калмыцкой поэзии 114

"Дружба народов" — Давиду Кугультинову. Телеграмма 118
"Новый мир" — Давиду Кугультинову. Телеграмма 118

Давид КУГУЛЬТИНОВ. Гениям прошлого. Стихи 119

ЧИТАТЕЛИ — ПОЭТУ
Николай САМОЙЛЕНКО, Ольга СМЕРНОВА, Марианна
ПЕТРОВСКАЯ, Лаури ХАРВИЛАХТИ 125

ДРУЖЕСКИЕ СТРОКИ
ХОНЬНА Михаил, Юлия НЕЙМАН, Марк СОБОЛЬ,
Михаил ЛУКОНИН, Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ,
Михаил ДУДИН. Стихи 127

*Валерий ПЮРБЕЕВ,
председатель правления
Союза писателей Калмыкии*

ПОЭЗИЯ МЫСЛИ

*К 75-летию со дня рождения народного поэта Калмыкии
Давида Никитича Кугультинова*

XX век выдвинул замечательную плеяду выдающихся поэтов. Но когда культурный мир произносит "калмыцкая поэзия" то в его сознании прежде всего возникает образ Давида Кугультинова. Поэзия Д. Кугультинова факт очевидный, фиксируемый более чем 60 книгами.

До появления Д. Кугультинова не было в традициях калмыцкой культуры такого явления, чтобы жизнь поэта была в неразрывной связи с его поэзией. Этот труд самосовершенствования он выполнял упорно и последовательно, и в результате частная жизнь поэта переросла в жизнь преимущественно духовную, где страсть закалена разумом и окрылена сердцем. «Век наш был суровым и многим из его детей не всегда жилось легко, — писал Д. Кугультинове балкарский поэт К. Кулиев. — Если мы будем умалчивать это, то исказим образы современ-

ников, недооценим их мужество, сотрем героические черты с их лиц. На долю Д. Кугультинова выпало много испытаний, но он выдержал все, не сломился, проявил стойкость, силу духа и характера. Испытания выковали из него мужественного и мудрого художника. Таким мы знаем поэта. В его книгах "дышат почва и судьба"

Героическое в личности Д. Кугультинова — это активная деятельность художника слова и мыслителя, это те огромные усилия, которые необходимы были для развития национальной культуры. Какой смелостью и какой уверенностью в себе он должен был обладать, чтобы иметь право произнести гордые слова: "...за все, что высказано мной, мукой не боялся отвечать я, все скрепил я кровью, как печатью"

Современники Д. Кугультинова требовали от поэзии искренности и исповедальности, жаждали откровения и пророчества. Нужен был крупный поэтический талант, способный сплавить национальные поэтические традиции с реалистической художественной системой и с высоты новых поэтических требований раскрыть эстетическое содержание современной действительности. Поэзия Д. Кугультинова смогла быстрее, чем другие виды и жанры искусства, развить в калмыцкой поэзии интеллектуальное направление. Творческие усилия Д. Кугультинова положили начало переходу национального, художественно-эстетического мышления от описательности и декларативности к концептуальности.

Д. Кугультинов в высшей степени воплощает в себе два качества: национальное и художественно-поэтическое сознание. Духовная жизнь поэта, его духовный облик, будучи полным и гармоническим выражением его осознанной самобытной индивидуальности, включает в себе элементы национальной психики, черты национального характера. Калмыки признают в образе жизни и поэзии Д. Кугультинова нечто глубоко созвучное их душе. Действительно, душа народа отражается в людях, которых он порождает и почитает. Но жизнь и творчество Д. Кугультинова стали частью не только национальной, но и мировой культуры, парадигмой формирования волелюбивой, суверенной, свободомыслящей личности в тоталитарном обществе.

Явление жизни, как и художественное явление, по своей сути не может быть понято до тех пор, пока не станет не вызывающим сомнения свершившимся фактом. Более пятидесяти лет плодотворной общественной и литературной деятельности Д. Кугультинова позволяют судить о личности поэта и сущности его поэзии.

1940 год. Давиду Кугультинову 18 лет. Признание ему приносит уже первый поэтический сборник "Стихи юности". Он самый молодой член Союза писателей СССР. Казалось бы, радости нет предела. Но началась вторая мировая война. Д. Кугультинов — офицер-политработник 252-й стрелковой Харьковской дивизии.

1943 год. Насильственная депортация калмыцкого народа.

1945 год. Арестован за стихи, в которых осуждал несправедливость, геноцид по отношению к родному народу.

Чудовищны преступления сталинского режима, в котором искажалась система общественных ценностей. Страна жила в атмосфере всеобъемлющего страха.

Искренность самовыражения, ясное сознание, здравый смысл, чувство личной ответственности, честность — обычные человеческие качества, входящие в условия бытия человека, оказались убийственно опасными в тоталитарном обществе.

Так сталинская тюрьма, "архипелаг Гулаг", отнявшие у заключенного право на сочувствие и жалость, станут для Д. Кугультинова "университетом жизни", частью тяжелых и долгих годов учения.

Судьба Д. Кугультинова потрясла русского поэта М. Дудина, и он посвятил ему очень искреннее стихотворение "Давид Кугультинов в Норильске", отразившее этот тяжелый период жизни поэта:

Ты знаешь на ощупь, любезный друг,
Как здесь, по каким заслугам
Был беспощадный Полярный круг
Очерчен Данговым кругом.

Сегодня само Время высветило и подтвердило активность жизненной позиции поэта. Он сознательно поставил свой талант и общественный темперамент, свойства ума и потребности сердца на службу народу. Его отношение к жизни всегда взвешенное и серьезное, эмоции отличаются глубиной и силой, но в то же время сдержаны. Его находчивость и сообразительность, подкупающая обстоятельность и редкое остроумие бросаются в глаза. Он многое замечает, на многое откликается, ничего не забывает. Широка его интересов не знает границ, пылливый ум не знает покоя. Он восприимчив к новым впечатлениям и, благодаря этому, глубже и полнее ощущает, что именно он должен сделать для утверждения Истины. Он живет с такой интенсивностью, словно решил взять от жизни все, что она способна дать, после того, как дважды испытал удары судьбы, "обстрелявшей на переднем крае" и "оповившей ядом клеветы". За все прожитые годы познавший полночь жизни так же хорошо, как и ее полдень, он, как никто другой, понимает и муки человеческого духа, и его победы. В образе поэта и в его поэзии современники черпают силы для преодоления своих житейских испытаний.

После долгих лет вынужденного молчания первый огромный успех принес Д. Кугультинову поэтический сборник "Стихи" (1965), выдвинутый на соискание Ленинской премии. В отзывах о сборнике повторялась важная мысль об удивительной духовно-творческой целостности, органическом единстве творчества, личности, поведения, воплощенных в стихах.

На вопрос, в чем сильная сторона творчества Д. Кугультинова, критики отвечали единодушно: в усилении аналитического, философского начала в образном мышлении поэта. И действительно, глазами умудренного жизненным опытом человека, бывшего фронтовика, пережившего многое и многое пропустившего через свое сердце, умеющего удивляться миру радостно и тревожно, вглядывается он в жизнь планеты. Произведения поэта стали также историей его души. Знаменитая формула "жизнь и поэзия — одно" выражает главную особенность деятельности Д. Кугультинова.

Индивидуальное своеобразие художественного видения Д. Кугультинова выразилось в том, что он раньше, чем другие его современники, сумел переплавить во внутреннюю тему образы, которые описательное мышление развертывало во внешнем предметном плане. В пространстве жанра медитативной лирики складывалась поэтика неожиданных ассоциаций, быстрого перехода из одного предметного плана в другой, перехода темы то в реально-вещественный, то в идеальный, то в психологический планы.

Д. Кугультинова многие называют мудрым человеком и поэтом. Самую суть понятия "мудрость" очень лаконично выразил Лев Толстой. "Мудрость, — писал он, — есть знание вечных истин, приложимых к жизни". Действительно, мудрый человек формируется на границе между знанием, откровением, умозрением жизни и практической деятельностью. Здесь нет необходимости доказывать очевидное. Вслушайтесь в поэтические строки стихотворения "Никто не помнит своего рожденья":

сознании живет прошлое и будущее, и потому каждый несет в себе загадки бытия.

Выход лирического героя в природу — это выход в космос, который увеличивает масштаб его переживаний за счет сближения с явлениями вечности, оформившимися в понятия Время, Природа, Земля, Вселенная.

Если бы Давид Кугультинов был автором одного только стихотворения "Степные мелодии", то и этого было бы достаточно, чтобы его творчество приобрело значение этапного явления, в котором столь полно произошли обогащение пейзажа настроением, отход от описательности к прямому выражению, при котором лирическое размышление слагается из тезисов, антитезисов, аргументов, силлогизмов, риторических вопросов и восклицаний, то есть предметный мир осуществлен в лирической медитации.

В другом стихотворении "Затрепетали лепестки тюльпана" Природа также одушевляется, обретает приметы человеческой жизни, черты человеческого характера:

Затрепетали лепестки тюльпана,
И развернулся медленно бутон,
Как будто вскрылась розовая рана,
Мне, кажется, я даже слышал стон.

Поэт не остается эмоционально равнодушным в изображении природы, а создает динамическую картину, ярко выражающую идею единства всего живого на земле, сообщая читателю определенное настроение. Художественная деталь — раскрытие со стоном бутона тюльпана — эстетически выразительна, функция эстетического суждения несет в себе познавательное начало, потому что ведет к общей нравственно-эстетической оценке. Это не зеркально-мертвое отражение природы, а мысль о природе, выражение сложных переживаний рождения жизни. Поэт находит философскую глубину в обычности повседневного — это особое интеллектуально-обостренное ощущение природы и человеческой жизни.

Поэтическое утверждение гармонии человека и природы, мотивы преодоления смерти, торжества весны и безграничной жизни получают в поэзии Д. Кугультинова философское решение. В его стихи вошла весна, хмелем бродят разбуженные ею силы, и "взмыв до неба свет любви высокий". Зов апреля — это голос любви, зов жизни, зов природы, а лирика Д. Кугультинова стала великолепной поэтической формой его выражения. Здесь в единое целое сплавились языческая радость воскресения и счастье жить в гармонии с природой и людьми:

Отлично жить, людей любя!
Ты дышишь легче и свободней
И веришь: может, и тебя
Все любят... Ну хотя б сегодня!..

Мотивы исцеления человека природой повторяются в сборнике "Зов апреля" многократно. Вообще, во всей лирике Д. Кугультинова степь, цветы, люди, вся природа включены в круг ценностей интеллектуального мира, и все органически выписывается в его поэтическую систему, утверждая гармонию

Зеленая... еще не колосится
И все-таки высоко поднялась...
Густая шелковистая пшеница
Блестит на солнце и ласкает глаз.

Этот пейзаж послужил толчком лирического переживания — раздумья. Лирический герой как бы неожиданно для себя открывает тайну сотворчества человека и природы, о существовании которой он прежде не подозревал. Единство пейзажного, внутреннего и духовного образов — в самой структуре стихотворения, отражающей развитое эстетическое чувство. Мысли и чувства, охватившие поэта при виде красоты зеленого пшеничного поля, облагораживают каждого из нас, ибо правдивость мысли и изображения озарены вдохновением, превратившим и нас, и самого художника в сотворцов природы, создающих красоту более совершенную, чем сама природа. Природный мир созерцается здесь как бы впервые, свежим и зорким взором. Поэт поражен красотой творения, созданного человеком и природой:

И я люблю ее, рядом стоя,
Как будто сам, с волнением, тоской,
В соавторстве с землею и водою
Замыслил некогда ее такой.

Человек-творец не подражает природе и не соперничает с нею, но на стороне процесса сотворчества есть еще и сознание, которого лишена природа. Человек в содружестве с природой создает красоту человечески завершенную. Такая грандиозность мироощущения и миропонимания, воплотившаяся в поэтических размышлениях автора, обогащает наше общее восприятие жизни и красоты.

Мысль о том, что человек — великий творец, создающий красоту, а значит, и добро, наполняет восторгом душу поэта:

Молю, чтоб мир она преобразила,
Желанья наши воплотив вполне...
Как будто я вложил в нее все силы,
А силы вдвое прибыло во мне.

Художественное отражение возвышенного явления по-настоящему и проникновенно, когда рождается из глубины поэтической мысли, ибо красота природы — это творение мысли и рук человеческих тоже. И радость охватывает лирического героя при этой мысли, а читателя — и от красоты воплощения самой мысли. Сила воздействия стихотворения такова, что оно подключает и ощущение, и воображение, и эмоции, и разум.

Одно из свойств самобытной творческой манеры Д. Кутультинова — ориентация на интеллектуальную нагрузку произведения — находится в общем русле художественного развития XX века. В этом направлении очень интересные мысли высказал П. Пикассо: "Одни хотели изобразить мир таким, каким они его видели. Я хочу изобразить мир таким, каким я его мыслю" Мысли П. Пикассо близки теоретическим представлениям Давида Кутультинова: «Отражение жизни нашей литературой — нестатично, ибо

сама жизнь — движение. Литература воссоздает непрерывность этого движения с опережением, доступным его видения, проникает во внутренние механизмы, вызывающие движение, ставит вопросы "из завтра" или "для завтра".

Особенности интеллектуально-философского склада лирики Давида Кугультинова выражены в концептуальном подходе к действительности, в котором анализ сочетается с силой эмоционального переживания лирического субъекта, потому структура его поэтических произведений всегда целостна; развитие генеральной мысли и само движение образа находятся в одной плоскости; стройность развития доводов наполняет содержанием "слышимое" чувства. Лирика Д. Кугультинова более аналитична, более тонка, более философична, чем поэзия его современников. Каждое его произведение — плод глубокой мысли. Диалектика справедливости и несправедливости, правоты и неправоты определяет ее пафос.

Широкое взаимодействие научного и художественного стилей обнаруживается в поэзии Д. Кугультинова. Поэт гармонически сочетает логический и эмоционально-образный методы обобщения. Мысль, идея, которую хочет высказать поэт, в структуре художественного текста всегда обосновывается, приобретает личностную интерпретацию, которая неожиданно воплощается в художественно-обобщенную форму.

Страстной полемичности содержания способствует искусно выраженная, убеждающая аргументация.

Поэтическое впечатление стихотворения "Зерно и космос" зарождается в мотивных полях отношений между дискурсивной речью и поэтической фантазией:

Зерно взрывается в земле,
Как бы себя уничтожая,
И повторяется в стебле,
Как бы себя приумножая,
Но повторяется ль оно,
Не изменяясь в вечной смене,
Иль изменяется зерно
В круговороте возрождений?
Смотри: являясь в нашу повесть,
Оно по-новому чарует
И людям новую любовь
И радость новую дарует.
Пусть жизнь прошедшая зерна,
Не умерла и не забыта, —

Ему расцветшему дана
Иная, высшая орбита.
Зерно свершает свой полет,
Им, зернам, надо стать мирами,
Преображаясь в цвет и плод
Как бы по заданной программе.
Я знаю: мир в конце концов
Поблек бы, если б зерна эти
Не изменялись и отцов
Всего лишь повторяли дети.
Зерно, что в почве возвращено,
Окрепнув, солнца жар воспримет,
И крышу космоса оно,
Преобразившись, приподнимет.

Стих движется медленно от одной образной картины к другой, как бы совершая восхождение логики и мысли по спирали, и образует логико-метафорическую композицию. Метафора в структуре стихотворения не только придает ему многозначный смысл, но и определяет направление ассоциаций, помогая в конкретном явлении "круговорота возрождений" зерна открыть универсальное и всеобщее. Зерно в словесном контексте — метафора жизни. Оно — повод к образно-символическому изображению мира в космических масштабах. Художественная ценность поэтической

структуры опирается в основном не столько на эмоции, сколько на глубину, раздумий и философскую наполненность поэтической мысли, развивающейся в самой материи стиха.

Не случайно, но исторически обусловлено, что лирика природы в том содержании, которое свойственно поэзии Д. Кугультинова, возникает на более высоких стадиях развития национального художественного мышления, лирического чувства, лирических жанров, когда категорией речевого выражения выступает мысль-слово, мысль-представление. Образы природы служат для выражения размышлений поэта о жизни:

Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!
Хрустально-звонкий воздух,
и простор,
И колокольчик — жаворонка трели!..
Ты — музыка, чьи звуки с давних
пор
Какой-то гений, в неизвестности
канув,

Переложил на живопись тюльпанов.
Как счастлив я, что голос твой пойму,
Что человек я, и душе все чаще
Доступна радость красоты щемящей..
Иль человек я только потому,
Что внесмет скрытой музыке душа?..
О жизнь, как ты щедро!..
Как хороша!..

Многие стихотворения строятся по образу композиционно-смысловой параллели. Первый план обычно прямой, связанный с миром природных явлений. Второй — переносный, иносказательный, связанный с внутренним миром человека. Такая композиция стихотворений Д. Кугультинова позволяет углубить содержание смыслового подтекста.

Одухотворенное состояние природы — это атмосфера времени, в котором живет поэт. Он метафоризирует её в плане человеческих переживаний и философски осмысливает через критерии морально-этических и эстетических оценок. За размышлениями о природе во всех случаях стоит человек и его отношение к миру, в котором он живет. В метафорическом изображении природы обнаруживается скрытая в реальности многообразная связь субъекта лирики с природой, обществом, открывается новая сущность явлений предметного мира с позиций современных нравственных истин. Это был прорыв в новое качество поэзии, усиливающее ее синтетичность.

Появление темы взаимоотношений человека и природы в творчестве Д. Кугультинова, а также метод ее решения указывают на одну из новых положительных черт национальной современной поэзии в целом: непринужденное слияние лирики с публицистикой, философского размышления с откровенной гражданской декларацией, "вечных вопросов жизни" с остросовременными для судеб каждого человека и всего человечества проблемами. Медитативная лирика как своеобразная форма философско-гражданского монолога приобретает решающее значение в эволюции художественного сознания.

Лирика Д. Кугультинова поднимает человеческие проблемы. И все же важное место в ней занимает вечно живая тема — это тема природы, взаимоотношений человека с ней, которая для поэта стала важнейшим предметом художественного исследования. Он воспринимает ее одушевленной, находит в ней то возвышенную пищу для души, то успокоение. Он обостренно чувствует в эти моменты родственную связь с природой и связь ее явлений с собственным внутренним миром, и тогда "мысли о вечности..." "ум человека поражают вдруг", как писал русский поэт М. Лермонтов.

В стихотворении Д. Кугультинова "Бегут на берег из глубокой мглы" человеческая душа и сокровенная сущность мира вступают в близкое соприкосновение, и в человеке оживают и пробуждаются чувства, приглушенные веком НТР. Поэт передает музыку благостного слияния человека с природой многообразными эмоционально-смысловыми оттенками:

Бегут на берег из глубокой мглы,
Рокочут, уплотняясь из тумана,
Как мамонты, — косматые валы
Великого седого океана.
За веком — век, за грозным валом —
вал....
Я перед ними, как песчинка, мал.

Стою, смотрю в рокочущий простор,
И все мои заботы, все печали,
Те, что меня томили до сих пор,
Внезапно потускнели, измельчали,
Истаяли, со мной теряя связь...
Их словно не бывало отродясь.

Ощущения поэта свидетельствуют о существовании в глубине душевного мира незримых, вечных связей с природой, с изначальными формами сознания, когда человек жил одной жизнью с ней и был связан миллионами своих живых ощущений.

Одушевление природы и исследование ее с нравственно-эстетической стороны становится главным в лирике Д. Кугультинова. Природа в произведениях поэта — "не слепок, не бездушный лик" (Ф. Тютчев), она предстает как нечто живое. В стихах много зеленого шума, прозрачного воздуха, птичьего гомона. Но много и мысли. Слитность с миром природы начинается с того, что поэт видит в ее проявлениях что-то родственное человеку и откликается на эту родственность своей нежностью. Искренняя, добрая мысль, тонкое чувство и богатое воображение поэта воздействуют непосредственно на сознание читателя, вызывая в его душе благородные устремления.

Давид Кугультинов, довольно широко творчески воспользовавшись опытом русской и западно-европейской поэзии, возвел самую сущность эстетического восприятия природы — ее одухотворение — в осознанный принцип пейзажного изображения как своего рода отражение души лирического "я" поэта.

В поэзии Д. Кугультинова природа изображается не как равнодушная к человеку реальность. Она — мать-земля, прародительница. Она располагает читателя к самосозерцанию, размышлениям о жизни, дает возможность яснее осознать свои внутренние, духовные, проблемы, свои сокровенные желания, т. е. природа выступает как необходимый элемент духовной жизни человека. С любви ко всему живому и начинается формирование человеческих чувств, формирование гуманизма, понимание прекрасного. Вчитываясь в то, как изображает Д. Кугультинов природу, мы поражаемся многообразию проявлений красоты: стрекот кузнечиков, пение птиц, шелест травы — все подчинено общим законам жизни, законам целесообразности:

Трепеща, купаясь в тепле,
Сыплет жаворонок свои трели.
— Для кого, дружок, на земле
Ты поешь в этот день апреля?

От дыхания ветерка
Шелестят еле слышно травы...
— Для кого, наклоняясь слегка,
Травы, шепчетесь вы лукаво?

Понимаю сердцем своим,
Что им нужно — траве и птице.
Видно, радость не в радость им,
Если не с кем ею делиться.

И признав меня земляком,
Способ ищут они все вместе —

Бессловесным своим языком
Передать мне светлые вести.

Мне яснее их добрая цель.
Ведь не знают эти создания,
Что меня одарил апрель
Древней силой всепониманья.

В эстетическом восприятии природы, в чувстве природы, с величайшей искренностью воплощенном в поэзии Д. Кугультинова, мы находим нечто созвучное нашей душе, мы проникаемся уважением к чужой, даже самой маленькой и незаметной, жизни, образ природы порождает чувство любви к родной земле, ощущение красоты окружающего мира. Описание природы в лирике Д. Кугультинова воздействует на читателя глубоко эстетически: родная степь ширится, наполняясь красками, запахами и звонами, ее красота щедро вливается в нашу душу, и уже не обычная, выжженная солнцем, серая степь окружает нас, а образ Родины встает перед нашим взором.

Для медитативной лирики Д. Кугультинова присуще обостренное ощущение и восприятие современности в цепи времен: прошлого-настоящего-будущего. Идея неразрывной живой связи времен получает в стихотворениях ("Завтра — как похоже на улыбку...", "На прошлое, на то, что позади...", "Дела, гремевшие в веках" и др.) конкретно-образное воплощение и оценку сегодняшнего дня как важного звена общественно-исторического процесса. Идея бесконечности человеческой жизни, бессмертия людских дел пронизывает стихи поэта:

Но есть "сегодня". Нам оно дано —
Между "вчера" и "завтра" путь
открытый.

Нерасторжимой вечности звено.
Оно из наших с вами жизней
слито.

Мир большой истории, "завтра", не отделен в размышлениях поэта от частной жизни, а связан силовыми линиями с нравственными понятиями. Философские размышления, подведение отдельных понятий под более общие категории становится характерной чертой, определяющей идейно-художественные особенности стихотворений. Поэт смотрит на будущее с высот настоящего как на результат созидательной деятельности человека:

"Завтра" — как похоже на улыбку
Это слово, полное тепла!
Завтра можно выправить ошибку,
Что "вчера" допущена была.
Если Нынче принял ты решение —
Завтра ты приступишь к совершенью.

Но едва подумаю, что это
Слово, полное добра и света,
Потускнеет, ускользнет, спеша,
И ошибки ты не уничтожишь,
Несвершенное свершить не
сможешь, —
Холодеет, опустев, душа.

Без осознания того, какое серьезное значение придает поэт проблеме разума, трудно будет понять творческую систему Д. Кугультинова. Перед

лицом научно-технической революции, изменившей наши представления о структуре мира, внесшей рационализм в человеческую жизнь, в сферу мышления современного человека, поэтическая мысль Д. Кугультинова обращена к нравственно-философскому постижению понятия человеческого разума, неудержимо проникающего во все тайны природы:

Рука умельца, красота труда
Поэзии достойны настоящей.
Но думается, в наши дни, когда
О космосе мы говорим все чаще,
Руки рабочей воспевая чудо,
И голову бы вспомнить нам не худо!..

Поэт верит в могущество разума, который не только мудростью своей возвышается над повседневностью, но и в ней самой обнаруживает зерна будущего. Поэт убежден, что ум и знания помогают человеку преодолеть жизненные бури и невзгоды, а интеллект порождает творческие способности. Он уверен, что человеческая мудрость приходит как вознаграждение за труд.

Мотив торжествующего разума проходит через всю поэзию Д. Кугультинова:

"Вам все простится, кроме
превосходства
Ума... Так прячьте разум!.." —
произнес
Философ, хоть с улыбкой, но всерьез...
О, этой мысли горькое уродство!..
Нет, сделав скидку на судьбу
и время,
Я все же возмущен словами теми!..

Как? Прятать ум, которым жизнь
крепка?!
Да разве не уму я благодарен
За то, что в космос поднялся Гагарин,
Что в нашем небе ходят облака,
А не виденья стран, сожженных
разом?..
Нет, люди, нет!.. Не смейте прятать
разум!

Созидательная активность и мощь разума, по мысли поэта, безграничны, ибо они соотносятся с вечностью. Разум человека радуется поэту как проявление его духовной силы, как возможность быть свободным в рамках естественного порядка вещей, но одновременно остро чувствовать, осознавать ответственность перед самим собой, перед народом и человечеством.

Поэт утверждает, что источником деятельности человека являются его разум и воля: от них зависит творческий потенциал созидательного труда. Разум и труд в художественной концепции Д. Кугультинова — это и цель, к которой человек должен стремиться, и программа достижения этой цели, которая сопрячена с понятием вечности. Счастье человека — быть творцом и мудрость ума и сердца воплощать в созидательном труде:

Я верю: клетки сердца не умрут, —
Все клетки сердца воплотятся в труд.
И в каждом камне, что положит
зодчий,
И в той строке, что правдой рождена,
Частица сердца — ну хотя б одна! —
Пульсирует, тепло сосредоточа.

У всех, кто труд свой полюбить сумел,
По капле, понемногу, по крупице
В дела земные сердце воплотится,
Останется в живом бессмертье дел...
Лишь улептя сердце, черным комом
Упав, истлеет, станет невесомым.

Кутультиновская философия разума, определяющая призвание человека его способностью все постигать умом и сердцем, предвидеть закономерности развития объективного мира, приводит к гуманистической концепции человека.

Поэтизации разума, человеческой мудрости Д. Кутультинов придает важное значение, потому что люди осознают посредством знания истину, которая едина для всех народов и времен, проявляется на разных этапах развития человечества в многообразных формах и вливается в океан человеческого познания.

Жизнь для Д. Кутультинова и есть высшая мудрость, смысл которой он стремится постичь возможностями поэтического искусства.

Глубочайшая связь творчества Д. Кутультинова с классической традицией русской поэзии XIX века (Жуковский, Пушкин, Баратынский, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Блок) обнаруживается в художественных исканиях в жанре философской лирики. Накапливая знания, поэт бережно пестует свой природный дар художественного воображения, понимая, что сила художественного самовыражения во многом зависит от образования, ибо искусство, наука, философия формируют ясный и мудрый ум, могущий проникнуть в суть вещей и явлений. Не случайно, часто выступая перед поэтической молодежью, Д. Кутультинов не упускает случая говорить об образовательном влиянии поэтов, эстетиков, философов всех времен и народов на формирование индивидуального художественного, философского видения мира. Д. Кутультинов хорошо осознает и видит взаимную связь различных сторон и явлений культурной жизни народов мира. Историзм художественного мышления поэта позволяет ему легко ориентироваться в мировом литературном процессе от античности до наших дней, видеть национальную литературу в ее контексте и всем своим существом чувствовать современность. Творчески наследуя своеобразный тип русской "поэзии мысли", он может умело переключить повествование с бытового уровня на уровень условно-философский и нравственно-этический.

В лирических стихах Д. Кутультинова ясно выражена авторская позиция: он концентрирует свое внимание на лирической теме — теме духовного развития человека и человечества, отвечает на тревожные вопросы текущей современности, вовлекая в круг поэтического изображения разные стороны действительности, факты своей биографии, общественной жизни в конкретно-исторические периоды, отображая духовный облик людей, его окружающих, духовные открытия, идеи, пробуждающие мысль и формирующие душу, разум и волю, дает оценку изображаемому.

Поиск прекрасного во внутреннем мире человека, приобщение его к нравственным и творческим основам народной жизни, открытое выражение своего настроения, душевного состояния, отношения к изображаемому, энергия, с которой выражается сила его глубокой, беспокойной и сложной внутренней жизни, эмоциональная захваченность темой — все это обуславливает глубокий лиризм и масштабность кутультиновской поэзии. Она доносит до сознания читателя важную и глубокую мысль о самостоятельной ценности человеческой личности. Никогда раньше в камыцкой поэзии своеобразнейший лиризм мысли, атмосфера интеллектуализма, высокой духовности не достигала такого напряжения, такой поразительной силы внутренней динамики переживаний поэтического

"я", как в поэтической системе Д. Кугультинова, где мир извне как бы перемещается вовнутрь человеческой личности, где традиции эмоционального лиризма сочетаются с опытом интеллектуальной поэзии, где лиризм приобретает качество и форму художественного психологизма с его ощущением причастности к высоким переживаниям, где каждый отдельный факт максимально обобщается, переключается в атмосферу высоких раздумий, пропитывается духом философичности. Лирический пафос, в котором глубоко личное есть в то же время всеобщее, а народное, общечеловеческое, становится глубоко личным, связан с активизацией жизненной позиции поэта, в творчестве которого Время, История, Эпоха обретают живой человеческий голос.

Его лирические медитации, сосредоточивающиеся на общих проблемах бытия (социальных, политических, философских, нравственных, эстетических, художественных), есть выражение глубоко личных мыслей и чувств. А читатель воспринимает уmonoстроение, выраженные поэтом мысли и переживает их как нечто личное, отождествляя свои чувства с чувствами лирического "я" поэта. В этом одна из причин особого обаяния лирики Д. Кугультинова.

Лирика Д. Кугультинова освещает жизнь через жизненные ситуации конкретно, богато, многосторонне. Вот, к примеру, стихотворение "Я помню прошлое...":

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог,
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.

Затем тайком перекрестила
В моем кармане свой ломоть.

И быстро прочь засемила,
Шепнув: "Спаси тебя господь!"

Хотелось мне, ее не зная,
Воскликнуть: "Бабушка родная!"
Хотелось петь, кричать "ура"!
Рукой в кармане ощущая
Существование добра.

(Перевод Н. Матвеевой)

Простой человеческий поступок русской старушки — проявление милосердия — вызывает в сердце героя живое чувство ответной благодарности. Стихотворение пробуждает в нас, читателей, истинно человеческие чувства. Таков главный результат нашего общения с поэзией Д. Кугультинова. И трудно переоценить вклад поэта в дело нравственного возвышения общества.

Живой поэтический стиль Д. Кугультинова находит отклик в сердцах читателей, потому что оказывается способным отразить их сокровенные думы и чаяния и помогает глубже познать и осмыслить новые явления постоянно изменяющейся действительности, задуматься над смыслом жизни и чертами характера современников, т. е. выразить их жизненные потребности и назревающие тенденции истории, а также нравственные, эстетические и философские поиски истины. В зависимости от того, какие вопросы ставит поэт и какие ответы он дает, определяются и уровень развития мышления, и осознание действительности, и жанровые решения. Вопросы, которые поднимает поэзия Д. Кугультинова, наполнены глубоким смыслом и по своему значению не уступают научным проблемам: здесь "вечные вопросы"

о смысле жизни и смерти переплетаются с проблемами сегодняшнего дня, настраивают читателя на поиск необходимых ответов.

В творчестве Д. Кугультинова впервые в калмыцкой литературе поэзия и действительность оказались в живых, подвижных отношениях, которые теперь уже не могли быть определены раз и навсегда, как в фольклоре, а потому открывали самые многообразные возможности претворения жизненного в художественное, и поэзия ощутила в себе возможности, равные творящей силе самой жизни.

Концентрация поэтической мысли в лирике Д. Кугультинова происходит за счет возрастания метафоричности. Стих Д. Кугультинова является прежде всего вереницей метафор, развертывающихся в концептуальный лирический образ. Метафорический способ его мышления позволяет глубже проникнуть в природу вещей и духовный мир человека и, исследовав их сущность, обобщить в выводах-раздумьях, выводах-пророчествах, выводах-пожеланиях:

Когда б к исходу странствия земного
Мне предложили повторить все снова,
Мой прежний путь сквозь счастье и
несчастье
Начать сначала, — не даю согласия.
Но и чужой — пускай прекрасный!
— жребий
Не нужен мне, хотя бы и на небе!

Когда б мое исполнилось желанье,
Я тотчас же, с последнего дыхания,
По волнам лет в заманчивые дали
Жизнь — жизнь мою! — продал бы
дале, дале...
"Нельзя?" Тогда пусть кто-то за
меня
Продлит ее, не повторив ни дня.

Мотивы самоанализа и подведения итогов усиливают нравственно-философское звучание его поэзии. Лирический герой требует от нас совершения гражданских, человеческих поступков. Размышления о жизни, о творчестве, о своих и чужих страданиях и утратах, о горестных и счастливых минутах волнуют читателей искренностью признаний, отзывчивостью сердца на все человеческие состояния: движение лирического сюжета раскрывает определенную нравственно-философскую концепцию автора. С творческой практикой Д. Кугультинова вошел в калмыцкую литературу исключительно богатый разносторонний и полноценный человеческий характер с его противоречивостью, широкой гаммой чувств и страстей, отраженных в исключительно многообразии интонаций и форм словесного выражения, звучащих с силой непосредственного жизненного чувства.

Лирика Д. Кугультинова по своему содержанию, характеру и общей направленности мысли была подготовкой к лирическому эпосу, к жанровой форме поэмы.

Образ человека, преданного идеям гуманизма, истине, несмотря на опустившийся на него топор репрессий, создан в поэме Д. Кугультинова "От правды я не отрекался". Стремясь к наибольшей объективности и убедительности повествования, он создал поэму-исповедь. Повествование о насильственной депортации калмыцкого народа, насыщенное страшным негодованием, отличается большой эмоциональностью. Драматическое движение мысли, ее накал создают образ растущего отчаяния народа:

В те злые годы ледящей стужи
Что не бывало?..

Страхом сражена,
Иная — даже верная — жена
Писала отречение от мужа.

Здесь все, пережитое самим поэтом и его народом, открывается во всей сложности и трагичности обстоятельств как общая судьба. Лирический герой выступает не хладнокровным наблюдателем, а гневным и потрясенным до глубины души защитником людей, внушая им надежду на обретение свободы и справедливости.

Тема беззаветной сыновней любви к своему народу в часы страшных испытаний, нависших над ним, приглушая трагизм обстоятельств, придает стихам оптимистическое звучание.

Поиск нравственной истины сопряжен с утверждением главных ценностных категорий — человеческого достоинства и правды. Исповедь лирического героя, обнажая всю суть его души, придала изображаемым событиям и переживаниям силу документального свидетельства. Здесь все — в напряжении мыслей и чувств, которое не оставляет места для спокойной описательности, поэтических орнаментов, многословной риторики. Мотивы самоанализа и подведения итогов усиливают нравственно-философское звучание поэмы.

Д. Кутультинов выработал в калмыцкой поэзии типы сознательного рефлексивного отношения к миру. Рефлексия — это способность человека постигать, анализировать свое собственное мышление. Лирическая рефлексия — форма лирического размышления — становится в творчестве Д. Кутультинова преобладающим средством выражения авторского сознания. Лирическая рефлексия, причастная к "механизму" формирования мыслительных процессов, явилась инструментом метафорического мышления. В рефлексивном метафорическом мышлении обычный факт возрастает в своем значении, обогащается смысловым и эмоциональным напряжением. Отражая индивидуально-авторское видение мира, лирическая рефлексия самой своей структурой соединяет распадающиеся звенья: факты и явления, предметы и мысленные их образы, сиюминутные впечатления и воспоминания. Метафора же, отличаясь особой экспрессивностью, служит средством эмоционального воздействия образа и мысли. Даже артистическое описание материально-вещественного мира не может обнажить всю полноту духовной жизни человека, пока нет лирической рефлексии, т. е. обоснования с помощью постулатов разума.

Поэма "От правды я не отгрекался..." предвосхитила интерес Д. Кутультинова к крупному плану изображения жизни. Одна за другой выходят из-под пера поэмы "Любовь и война", "Поэма о танце Ситары Дэви", "Моабитский узник", "Живая вода". Поэт с большой свободой и смелостью соединяет в структуре жанра поэмы личное с общим, лирическое и героическое, традиционно народное с современным.

Одной из притягательных жанровых конструкций стала жанровая форма поэмы-сказки. Появляются поэмы "Песнь чудесной птицы", "Золотое сердце", "Равные солнцу", "Сар-Герел", "Повелитель Время", "Цветок, одолевший бурю" и многие другие.

Условная сказочная форма — сказка, притча, легенда, — введенная в литературно-поэтическое сознание, позволяет ярче выразить новые мысли, чувства, идеи, способствует созданию нового ракурса во взгляде на жизнь. Поэтика жанра подсказывала читающему смысл названий многих поэм и тот гуманистический нравственный и философский подтекст, который составлял главное в авторском замысле. В поэмах-сказках всегда идет речь о ценностях подлинных и мнимых. Главный нравственно-философский смысл поэмы "Сар-Герел" — это ответственность не только человека за судьбу народа, но и народа за судьбу отдельной личности.

В поэме-сказке "Повелитель Время" интеллектуальная и эмоциональная напряженность повествования связаны с постановкой вопроса: что является главным критерием оценки всех человеческих дел и помыслов?

Истинный властелин вселенной, по мысли Д. Кугультинова, есть Время, способное отделить Добро от Зла.

В поэмах-сказках Д. Кугультинова сказочность — это метафора современной жизни, позволяющая увидеть ее под новым, необычным углом зрения. Условная сказочная форма творчески используется Д. Кугультиновым для того, чтобы пробиться сквозь стереотипы авторитарного мышления к живым нравственным, эстетическим основам народного сознания и духа. Жанр поэмы-сказки являлся своеобразной реакцией на господствующий в обществе дух тоталитаризма.

Широкую известность поэзии Д. Кугультинова обусловили главным образом новые горизонты и глубины познания человеческого духа и мира, стремление художественно выразить такое миропонимание, которое соответствует современному духовному опыту народа, нации, человечества. В поэтических размышлениях-медитациях о человеке, о духовных и нравственных ценностях народа, о путях обновления жизни, о будущем цивилизации запечатлена всеобщая связь между сознанием поэта и его эпохой, прошлым и будущим человечества, Землей и Вселенной. Особенности жанрового содержания поэм современной тематики обусловлены требованиями времени, жизненным и художественным опытом поэта, его идейно-философскими позициями.

С появлением поэмы Д. Кугультинова "Бунт разума" не только в калмыцкой, но и в мировой поэзии возникла широкая панорама современного мира, охватывающая всю планету; ассоциативные образы (предметно-смысловые, культурно-символические, эмоционально-психологические) легко совершают "скачки" от Америки до Калмыкии, от Японии до Вьетнама. Художественное осмысление современности в ее пространственно-временном континууме потребовало разнообразных форм лирического и эпического мышления и соответственно новых стиливых приемов, могущих широко и глубоко раскрыть природу нависшей над человечеством трагедии ядерной войны.

В калмыцкой поэзии никогда ранее не было столь глубоко мыслящих героев, в сознании которых сходились бы основные проблемы эпохи, и никогда не было такого изображения мира, в котором умещались бы последовательно-хронологическое жизнеописание героев и свободные лирико-публицистические выходы за пределы собственно-повествовательных рубежей, ход истории, время и вечность. История трагической судьбы Адама Крейзи, изображенная в поэме Д. Кугультинова "Бунт разума", отражает мироощущение человека XX века.

Кутультиновская концепция времени и пространства, человека и общества, позволяющая резко индивидуально увидеть истинный облик времени, соединить мелькающие будни с обозримыми с трудом тысячелетиями прошлого и предвосхищениями будущего, создала тот изумительный феномен поэтического творчества, которым восхищались и Ч. Айтматов, и Кайсын Кулиев, и Р. Гамзатов, и М. Дудин, и А. Вознесенский, и Ал. Михайлов и многие другие поэты, писатели, ученые, критики. В творчестве Д. Кутультинова мощно развиваются те плодотворные традиции мировой поэзии, в которых духовный процесс оказывается объектом внимательного исследования и художественного постижения. Его поэтическая мысль дерзко прорывается в сферу непознанного, до конца не осмысленного человеком, и такая смелость дразнит воображение, будит тревожную мысль. Произведениям Д. Кутультинова присуща та же интенсивность мысли и чувства, которая характеризует самого поэта.

Великий русский драматург А. Н. Островский в "Застольном слове" о Пушкине произнес слова о значении для общества поэта и поэзии: "Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что можно поумнеть... Богатые результаты совершеннейше умственной лаборатории делаются общим достоянием... Вот отчего любовь и поклонение великим поэтам".

Калмыки разных возрастов, задохнувшиеся в спертom воздухе 13-летней ссылки, потянулись на свежий воздух морально здоровой поэзии Д. Кутультинова, проявляя к личности и творчеству поэта заслуженное уважение и признательность.

Его любят художники, фотокорреспонденты, режиссеры телевидения, потому что он живописец: красиво вылепленная голова исполнена величия и мудрости, выразительный лоб Сократа бросается в глаза, его взор светится острым умом. Сильные чувства выражаются в прекрасном облике поэта, когда он начинает речь; лицо выдает нелегкую жизнь, прожитую в трудах, невзгодах и лишениях.

Его любят артисты кино, театра, танцевального жанра, потому что творческий поиск, мастерство в любой сфере человеческой деятельности восхищают его; он — лучший зритель и обладает той особой тонкостью ума, которую мы называем вкусом.

Его любят и ищут встречи с ним работники библиотек, учителя, студенты, школьники, молодежь, потому что он обладает уникальной способностью доступно и просто показывать, как можно и нужно мыслить. Выступления Д. Кутультинова никогда не были изложением, а всегда размышлениями, в которых как бы воплотилась сама мысль — слушатели, казалось бы, являются свидетелями процесса его мышления, т. е. прослеживают моменты возникновения и движения самой мысли.

Его любят поэты, потому что саму поэзию он украшает собой, потому что он поэт-философ. Поэтическая мысль является для него личным опытом, судьбой; при этом он занимается философией, как занимались ею русские классики. Хороших поэтов много, но поэтов-философов же, т. е. тех, кем держится сама поэтическая мысль, — единицы. Д. Кутультинов — один из них.

Его любят друзья, потому что он создан для дружбы; они знают, что он добрый человек с твердым характером, сражающийся с пороками авторитарно-

бюрократического общества, ненавидящий пошлость и хамство. Они знают, что он человек с сильной волей, не позволяющей ему прибегать к самообману и дешевым утешениям. Сила его характера — в яростной борьбе с душевным отчаянием и мраком, в необходимости совершать привычные действия каждодневной жизни тогда, когда сама жизнь теряла смысл и цель.

Счастье жить в полнейшем согласии со своими убеждениями, с собственной совестью, в гармоническом соответствии слова и поступка отвоёвывалось Д. Кугультиновым в трудной борьбе с тоталитаризмом, т. е. контролем со стороны органов государственной власти над всеми сферами общества. "Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав, к сожалению, трудно", — писал поэт И. Бродский, сам испытавший тяжкие лишения, непризнанный, поруганный и высланный со своей родины. Тоталитарное общество порождало многообразные формы антиобщественной бессердечности, вспышки вражды и слепой зависти к выдающимся личностям. Долгое время общественным сознанием манипулировали люди, чьи способности были невелики.

Сегодня кое-кто намеренно, а кто-то по недомыслию, пытается представить творческий путь Д. Кугультинова усталым сидением розами без шипов, которые своевольному поэту щедро и расчетливо даровали власть держащие. Они пытаются внушить, что чуть ли не каждое произведение поэта и каждая его круглая дата удостоивались высшей награды. Кошунствённая ирония!

Уровень таланта может быть разный: один — можно не заметить, другой — не простят никогда. Поэтический талант Д. Кугультинова приносит ему успех громкий, продолжительный, привлекавший настроенное внимание завистливых натур, для которых поэт был недостигаемо высок. А рядом подрастали и те, кто, скромно пописывая, впоследствии выступили самыми отъявленными врагами — одни сознательно, другие бессознательно. Они постоянно наносили Д. Кугультинову раны отравленным оружием тоталитарного общества: то и дело находились охотники копаться в его частной жизни, писать анонимные доносы, распространять гнусную клевету; иные искали предлоги и возможности залутать, заставить его страдать. Народ, почитающий Д. Кугультинова, выдвигал его на правительственные награды одного уровня, а следом летели анонимные письма в ЦК КПСС и другие инстанции, и в конце концов награда присуждалась, но уровнем ниже. К естественным врагам-литераторам примыкали и более опасные в то время противники: партократы и певцы партократии, среди которых находились бессовестные полуграмотные люди, которые или боялись за свое прошлое, или питали преступные надежды на будущее. У них этот безупречный духоборец вызывал ненависть. Они требовали подчинения и вначале были притворно мягки, обходительны и почтительны. Они мягко стелили, но жестко было спать на том ложе. Погрязшие в болоте тоталитарного мышления, они так и не поняли и уже никогда не поймут, какого человека они старались приручить.

Но не таков был характер поэта, чтобы унизиться до подчинения. Против авторитарно-бюрократического сознания он выставил здравый смысл и свое имя. Сила власти местных партийных функционеров порождала

самонадеянность, но имя Д. Кугультинова напоминало им об их ограниченности. Его всеобщая слава сама по себе лишала покоя черные души. Если авторитарно-бюрократическое мышление работало в режиме "двойной морали", в основе которой были презрение к личности и ненависть к выдающимся талантам, то поэзия Д. Кугультинова противостояла ему, очищая сознание современников от идеологических стереотипов, утверждая основы человеческой правды, становящейся критерием оценки многих явлений, событий и фактов. Но в жестоких поединках победа не давалась сразу. Злопыхатели защищались, контратаковали, наносили недостойными приемами душевные травмы. Они были могущественны. Апофеозом коллективной травмы поэта стало одно из заседаний секретариата обкома партии, где блюстители партии, где блюстители идеологической непорочности дали полный и развернутый "диагноз пороков" Д. Кугультинова, установленный столь высокими "знатоками" поэзии.

Партократы уже имели перед собой примеры того, как подвергать политическому остракизму свободолюбивых писателей А. Солженицына, Е. Гинзбурга, А. Кузнецова, И. Бродского. Кто-то оказывался за тюремной решеткой, а иные — за "бувром". Партийные функционеры намекали на то, что неизвестно, чем все это может кончиться для Д. Кугультинова лично, если он не покорится воле партии и не даст безусловных гарантий дальнейшего безукоризненного "партийного" поведения. Сам собой напрашивается вопрос: если уже и Д. Кугультинова подвергли партийной проработке, то кто же в таком случае пользуется в Калмыкии свободой?.. Но гордый и своенравный поэт не принял партийной заботы и предписаний. Неся в душе непреходящую обиду и высокогражданский дух протеста, Д. Кугультинов пошел в наступление на прекрасно защищенные, щитами. Он выкорчевывал то, что главенствовало, наводя страх, то, что нельзя было, казалось, даже обсуждать или ставить под сомнение. Принципиальное различие между Д. Кугультиновым и его противниками заключается в том же, в чем оно всегда существует между людьми, щедро одаренными природой, и серой посредственностью: умные нападают на сами принципы, заурядные — на личности. Д. Кугультинов не ждал свободы от властей. Суверенитет личности он понимал как свободу построения своего личного поведения, как реализованность взятых на себя обязательств — это был путь, на котором он одерживал победы, удивляя своих современников. Человек безупречной нравственности, он при всех иерархах говорил только правду о том, что изначально шло по неправильному пути, что абсурдно, что нарушает гармонию мира, и говорил громко. Он всю жизнь был свободен. Подобно своему любимому поэту А. С. Пушкину, он был всегда на высоте и сегодня делает то, что считает необходимым. Это бесстрашие гения Д. Кугультинов выстоял на своей Голгофе под напором темных и злых сил тоталитарного общества. Его обаяние и воздействие на умы даже партийных функционеров было заметным, хотя все они делились на тех, кто его тайно обожал, и на тех, кто яростно преследовал. Сегодня имена многих партийных функционеров канули в Лету, а поэзия Д. Кугультинова по-прежнему доставляет людям радость познания и эстетическое наслаждение. И, видимо, так уж устроено Творцом, что самые черные злодеяния, вопреки своей воле, служат добру.

Д. Кугультинова любят и почитают большие художники и критики в нашей стране и за рубежом, на него ссылаются, у него предлагают учиться

открывать истины в самых обыкновенных, будничных явлениях человеческой жизни и природы.

В С. Маршаке, Я. Смелякове, М. Светлове, А. Кулешове, М. Дудине, К. Кулиене, Р. Гамзатове, М. Кариме он нашел тех страстных, но вместе с тем требовательных поклонников своего таланта, в которых так нуждается истинный поэт; они со знанием дела оценили его дар художественного самовыражения и восхищались им.

С именем Д. Кугультинова для каждого калмыка связано многое, его поэтические сборники любят перечитывать все. Его уважают не только в Калмыкии: литературные вечера Д. Кугультинова, будь то в Элисте, Москве, Ленинграде или в дальнем городе, у нас в стране или за рубежом, неизменно собирают заинтересованную и влюбленную в его поэзию аудиторию. Сам поэт в обращении с людьми прост и отзывчив. Он обладает удивительной способностью приподнимать человека над обыденным и в этом смысле он — сильная личность. Он любит людей, и люди любят его за полет мысли, свободной от догм, за уроки человеческого мужества.

Его критические выступления находили понимание у людей. Отзывчивость поэта характерна не только для его частной жизни, но и при том высоком положении, которое Д. Кугультинов занимает, он готов помочь, ободрить, поддержать. В его чувствах, обращенных к людям, — модель нового мироощущения, характерного для современного человека.

В сутолоке будничной жизни, в вихре ежедневных конфликтов и кризисов, драматических стечений обстоятельств, политической борьбы поэт незаметно продолжает свой труд, наводя мосты взаимопонимания между народами, напоминая людям об универсальности, всеобщности чувств, желаний и горестей, напоминая им о том, что уровень взаимопонимания определяет уровень цивилизации.

В истории калмыцкой поэзии еще ни один поэт не показал так ярко духовной сущности в человеке, как Давид Кугультинов. Раздвинув границы духовного мира нации, он заслужил право быть в ряду тех, чье поэтическое наследие принадлежит не только калмыцкому народу, но и всему человечеству. Величием его личности возвеличиваются нация и человечество.

Сегодня, благодаря демократическим процессам, происходящим в нашей стране, понятие "Личность" пишется с большой буквы наравне с такими понятиями, как "Свобода", "Культура", "История", потому что "Личность" неопределима, и сама является инструментом интеллектуальной и нравственной ориентации общества. Поэтому человек, ставший "Личностью", — это самая высшая ценность на Земле. Именно "Личность" является предпосылкой и гарантом нравственного здоровья общества.

Многих людей в истории Калмыкии мы уважали, многие вызывали чувство восхищения. Но Д. Кугультинов в нашем сознании остается первым среди лучших, потому что он своими поступками и творчеством воспитывает в нас чувство национальной гордости. Поэзия Д. Кугультинова ценна тем, что она относится к софическим сущностям: она несет в себе напряженную жизненную силу, которую чувствуют все, когда берут в руки любую из книг поэта.

Сегодня весь мир знает Д. Кугультинова и как знаменитого поэта, и как выдающего общественного и политического деятеля. Он заслужил право быть в ряду тех, чье поэтическое наследие принадлежит не только калмыцкому народу, но и всему человечеству. И пока нам светят такие одинокие звезды, еще кое-что видно на путях эволюции человеческой цивилизации.

*КӨГЛТИН Дава,
Хальмгиг оян-эмнэнэ шүлгч*

ҮННЭСН ЦӨКРСН УГАВ

Шүрүтэ шахлһна үндсиг
Шүлгэри шалһж зөрсндөн —
Мөңкрси нер олж,
Мөңгэр байжси угав,
Түүнэс үлү,

тадан, —

Туурси күңкэмүднн күс —
Мөрө шүлгэри оллав,
Мөңк хөвтө боллав!
Харалын цуста шовуна
Хар жирв сахлын,
Сталина догшин цухлын
Сүүдэр хальмгиг дэврхд,
Хальмг болж төрсндөн

Хөөрлг уга засгла,
Көгшин баһ уга,
Көөркс, харһси цагла,
"Хөөмнш" гихиш цөп,
"Хальмг" гихиш оян,
Көөгдөд, көрөд, өөгдөд,
Күндэр түңиши кемлэ, —
Билгөн дуудж, шүлгөн
Бадглад, уульж бичлэв,
Берөд, залус, көгшдт
Белглэд, уйдн, умшлав,
Көгшин баһ уга
Кишигтө төрски теегүри
Хальмгуд удлго таңһчарн
Хөрү үклго ирхинг
Өөлдж, седкл саатулж,
Өмннд иткүлж келлөв,
Ленинэ нари унтришгог
Лавлж олд зарллав,
"Нари унтришго!" — гиж
Насари андһар төвлөв!
Халуи седклэс үүдси
Ханһтын цевр нульмс
Хальмг улсин нүднэс
Халхарнь һоожсиг үзлөв,
Омг сүр немси
Олна үлмөд багтж
Иргчин элч шүлгүдөн
Иткж зөргөн батлав!

Шүрүгэ шахлһна үндсиг
Шүлгэри шалһж зөрсндөн —
Мөңкрси нер олж,
Мөңгэр байжси угав.
Тер шүлгүдөси көлтө
Түүрмин өөмшгтө бөрөнд,
Зүүдн болси Төрскөн
Зүркэри харспанинь хөөн,

Делхэд байр төгөж
Делсөд,

модд,

шовудт

Дуулж, нар белгэсн
Диилврн алдр өдр —
Һунд байр хойрин
Һашуһар чеежэи услж,
Түүрмин терзин төмр
Терм зууһьрж мерлэ!
Харулч, камерүүр, өөлһор,
Хаснас кемтрсн тоосхин
Кемтркө мег

шүднөсм

Күүрод, кемтркө уисинь
Онһого, нүднөшнь нульмсарн
Орчлц цавдж йөрөлөв.

Тер шүлгүдөсн көлтө
Теркө, шицкөн бүчрлсн
Арм баһ наспаннь
Арвн дүүвр жилөн
Ар далан көвөд
Аралжн сөртө суцлугин
Һурвн эрэдн ца,
Һундлын ики дааж
Халһрсн цецгөрн уяртсн
Хальмг дулахн тесгөн,
Арагнин герлэр дүцгөсн
Амрган,

өмтохн зүүдидөн,

Седжл авлсн таңичан,
Серхөсн өөһөд,

үзж,

Хату дажрлһнд шаргдж
Харһнад көлдөд давуллав.
Тиигдг болвчн

би

Тер күчр цагт, —
Һаслцга зовлцгас сүрәж,
Герид уульж,

залусасн,

Заячан хараж,

үрдүднй

Зеткрлө харһсн эцкиросн,
Зөргтөд тоолгджасн зөрм
Залус, сүүлөн хавчж,
Арат эс болвчн
Арсан халчлж чичрөд,

Бийиннь арһ хөөж,
Буульмжга цевр үннөсн,
Бүгдөрн, тер кемлө,
Буру хандсн цагла, —
Би

эврөннь үннөсн
Буру хандсн угав!
Хасг, бурятын нерөр
Хальмган сольсн угав,
Цаас орулж,

үүрмүдөн

Цаажла харһулсн угав!
Яһдг болв чигн,
Яарсн яхллһна икиг
Үздг болв чигн,
Үүлин күндлө харһж,
Үкдг болв чигн, —
Үннөсн цөкрсн угав!

Негл цадхин төлөд
Нерөн, ичрон барм,
Зүсм өдмгөс хулдад,
Зүсн иньгөн дарм,
Цахсид мал буладг,
Цаг зуурт нойрхдг,
Чинөн угаһинь бахлурддг,
Чидлгөн көлинь доладг
Берия — бирд-шулмин
Барг нер авсн
Комендантын һарт орвчн
Көдлмшөрн торад һарсн,
Эгл орсмуд заагас
Эцкр үүрмүдөн олсн,
Синврнн киит диилж
Седжлэн эс сольсн
Хальмгтаһан хамдан би
Харцһу талрхиг күлөлөв,
Декабристһрин, Пушкинө Эрәсө
Десермчнриг кудхиг сурлав,
Хөв манур көлтх
Хөрдгч,

тууж герлтксн,

Хөрдгч съезд болхиг
Хальмг зүркөрн итклөв,
Эндрк нарна толаг
Эрж зальврад өөрдүллов!
Тегөд чигн ода
Таңичнн күслн күцж
Эзнтөһөн ниилсн тег
Эклцин сүүлөс атхж,
Эрлг түлкж уһһасн

Эрчмтэ эиллһни улмас,
 Эр эм уга,
 Эврэ күүнэ угад.
 Эрт ора уга,
 Эргидэн алдржах цэгт —
 Өлсжөх күүнэ амнд
 Өөк күрген мет
 Таңчдан түрү кемд
 Таңег үгөн күргендөн,
 Седжлһн өвдкүр эдгөх.
 Сиддгэ эм олсндан,
 Хальмг дууч болсндан,
 Ханат хөвдөн өргж,
 Теслт, зөрг заяен
 Теегэсн эдс авч,
 Ухани уутан уудж
 Урмдж хальмг таңчдан
 Герл-гегэ дураж
 Герөслгч йөрөлөн өргжөнөв:
 Көк теңгр дор,
 Көрстө һазр дээр,
 Арви һурви жилдэн,
 Алькчи түрү дилж,
 Алтн жоланан эргүлж,
 Төрски һазрури нүүси
 Таңчч минн, кишиг минн,

Бората, аюлтд кемиг
 Бодлж, күңкләри сарултхж,
 Эвдрлһн цусн уга
 Эвинн евэл тевиж,
 Һашуга тууждан дөкнөс
 Һалв ширг угаһар,
 Тооһари цөөкн таңчч
 Торһуд, бузав, дөрвдиг
 Хээртө ор һанцһн
 Хальмг перидөн багтаж,
 Цаг үмөтө өдгөг
 Цаһан хаалһар һатлж,
 Дүүриц дурна һарар
 Дүүвр жириһән хаңһаж,
 Ө, һундл, өшө
 Өрчдөн өскл уга,
 Йосни зөвд багтж,
 Йиртмжһн зөөр икдүлж,
 Күңкиһн күндгө һерән
 Күмни туужд соцсхж,
 Улан залата хальмг
 Уул төрөн хаһатха,
 Мөңкинд һи-һегн
 Менд амулд жириһтхә!

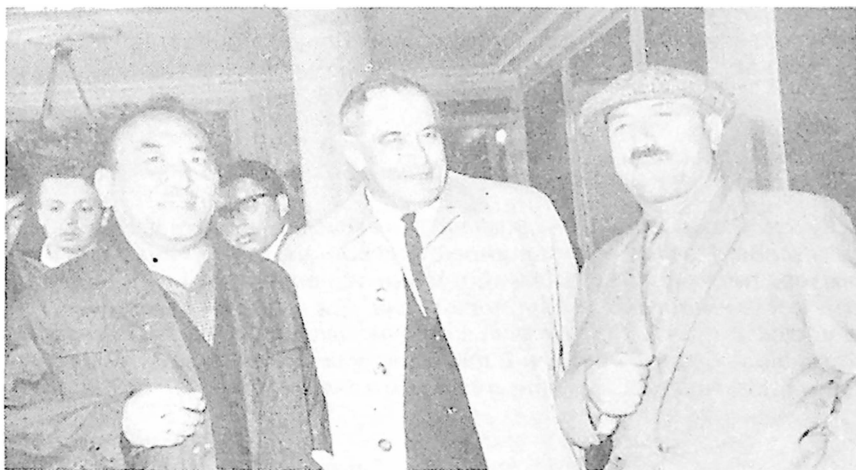
Д. Н. Кугульшинов с Президентом Республики Калмыкия К. Н. Илюм-
 жиновым и скульптором Э. И. Неизвестным.

О ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА

"Поэзии Давида Кугультинова свойственны глубина мысли, серьезность и значительность содержания... Кугультинов-лирик не стремится "следовать" но он чуток к принципиальным урокам выдающихся мастеров. Он последовательно ищет слышишь выношенной мысли с непосредственной и живой эмоцией. Его стих бежит рациональных построений, подчиняясь власти раскованного вдохновения..."

Кугультинов остается верным своей художественной природе, характеру своего дарования. Он никогда не пытается петь чужим голосом, в нем нет ничего показного, он не говорит, смотрите, как ловко я умею писать, какой я мастер, не гарцует перед читателем, изю всех сил, любыми способами стараясь понравиться им, а серьезно и углубленно делает свое дело, подобно трудолюбивому пахарю или каменотесу. В этом большое его обаяние, это и приводит поэта не к мнимым, а настоящим победам.

Его не назовешь баловнем судьбы. Он с достоинством прошел через все беды — будь то невгоды военных лет или другие несчастья. Как важно, как хорошо, что он не очерствел душой, не разлюбил ничего, что было дорого ему — родину, родную степь, человеческую

Слева: Давид Кугультинов, Валентин Катаев и Кайсын Кулиев. 1968 год.

доброту, честность, стойкость, людскую дружбу, женскую красоту, поэзию, искусство, снег, дождь, деревья, рассвет, сияние звезд над дорогой. Все это он воспел сильно и мужественно, заслужив интерес и любовь миллионов читателей".

Кайсын КУЛИЕВ,
народный поэт Кабардино-Балкарии,
лауреат Государственных премий

"...Высокий уровень интеллектуальности, психологическая обусловленность в его творчестве с простотой, со зримой вещественностью, лирические движения души — с мощным эпическим потоком его поэм. Оставаясь верным особенностям национального мировосприятия, Кутульшинов в то же время поднимается к глобальному мышлению человека XX века, достигая в своей поэзии "стереофонического" изображения больших и малых величин — человек в огромном мире и весь мир в отдельном человеке.

Самые сильные, яркие стороны кутульшиновской поэзии — размышления, раздумья, внутренние переживания, насыщенные тревогами, переходящими в надежды, надеждами, переходящими в сомнения, радостью, горечью, мудростью человека наших дней...

Самым крупным достижением Давида Кутульшинова является, на мой взгляд, его произведение последних лет — поэма "Бунт разума"... Традиционный реализм, ирреальность, быль, вымысел, ясновидение человека, лишившегося рассудка, сказка, притча, эпос, политический памфлет — все это в едином мощном потоке кутульшиновской поэзии грядет грозным валом, покоря силой мысли, точностью и богатством найденного слова!.. "Бунт разума" в этом смысле произведение высокого и сложного построения, заключающее в себе многослойное, раскованное, широкое течение мыслей и образов..."

Чингиз АЙТМАТОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственных премий

"Русский язык, этот великий толмач мыслей и страстей народов, сделал тебя, Поэзия Кутульшинова, достоянием всей страны. И это случилось потому, что по своей идейно-эстетической сущности ты стала достойной того завидного угла. Ты и он, вызвавший тебя к жизни, стали схожи. Содержание его личности стало твоим существом. Вы достойны друг друга — он и ты. Тебе повезло, Поэзия Кутульшинова: большая, тревожная и умная душа вложена в тебя...."

Мустай КАРИМ,
народный писатель Башкирии,
лауреат Государственных премий

*Пегер ХУЗАНГАЙ,
народный поэт Чувашской АССР*

ПОЭТ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

Давиду Кугультинову

Поэт калмыцкого народа,
Советской армии солдат,
Стоявший насмерть за свободу,
Вдруг органами был изъят.

Долой погоны и медали
С нашивкой алой заодно.
Как будто рану раздирали
Зажившую не так давно.

И заскрипел вагон холодный,
Вагон с решеткой, по путям.
Тюрьма с баландою голодной.
Этап. Тайга да снег. А там...

Там проволокою колючей
Самих себя огородив, —
Не хуже всех таких, не лучше, —
Жить стали... кто остался жив...

Он был на Севере далеко.
Работал, мерз, валился с ног;
Но о призвании высоко
Нигде, никак забыть не мог.

И было нестерпимой пыткой,
Когда начальство, то грозя,
То с инквизиторской улыбкой,
Сжигало рукопись: нельзя!

Так по верховному велению
Он прожил десять долгих лет.
Оставили на поселенье.
Калмыкия... ее уж нет.

Попался с Пушкиным учебник.
В нем "Памятник" Он так привык
К звучанью вещей строф! Но нет
в них
Строки "... и друг степей калмык"

Знать, кто-то, защищая шкуру,
Поэта вновь убить хотел,
Осуществлял он диктатуру...
Холопства, варварства предел!

Да я бы голову на плаху
Сложил за каждый стих его,
Порвал бы на груди рубаху:
Стреляй! Что жизнь мне без него?!

...И долго над закрытой книгой
Поэт в молчании сидел,
Конечно, не заметив мига,
В какой внезапно поседел.

Уйдя в себя, застыл он камнем,
Как будто было в нем одно
Все горе, что народ веками
Изведал на пути своем...

Когда сказали миру правду
И "друг степей" попал в Москву,
Он к Пушкину понес и радость
И неизбывную тоску.

И, положив венки свой бедный
Из дальних полевых цветов,
Он встал торжественный и бледный,
И жить, и умереть готов.

1965 г.

Д. Кугультинову

Пока душа летела пгахой,
Ладонь была цветком и плахой.
Но втайне вынесла на свет
Без счета яблок и планет
Простым приемом — под рубахой...

Медовый август загустел.
Хомяк в сторожке свистел.
Врывался ветер, как Атилла.
Потом в душе зажгли огонь...

Металась птицею ладонь!
То расцветала, то грустила.

В корзинах яблоки дошли,
Планеты спелые взошли,
Когда тяжелая, слепая
Душа и вправду родилась,
И с миром ощутила связь,
Цветок ладони осыпая...

Октябрь 1986

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

Давиду Кугультинову

Ожегшийся крапивой стал невольно
Травы бояться всякой с той поры.
И понял тут, что пули ранят больно,
Когда раздался залп из-за горы.

Отныне жмурил глаз, хоть ветер
жгучий
Тебя валил и гнул в твоём пути,
И поле, что чернело от колючек,
Хоть был босым, не мог, не мог ты не
пройти.

Тебя невзгоды силою предельной
Наотмашь били, чтобы ты упал,

И все ж очередной удар смертельный
Не смог тебя свалить, а поднимал.

Как ни была бы жизнь к тебе сурова,
Как дни бы ни были б нехороши, —
Невзгоды лишь оттачивали слово,
Что зрело в глубине твоей души.

Не знаем мы, что нам готовят годы,
Ведь повезет нам иль не повезет,
Но я тебе желаю наперед,
Познавшего и славу, и почет,
Тебя пусть и удача не согнет,
Как не согнули некогда невзгоды.

ПОЧЕТНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

о присвоении названия малой планете _____ 2296 _____

Институт теоретической астрономии, возглавляющий в Советском Союзе работы по малым планетам, настоящим свидетельствует, что малая планета № 2296 ... , открытая советскими астрономами, получила название в честь

ДАВИДА НИКИТИЧА КУГУЛЬТИНОВА

Отныне эта неотъемлемая часть Солнечной системы будет именоваться малая планета _____ (2296) KUGUL'TINOV _____

Нижже приводится текст официального сообщения об утверждении Центром по малым планетам (Смитсоновская астрофизическая обсерватория, США) названия малой планеты _____ (2296) KUGUL'TINOV = 1975 BA1 _____

DISCOVERED 1975 JAN. 18 BY L.I. CHERNYKH AT THE CRIMEAN ASTRONOMICAL OBSERVATORY. --

NAMED IN HONOR OF DAVID NIKITICH KUGUL'TINOV, RENOWNED SOVIET POET AND NATIONAL POET OF KALMYKIA.

Circular 17 465

DEC. 2 19 90

Институт теоретической астрономии АН СССР

А. Г. Сокольский (А. Г. Сокольский)

Л. И. Черных (Л. И. Черных)

Ленинград .. 22 .. декабря 19 90г.

Мариэтта Шагинян — Давиду Кугультинову

12.2.60 г.

Дорогой Давид Никитович!

Спасибо за книжку и письмо. Книжку еще не успела прочесть, а стихотворение прочитала, — оно очень красиво и эмоционально, но "фактически" против него надо возразить — т. к. факты в нем не точны. В Астрахани были не отец с младшим сыном в гостях у бабушки калмычки, а Мария Ал. Бланк (мать) с двумя старшими детьми — Анной и Александром, причем Александр был маленьким совсем. Володи еще не было на свете и Илья Николаевич в это время был в Нижнем Новгороде, готовясь к отъезду в Симбирск. Так что публиковать это можно лишь как поэтическую фантазию (не знаю, насколько это допустимо), но не как стихотворение о маленьком Ленине. И это очень жаль, т. к. стихи очень сильные. Перевод хорош лишь в первых строках.

Крепко жму руку. Привет всем калмыцким друзьям.

Ваша М. ШАГИНЯН

Леонид Леонов — Давиду Кугультинову

МОСКВА 19/11302 25 1 1533

Элиста Центр ул. Юрия Клыков
20 кв 3 КУГУЛЬТИНОВУ

=СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРЮ ВАС ДОРОГОЙ ДАВИД НИКИТИЧ
ЗА ДОБРОЕ СЛОВО ОБО МНЕ ЖМУ ВАШУ РУКУ =ЛЕОНИД
ЛЕОНОВ=

Москва. Кремль. III съезд писателей СССР. Слева Шагинян и Давид Кугультинов. Май 1959 года.

Мустай Карим, Мариэтта
Фото С. Ахрема.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ*

Память — самый высший дар Господа Бога, данный Человеку. Никто не обладает этим даром на земле из всего живого, кроме человека. Много в истории всех народов законов по разному поводу, но есть высший Закон — Закон Совести... Я пишу предисловие к Книге "Сосланы... Оставлены навечно..." — списку тех калмыков, которые умерли в Сибири после выселения. Моей рукой по бумаге водит совесть моя. Я сам в последнюю минуту, когда работник издательства, издающего эту Книгу, позвонил мне и спросил: "На букву "К" список заканчивается. Давид Никитич, а у Вас разве никто не остался в Сибири?" — сказал: "Есть, внесите в список имя девочки — Кугультиновой Клары Никитичны" Моей сестры... Она была маленькой, но, как говорят калмыки, "керсю", она простудилась в Сибири, в ином, чем на прежней Родине, климате. Она медленно умирала, как умирали тысячи других детей, обреченных на смерть только за то, что их родила Калмыкия. Сестра моя слышала, что "брат ее — писатель", пишет книги и его знают многие, что он — командир Красной Армии, которая побеждает извергов-фашистов, освобождает свою великую страну. И она, бледная, худая, как спичка, смотрела в окошко, на Запад, все ждала: придет братик и все на свете станет иначе, хорошо. Он — этот сказочно сильный брат, натопит печи всем калмыкам в Сибири, накроет столы борщиками, маханом с шелюном, и все досыта наедятся... Она умерла.

А брат ее в это время ничего не знал о том, что случилось 28 декабря 1943 года с калмыками, с народом его: он воевал и воевал, как и тысячи, десятки тысяч калмыков, освобождая Родину свою от ига фашистов-извергов, с каждым метром продвигаясь вперед и вперед, на Запад, не ведая, как и все солдаты-калмыки, что позади, в пространстве между Волгой и Доном, другие, которые называли себя коммунистами, выселили весь его род, все его племя, всех, кто именуется калмыками, на погибель, на смерть в Сибирь, как изменников. Они — эти солдаты, коммунисты, комсомольцы, беспартийные, но все россияне, в то время не думали, что выселяемые коммунисты, комсомольцы, беспартийные, калмыки, немцы, балкарцы, все — такие же, как они, несчастные. Эти выселяемые освобождали великую святыню Родину свою, тогда Советский Союз, от таких же извергов, как те, кто их сослал в Сибирь, уничтожал их. Сталин, Берия, Молотов здесь, а там — Гитлер, Геринг, Гиммлер... Какая разница! Правда, национал-социалисты Германии, то есть члены гитлеровской партии могут обидеться на меня за такое сравнение, они могут сказать, что народы не сылали, запомнят при этом, что евреев уничтожали за то, что они евреи, цыган уничтожали за то, что они цыгане. Впрочем, разницы-то существенной, в самом деле, между Сталиным и Гитлером нет.

* Предисловие к списку погибших в ссылке, за национальную принадлежность, калмыков.

** Керсю — мудрая.

Все страшные государственные документы по уничтожению малых народов, обвиненных в неоялзости к коммунистическому режиму, приводятся в другой книге. В этой же книге печатается далеко не полный список, ведь я же только что сказал о своей сестре, внесенной в него после того, как фамилия на букву "К" уже были набраны, а сколько тех, которые не вошли в этот список потому, что у них не было брата, который пишет это предисловие. Мне трудно писать эти слова не потому, что слезы заволакивают глаза, не потому, что каждый, читающий эту Книгу, плачет, а потому, что все это случилось при нашей жизни. Мы, живые, не умерли ради того, чтобы эти мертвые были живыми. Стыдно, и сияние Великой Победы 9 мая 1945 года блекнет, когда думаешь о том, что при жизни Победителей могло случиться такое, когда изверги подвергли уничтожению собственные народы этих Победителей.

Я вспоминаю, как нас, офицеров-калмыков Второго Украинского фронта, после уничтожения Корсунь-Шевченковской группировки, где-то после выхода на Ясско-Кишиневское направление, по одному стали собирать сначала в штабы армий, потом в штаб фронта, и мы все гадали, зачем нас собирают. Каждый разгадывал эту загадку логически, иначе и быть не могло, полагал, где-то формируются национальные части: калмыцкие чеченские, татарские и т. д. В то время чувствовалось, как чувствуется в конце суровой, холодной, морозной зимы желанное веяние приближающейся весны, веяние приближающейся Победы. Фашистский зверь был смертельно ранен и упал в свое логово, надеясь залечить свои раны... И мир уже готовился к празднику Победы, уже в истории маячил образ будущей Организации Объединенных Наций, будущие победители, предвидя соперничество между собой, подсчитывали голоса в ООН, и Сталин подсчитывал собственные голоса в надежде, что ему удастся обогорить всех своих союзников, набирая очки за счет количества народов, образующих СССР, а в их число входили и балкарцы, и карачаевцы, и ингуши, и все, все сосланные... Мы, наивные мальчишки, солдаты и офицеры, примерно одного возраста — около двадцати, были те, кого собирали в штаб Второго Украинского фронта. Мы так и думали, что нас собирают для национальных формирований до тех пор, пока не появился среди нас капитан Сергей Микоянович Чуриюмов. Узнав о том, что мы думаем по поводу нашего сбора, от, горько улыбнувшись, сказал: "Все вы, товарищи, ошибаетесь, прочитайте", — и вытащил из нагрудного кармана гимнастерки обычное треугольное письмо. Наш друг капитан Басан Омбукович Манцынов развернул этот треугольник и громко начал читать письмо, написанное детским почерком: "Дорогой наш папа! Сообщаем, что нас — всех калмыков — 28 декабря прошлого года собрали в клуб Бацантинского сельхозтехникума и увезли..." Басан Омбукович, увидев детский почерк, начал весело читать письмо, но вдруг эта тональность, мы все слышали, исчезла, он как-то сразу сник, зашнулся, побледнел, сделал паузу, какую делают, когда находят в письме страшную весть о неожиданной гибели самого близкого и самого дорогого человека. Он не стал читать дальше. Он молча передал письмо соседу, тот — другому, другой — мне, я — соседу. Мы беззвучно читали и слышали то, что не звучало. Мы слышали страшные слова, при звуке которых женщины посыпают пеплом волосы и с воем рвут их в клочья, а мужчины, вскочив на коныя, галопом мчатся в степь, чтобы мстить, если нет силы на то, чтобы застрелиться. Но мы все тогда, а нас-то было человек 15—16, собрались в одной большой избе, купили, вернее, обменяли, на что могли, самогонки, выгнали свои пистолеты, сделали залп в потолок — салют в память стигнувшей Родины — и горько плакали, не стыдясь, не в силах опьянеть, как ни пили. В каждом из нас было нечто сильнее, чем водка. Я однажды так же

плакал в Бийске, когда работал в автомобильном техникуме. Меня арестовали там, но это было до ареста. Мне было 22 года. Боже мой, как я был молод, как я был молод, как были молоды мы. В Бийске жили мой друг Басанг Надбитов, Ниня Эрдниев и другие. Мы встретились, сидели допоздна. Автомобильный техникум находился примерно в семи километрах от центра города. И однажды после большой обиды, нанесенной нам, офицерам, фронтовикам, занесенным в список изменников Родины без измены, а только за то, что мы — калмыки, поздно ночью по льду реки Бии, накрытому белым-белым снегом, я, сжимая свой пистолет, бельгийский "Вальтер", почти бежал домой и глядел на странное, почему-то кроваво-красное при ясном полнолунии небо. Я не знаю отчего, но половина неба была багрово-красной, и пистолет у меня был взведен на боевой взвод, и хотелось, чтобы на меня напали пять-десять человек, врагов, чтобы я их убил, одну пулю оставив себе, но больше всего хотелось, чтобы один враг, мой желанный, любимый, дорогой мой враг, усатая сволочь, этот самый Сталин, появился передо мной, и я бы всю обложку с наслаждением разрядил бы в него, ах, как бы я был счастлив, если бы это случилось! Но этого не случилось. Придя в свою холодную конуру, я все разглядывал свой пистолет, прикладывал ствол к виску, примерялся, но кто-то отводил в сторону мою руку, унижая меня. Кто-то сильный, могучий, и я не мог противиться ему. Наверное, то был Бог, потому что он мне предначертал еще полвека жизни, и я прошел через падения и взлеты, и никто не смеет определить, где был взлет и где было падение. Может быть, одиночные камеры тюрем КГБ и бараки за колючей проволокой Норильских каторжных лагерей были годами моего взлета, я не знаю, Бог ведает это. Я пишу об этом не потому, что я писатель, чьим именем названа малая планета № 2296, а потому что я калмык, чье имя не занесено в этот скорбный список, в этот трагический ряд для того, чтобы я сегодня писал эти строки, а вы читали их.

Не вынеся унижений своего растоптанного человеческого достоинства, многие кончали самоубийством. Подумать только, в XX веке Победители самого страшного врага человечества — фашизма — были поставлены в условия рабов времен Спартака. За самовольный уход с места поселения калмык без суда и следствия, по решению малограмотного и злого коменданта, отдавался на 20 лет каторжных работ. Что могло быть расценено как самовольный уход, побег с места поселения? Почти все. Сообщали, что в соседнем районе под владичеством другого, не "твоего" коменданта от голода умирает твоя бабушка или мать. Ты кинулся за разрешением к "своему" коменданту, а его на месте не оказалось. А там умирает твоя бабушка или мать. У тебя есть возможность отнести десять картофелин, горсть муки и, махнув рукой, будь что будет, ты бежишь на помощь к роденьким. И ловит тебя тот, "чужой" комендант. И отправляет тебя на 20 лет каторжных работ куда-нибудь на Колыму или Магадан, чтобы с номерами на бушлате, на груди и на спине, ты 20 лет искупал свою вину. Я в Норильских лагерях встречал молодого калмычонка, который на свидание к любимой побежал на "чужую" территорию и был схвачен там, и за свою любовь этот горемычный калмыцкий Ромео тоже отхватил 20 лет каторги. Чтобы жениться, надо было брать разрешение коменданта. Чудовищно!

Особенно тяжелой для братьев была первая зима, когда в лютый сибирский мороз из нетопленных товарных вагонов выгружали замерзших, голодных, обреченных стариков и старух, женщин и детей. Оборванные, испуганные, грязные и тощие, они были жалки. Но партийные пропагандисты, имея задание вышестоящих органов, проводили соответствующую подготовительную работу к встрече калмыков. Они говорили жителям

Сибири: "Будьте бдительны. Вот привезут голодных калмыков, не выпускайте детей на улицу по одному, без родителей, их могут съесть калмыки"

Тысячи мертвых в эту жуткую зиму были погребены в сугробах на кладбищенских погостах состен деревень Сибири. Они отмучились. Им завидовали живые. Но и тысячи были спасены теми же жителями Сибири, которые хорошо знали звериный нрав живых пропагандистов, вот уж поистине людоедов. В середине мая, когда оседают поздренатые серые сугробы, из-под снега вылезали обгрызанные песцами, хищными зверьками руки, ноги, толстые туловища мертвых калмыков. Мне рассказывали о том, как славный боевой офицер, адъютант командующего одного из наших флотов, Босха Кадышев, увенчанный многими боевыми наградами, получил разрешение на свидание с матерью-старушкой. Когда он приехал, на месте поселения узнал от соседей, что она неделю тому назад ушла в районный центр к главному коменданту с какой-то важной просьбой, может, хотела узнать о сыне, и вот уже что-то долго ее нет. И он пошел тропинкой "глухой неизвестной тайги", как поется в песне, в тот самый злосчастный районный центр. Мне приходилось бывать в тайге, хорошо там, воздух настоян хвойном запахе, деревня шумят, и небо над тобою такое чистое-чистое. Ше в районный центр Босха Кадышев, и, наверное, в тайге ему было тоже хорошо, ведь природа нечпа и прекрасна. Только мы в ней не вечны и не прекрасны. Друг офицер, с поля брани явившийся сюда на свидание с родными, услышал шум, крики, злобный вороний грай где-то недалеко в стороне. Не любопытство, а что-то страшное, невыразимое, древний инстинкт заставил дрогнуть его, что-то оборвалось внутри, холодный, мертвый ужас пронзил его сердце, и он с пистолетом побежал в сторону ошеломляющего лесного шума. Недалеко он пробежал и увидел родную мать, висевшую на толстой ветке дерева с выклеванными глазами. Он не помнил, что случилось с ним дальше, но в состоянии безумства расстрелял всю обойму. Он в небо стрелял, он в мир стрелял, в мир виновный.

А сколько таких случаев знает наш поистине бедный, махонький, несчастный народ!

Вот что сообщила мне в письме, написанном буквально на днях, в октябре этого года, пенсионерка, вдова погибшего командира Красной Армии, заслуженный работник просвещения РСФСР, 80-летняя Бадма Алексеевна Петрова. Из поселка Шарпунт Сарнинского района они попали в Алтайский край, Змеиногорский район, а дальше я даю слово ей:

"...Колхоз, куда мы попали, был очень бедный, жить и работать нормально было невозможно: было голодно, — и потому мы решили украдкой от комендатуры удрать и устроиться на работу, где дают рабочий паек. Прибыли в совхоз "25 лет Октября", устроились на работу в стройучастке и в животноводческое отделение этого совхоза. Жили в очарне. Работа нашлась всем, кто может работать. Но жить было негде. С середины лета понемногу стали строить жилье. До осени построили землянки, расселились где по одной семье, где по две. Наступила осень, стало холодать. Люди стали болеть и умирать, в основном, дети и старики. До весны похоронили 65 душ..."

Шестьдесят пять душ погибло из одного села до весны следующего года сылки! Такова была горькая судьба калмыков!

Да разве только наш народ так жил! Ныне известная миру поэтесса Чечни Ранса Ахматова рассказала мне о случившемся с ней в юные годы. После того, как изнасилована вся одежда на ней, ведь высекали всех почти в том, во что были одеты в момент высылки, она один день не вышла на работу: из мешков шила себе платье. И в тот вечер к ним с платьем пришел комендант, бил юную красивую горянку, не щадя за то, что полуголой не

вышла она на работу. Так издевались коменданты над народом, чтобы выслужиться, а Берия за высылку народов, стариков, женщин, детей получил орден полководца, кажется, "Александра Невского". Генерал Серов — аж орден Ленина! В указе о высылке народов было написано: "Навечно..." Глушцы те, кто издавал этот указ, будто бы вечностью они распоряжаются, не зная, что пройдет время и этих "распорядителей вечности" постреляют как бешеных собак, и плевать будут народы на их могилы веками. Они думали, что уничтожат народы, но народы, заселявшие территории, куда ссылались вызвавшие гнев Сталина, были добры. Они тайно помогали выживать сосланным.

Я знал, что мой народ в лесах Сибири
Нашел друзей и вновь душой окреп
Среди лучших русских, среди щедрейших в мире,
Деливших с нами и судьбу, и хлеб.

(Перевод Юлии Нейман).

Моя мама рассказывала мне о том, как в Назаровском районе Красноярского края она была домработницей у агронома и как эти добрые люди помогли выжить и ей, и всей нашей семье. Семья агронома не была богата, но и мужу, и жене нужно было работать, чтобы опять-таки прокормить свою семью, и нужен был им человек, который смотрел бы за детьми и домом. Моя мама говорила о щедрости души этих неведомых мне людей. Но я сейчас расскажу о другой доброте.

После того, как состоялся великий XX съезд и произнес на нем свою поистине историческую речь забытый Н. С. Хрущев, переломавший хребет сталинизму и возвративший миллионам и миллионам погибшим честные имена, положивший начало десталинизации в стране, мне довелось говорить с бывшим в момент прибытия ссыльных калмыков первым секретарем Красноярского крайкома партии Аверкием Борисовичем Аристовым. Он говорил о том, как был ошеломлен вестью о ликвидации Калмыцкой и других автономий, о наказании людей за принадлежность к национальности, он считал, что это величайшая ошибка — проявление расизма в чистом виде, и ошибка вскоре будет исправлена. Но за время, которое пройдет до исправления, может произойти трагедия — народ может лишиться культуры, а народ, лишенный культуры, уже не народ. И он решил помочь калмыкам. Дело в том, что Аверкий Аристов был астраханцем, племянником видного общественного деятеля времен гражданской войны Мина Аристова, и с юных лет стал настоящим интернационалистом, не различающим людей по цвету кожи и особо тепло относившимся к калмыкам, так как хорошо их знал. И вот, будучи властелином Красноярского края, точно зная, как тяжело здесь в это время не то что переселенцам, но и местным жителям, и, чтобы спасти калмыцкую национальную культуру, он создал из ссыльных Калмыцкий ансамбль песни и пляски. Он хотел, чтобы носители национального духа и национальной культуры получали рабочие пайки и не умерли с голода. Этот ансамбль выступал в Красноярском крае и прилегающих к краю территориях, в частности, Хакасии. "Но вот, — рассказывал Аверкий Борисович, — однажды раздался звонок из Москвы, и Берия грозно и ехидно спросил: "Правда, что ты, Аверкий, ансамбль пляски калмыков создал?" Я сказал ему в ответ, что надо сохранить культуру народа. Сделав небольшую паузу, Берия "пошутил": "Может, тебя включить в этот ансамбль, чтобы ты поплясал по-калмыцки?" Конечно, мне было не до шуток, я мгновение размышлял, как ответить на этот бериевский юмор.

Не дождавшись ответа, он просто сказал: "Разогнать немедленно" И положил трубку".

Позже я расспрашивал об этом у наших старых артистов, в частности, у Улан Барбаевны Лиджиевой, у других. Они подтвердили этот факт. Калмыцкий народ не забудет имя Аверкия Аристова. А сколько было таких среди русских, казахов, киргизов и других народов? И разве не все народы в те годы, одни официально, другие неофициально, находились за колючей проволокой?

И тут мне хотелось бы высказать одну давно выношенную мною мысль. Неправда, что качество человека определяется его принадлежностью к какой-либо группе людей, партии, союзу, классу, народу, наконец! Нет, после долгих лет жизни я пришел к выводу, что все люди на земле делятся только на добрых и недобрых. Только Доброта, как лакмусовая бумага, определяет качество души человека. Она утверждает себя в поступках, но не в словах. Только в деяниях, а не в громких фразах. "Мысль изреченная есть ложь"

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог,
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.

Затем тайком перекрестила
В моем кармане свой ломоть.

И быстро прочь засемила,
Шепнув: "Спаси тебя господь!"

Хотелось мне, ее не зная,
Воскликнуть: "Бабушка родная!"
Хотелось петь, кричать "ура!",
Рукou в кармане ощущая
Существование добра.

(Перевод Новеллы Матвеевой)

Носитель Добра в сердце не может быть жестоким, злым, живым корыстным, негодяем. На войне в нас стреляли, уничтожали нас, зверствуя те же немецкие пролетарии, трудящиеся, крестьяне, сдавшие партбилеты коммунисты. А в ссылке, в Сибири, сколько было комендантов, следователей совавших в рот подследственным железную линейку, сексотов, тайных агентов КГБ из числа калмыков, татар, чеченцев, которые, чтобы сами выжить, своих детей спасти, следили, писали доносы, сажали соотечественников. На моем суде не русские или кто-то другой национальности, а калмыки, не чабаны или трактористы, а так называемые писатели, поганые доносчики, рьяно демонстрировали свои "патриотические" чувства, отсидевшись в тылу:

— За выступления против мудрой сталинской национальной политики по отношению к калмыкам требую самого строгого наказания! — свирепствовали они, нынче прижавшие хвосты.

Много калмыков погибло в тюрьмах и концлагерях, и, конечно, не все они вошли в скорбный список Книги "Высланы... Оставлены навечно..." А сколько погибших широко известного ныне "Широкага"? Этих самых униженных, оскорбленных солдат, защитников Родины, которые вместо славы и наград получили горькую долю каторжан? Сколько их не вошло в скорбный список? Может быть, фамилии погибших широколаговцев вспомнит и пополнит бывший в то время первым секретарем Пермского, то бишь Молотовского, обкома комсомола, пропрятавшийся от войны все годы там, надзирая над фронтовиками-калмыками, широколаговцами, потом, по иронии судьбы, ставший первым секретарем Калмыцкого обкома партии, ныне господин Михаил Александрович Пономарев?

Ссылка калмыков, геноцид, а за что?

Я много раз отвечал на вопрос, а все-таки почему сослали именно эти народы? Ведь если они не виновны, не было нужды ликвидировать целые республики, выслать целые народы. Я отвечал на этот проклятый вопрос следователям Барнаульского Комитета госбезопасности майору Елагину, подполковнику Шустову. Я говорил: "Если кто-то совершает преступление, он должен получить возможность для совершения этого преступления. Без такой возможности он не совершит его. Кто же дал этим народам возможность совершить преступление? И разве народ — это школьник или вор, которого можно наказывать? Говорят, война дала народам возможность совершить преступления. Если так, то почему не предотвратили войну, не сделали так, чтобы не было войны? Ведь народы, недоедая, недосыная, десятки лет трудились, чтобы одеть, обути, накормить, вооружить великую Красную Армию, обучить офицеров, генералов, которые должны были их защищать. Сталину верили, а он отдал Гитлеру Прибалтику, Белоруссию, Украину, пол-России, допустил врага до Волги и Кавказа, а виновными оказались калмыки, карачаевцы, балкарцы, ингуши, чеченцы, крымские татары, немцы Поволжья, то есть те, до чьих земель Сталин допустил вооруженного танками, самолетами, пушками врага, виновными оказались старики и старухи, женщины и дети этих малочисленных угнетенных советской сталинско-бериевской империей народов. Будто они их, оккупантов, пригласили, они уничтожили вооруженные силы Советского Союза..

"Исход и Возвращение" Открытие памятника в Элисте. Слева направо: Президент РК К. И. Илюмжинов, автор памятника скульптор Э. Н. Неизвестный и Д. Н. Кугультинов. 29 декабря 1996 г.

Фото Э. Джамбеева.

Все это было бы, как говорил поэт, смешно, когда бы не было так грустно. И вера в эту сталинскую сказку для идиотов о предательстве малых народов, к сожалению, существует, существуют идиоты, верящие в это и сегодня. Народов виновных не бывает — бывают виновные перед народами. Были, конечно, отдельные преступники среди этих народов, уголовники, изменники, но их было не больше и не меньше, чем у несосланных народов. Безусловно, в момент оккупации были имевшие основание не любить, ненавидеть Сталина и его палаческую гвардию, и они при немцах имели возможность высказать эту ненависть, проклинать их, но это вовсе не значило, что им были любы такие же, как Сталин и его сподвижники, из глупин Европы, Гитлеры и прочая мерзость...

Однако перед моими глазами бесконечная вереница имен погибших в Сибири от руки Гитлера и Сталина. Я не ошибаюсь, утверждая: если бы не было Гитлера и войны, не случилось бы этого, если бы не было Сталина и войны, не случилось бы такого.

Дорогой друг, читающий эту Книгу! Все, чьи имена запесены на страницы этой Книги — живы, ибо жизнь бессмертна и она всегда будет в Храме ли, в Стране ли иной, на иной Тверди, именуемой высоким словом Память. Ее, Память, невозможно разрушить, развалить, сжечь, уничтожить прямой наводкой из пушек. Она всегда была, есть и будет, пока на земле останется хоть один Человек, ибо Человек без Памяти — не человек. Мы оставляем эту Книгу и для Тебя, читающего сегодня, и для Того, который придет на эту землю после как Твое продолжение, и потом для Того, кто придет как продолжение Твоего продолжения. И мы с тобой тоже будем живы в памяти Тех, живых. Поблагодарим же за это великое счастье быть вечно живыми и Землю, и Небо, и Того, кто в нас и над нами: Вечного Мудрого и Милосердного.

Вечная память всем!

ПОСВЯЩЕНИЯ

Михаил ДУДИН

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ В НОРИЛЬСКЕ

Ты строил этот город, Давид,
Нелепой обидой мучась,
В душе твоей до сих пор горит
Изгоя тупая участь.

В душе твоей эта боль, жива
И не уходит по дозам,
И пахнут кровью твои слова,
Прихваченные морозом.

Ты знаешь на ошупь, любезный друг,
Как здесь, по каким заслугам
Был беспощадный Полярный круг
Очерчен Дантовым кругом.

Бежит слеза, по щеке скользя,
Ползет по открытым ранам.
И этих обид оплатить нельзя
Золотом и ураном.

И мы идем по твоей судьбе,
 Как старые мулы, цугом.
 И новая юность смеется тебе
 В лицо за Полярным кругом.

Ты строил этот город, Давид,
 От прибыли не жирея.

И вот она, посмотри, парит,
 Полярная оранжерея.

Тоска уходит своим пугем,
 И, выражаясь прозой,
 Давид, Давид, помолчим вдвоем
 В саду, под китайской розой.

Джангр НАСУНОВ

КАРТОШКА

Давиду Кугультинову

Мир тосковал сильнее и сильнее
 По тишине, по мирной суете.
 Я ничего не пробовал вкуснее
 Картошки, испеченной на плите.
 Той, что росла сама собою в поле,
 Что не успел, не смог убрать
 колхоз.
 Что посадили все ж, но не пололи
 И вот с землей сковал ее мороз.

И разрубить ничем ее не в силах
 Бросаю клубень прямо на плиту.
 Я не забуду, люди, до могилы
 Пьянящий, чудный запах на
 версту.
 Картошка — праздник в праздники
 и в будни, —
 Шершавая, как мамина ладонь,
 Я не бросал в огонь ни разу клубни,
 Чтоб не гасить чуть тлеющей
 огонь.

Кайсын КУЛИЕВ

В ГОРАХ МОНГОЛИИ

Давиду Кугультинову

Живем в горах Монголии: деревья,
 Трава, камень, склон горы, луна.
 Луна выходит, как в Чегеме, в
 детстве
 Двор выходила озарять и склон.

Сквозь мерный шепот капель
 дождевых,
 Их шум, как бы из детства — шум
 Жылиги.

Лишь рассветет, мне видится в окне:
 Травы касаясь, облака проходят.
 А вечером и ночью — шепчет
 дождь,
 Так хорошо он шепчет, усыпляя.

На склоне, будто в древние века,
 Лежат олени, нас не замечая.
 Их даже не пугает шум машин
 На чуть поодаль выходящей дороге.

Две речки с двух сторон, где мы
 живем,
 Дом обтекают. Слышу среди ночи,

Красот иных краев в свои глаза
 Вобрав немало, я гляжу с любовью
 На эти незнакомые места,
 Которые уже забыть не в силах.

1979

О ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА

"Стихи Кугультинова полны тонкого душевного и духовного изящества, глубины мысли и того света добра, того внутреннего поэтического озарения, какое нам сейчас так остро необходимо. Читала их с наслаждением... Явление Расула Гамзатова и Давида Кугультинова граничит по глубине и оригинальности с мировым искусством".

Маризтта ШАГИНЯН,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии.

"Давид Никитич Кугультинов — прекрасный поэт, умный, я бы даже сказал, редкий поэт... Хорошо сказал Давид Кугультинов: "весь мир во мне и в мире я, как дома!" Вот эта мысль о причастности человека к мировым общественным процессам горячо пульсирует в социально-философской поэме Д. Кугультинова "Будь разума", талантливо и проникновенно утверждающей гуманизм многонациональной российской поэзии.

В своей поэме Д. Кугультинов изображает жизнь за рубежом не с позиции стороннего наблюдателя, туриста, а изнутри ее. Тем самым автор уверенно, художественно доказательно отвечает на вопрос, который до сих пор тревожит некоторые литературные умы, — имеет ли моральное право наша литература изображать зарубежную жизнь в ее собственном внутреннем развитии, в ее органической логике? Все дело в том, как зарубежная тема воплощена, насколько едины художественное и идейное решения, — дело в мастерстве автора".

Сергей МИХАЛКОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственных премий.

"Когда-то Гарсиа Лорка говорил, что миссия у поэта одна — дарить душу. Вот этой миссии служит Давид Кугультинов, этой миссии он посвятил всего себя. Его стихи одушевлены, они дышат, их можно трогать, если положить руку, то можно ощутить биение сердца. Если раскрыть первую страницу его книги, на тебя пахнет теплом человеческого сердца".

Алим КЕШОКОВ,
народный поэт Кабардино-Балкарии,
лауреат Государственной премии РСФСР.

Василь Быков — Давиду Кугультинову

Дорогой Давид!

Получил твою телеграмму, спасибо тебе, ты даже не представляешь, какое смятение в моей душе она произвела.

С самого начала я был бы вполне счастлив, если бы... Если бы не то обстоятельство, что в этом достойном списке за высокими подписями не оказалось твоей фамилии. Да, ее не оказалось, и моя радость омрачена. Я не могу радоваться вполне, что-то мне не дает, и я не знаю что. Но, как это зачастую случается на земле, помочь ничем невозможно. Разве что утешить себя и тебя тем, что со временем все устроится...

Дорогой Давид!

Не в утешение, а по-душевному, самому искреннему зову братски обнимаю тебя. Авось бог увидит эту несправедливость и пожелает исправить ее.

Будь здоров, дружище, а все остальное приложится.

Твой Василь.

24.XI. 74 г.

Бембе Джимбинов — Давиду Кугультинову

Москва, 13 января 1957 г.

Здравствуйте, дорогие Давид и Алла!

Вчера подписан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании гор. Степной в гор. Элиста. Мне приятно начать письмо с сообщения, что я сегодня, завершив все дела в Москве, выезжаю в Элисту — в центр нашей автономной области, а в недалеком будущем — столицу нашей АССР.

Вчера же были подписаны последние документы, официально утверждающие восстановление автономии калмыцкого народа и образование Калмыцкой автономной области. На ее территории образованы 10 районов: Каспийский, Юстинский, Сарпинский, Приозерный, Черноземельский, Яшкульский, Приютненский, Целинный, Западный и Яшалтинский районы и город Элиста.

Оргбюро калмыцкой партийной организации и Оргкомитет по Калмыцкой автономной области уже приступили к работе. Уже

готовимся к выборам в местные Советы — сельские, поселковые, районные, городские и областной Советы трудящихся.

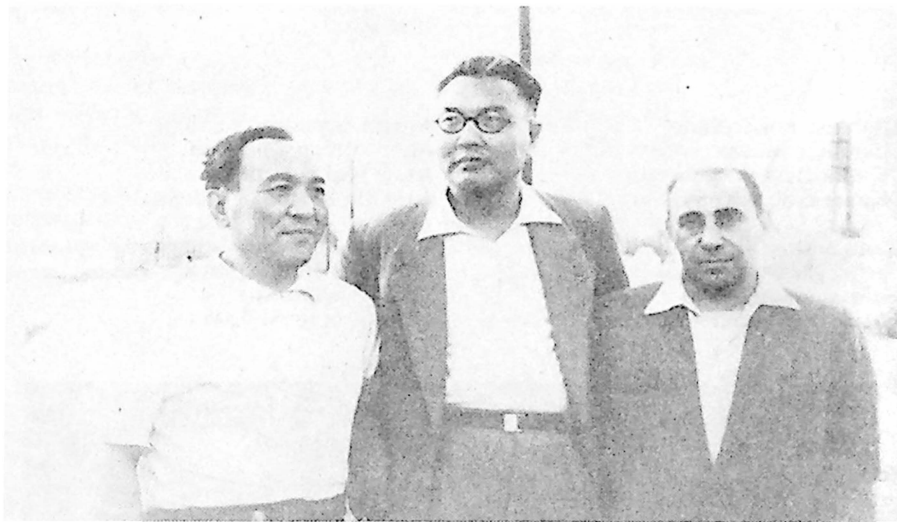
Есть решение ЦК КПСС об издании двух ежедневных областных газет: "Хальмы үни" и "Советская Калмыкия", а также молодежной газеты "Ленина баһчуд", которая будет выходить 3 раза в неделю. Образован также Оргкомитет Союза советских писателей Калмыкии, в состав которого входишь и ты. Как видишь, дел много.

В ближайшие дни пошлем от имени Оргкомитета официальный вызов в Элисту. Прошу как можно скорее выехать. Все подробности в Элисте.

До скорой встречи в Элисте.

Мой адрес: гор. Элиста (бывш. гор. Степной), Ставропольского кр., Калмабком КПСС

Бембе ДЖИМБИНОВ.

Слева: Давид Кугультинов, Бембе Джимбинов, Семен Анпкин. Август 1958 года.

Виктор Некрасов — Давиду Кугультинову

Дорогой Кугультинов!

Мы — я, Некрасов, и Диодор Бобырь — встретились сегодня и много говорили о тебе. И даже выпили за твое здоровье! Будь здоров! Откликнись!

Виктор НЕКРАСОВ,
Диодор БОБЫРЬ.

КӨГЛТИН Дава

Зегстэ нуурин усар
Зеегтэ нүдтэ күүкгөһөн,
Жилктэ ке оццар
Жисэд дурна үтөһөн,
Хаврин сөөһөр йовхларн
Ховр байр үзнөвидн,
"Дурль" гиж келхэрин
Даргдлгоһар улаж ичнөвидн.

Болв, келчкспө хөөн
Байр кү өргнө,
Зеегтэ хар нүдд
Зүрк таалж эвлнө.
Келчкспөншь хөөн чи
Кенэсчи хөвтө болнач.
Зөрмдөн... седкднш хундад
Зовж гөйүрөд хатнач...

1939 ж.

Шаһаца көк лонага
Шавшсн теегин дуца
Жиржцнэд урсжах усна
Жирмэхэс асхид өсрнө.

Асхни серждцсн сөөхи
Аһар өрчөрм наадна.
Атхр хар үсэрнь
Альвалж Бамбала шоглана...

Улан мөңгн сар
Унтж удад сержнө.
Байрасн минн һар
Бамбаннь һариг атхжаца.

Жирһлнн туршт маднн
Жилмүд бичө салһтха.
Ман хойринн хөв
Мөңкннд пегн болтха.

1939 ж.

На снимке: Анджа Тачиев, Тамара Емельянова, Дава Кутультинов. г. Астрахань, 28 мая 1940 г.

ҺӘРД

Омгта теегин һәрә
Ова деер сууна.
Бухин өвр хоңшарарн
Бийон арчж амрна.

Шора бүргүлж өөгүрнө
Шүрүтөһөр машин давб.
Оньган өглго һәрә
Ормдан кендрлго суув.

1959 ж.

Тагчг, уха туңһаһад
Тооца бийтөһөн кенөв.
Чини нер мартхар
Чееждөн үгөн өгнөв.

— Өнчрәд одв, — гиж
Өрчд зүркм шутшна,
— Нарн, маңһаур өрүн,
Наңд һаршго, — гинө.

Том-томинь олад
Тоолад зөвдән багтнав.
Чини — буру, минн —
Чик, гиж шииднөв.

Тоолврн идәм, зүркм
Талхчад хооран көөнө.
Уурин һалзу агтыг
Уудынь татад сөөнө.

Болв нүдндм, өмнм,
Бөөдлчн босж үзгднө.
Эврөн неричн һарм
Эрәлж цаасиң бичнө.

Ирлхг, меекө седкәтө,
Иткәтө иньг, соңсич:
Эндү һарһсн болхлам
Эвцәд гемин төвич!

1959 ж.

ХАВР ГИДГНЬ ЭНВ?

Хавр гидгнь энв?
Хөв гидгнь энв?
Зеткр гидгнь энв?
Заяч гидгнь энв?

Зеегтө хойр нүдн
Зүүдндм оньдин орна,
Өдр сө уга
Өөрм бийим даһна.

Шүлг сууһад бичхләм
Шимләж үгим ясна,
Һаза кәдләш кехләм
Һартм чидл немнө.

Орчлң цецгәр кеерүлж
Өдр болһниг күләһниө.

Жирһлиг байрт хүврүлж
Жилвөр өмәрөн көтләнө.

Нарн суусн хөөн
Ниргсн нөөрүр дуудна.
Гилвксн хойр нүдн
Герлтж өмнм асна.

Һазр дүүргсн өмтн
Һал элгн болна,
Хөрү нарн бууһад
Харһну герлтхсн болна.

Хавр гидгнь энв?
Хөв гидгнь энв?
Зеткр гидгнь энв?
Заяч гидгнь энв?

1960 ж.

ХАВРИН СЕДКЛ

Торһа шовун теңгрт
Толяр дууһан чимнө.
Орцадгин ик байрт
Орулж эврөһөн немшө.

Оли зүси цецгүд
Өмнм салькид нөөхлнө.
Көгжмин айс мет
Кешәри седклм авлана.

Каңкиси сөөхи үнртө
Камб шарлж тасланав.
Ундан хорулж үшринь
Ууж ут пасланав.

Бамб улан цецгиг
Байсж ширтәд хөлөнөв.

Үндән тер нанла
Үүрлж мендхинь күлөнөв.

Агчид цецг ондарад
Арагини дүрс зүүнө.
Мишөж нанур өкөһөд
Мини зүрк шүүнө.

Жирһл жиләс түүж
Жилвтө сөөһинь хурана.
Судцарм хавр гүүж
Седклдм нар урһана.

Махмудм герлөр дүүрәд
Мацһс чидлөр чиннөв.
Зүсмәр нараи цугт
Зүркәри бахтж төгөнөв.

1962 ж.

КУУҚА УЛАСТ

Үнниг чирод келдг,
Үнтө, үрглжд эңкр,
Күмни хөв делддг
Күндтә мапа экир.

Жирһлд байр белгдг
Живртә күсл урһадг,
Сөөхн хамгла элгдг
Седклд таал урһадг,

Цаһан саната сөөхләс!
Цагин келврмүд көндөж

Туужин эклциг хөөхлө —
Тадн холас өндөж,

Өрчдөн үрдүдөн шахж
Өмнм гегәрж боснат,
Жилмүдин эргц дахж
Жирһл угтж тоснат.

Цугин мөңк көндрлт
Цусарн тәдн заллат,
Туужин
өмтин өндрт
Туурмж седклдм олнат.

1962 ж.

ХУУР БОЛН НҮМН

Ширин үнр һарси
Шин хуур һөөхнөв.
Седкл дууһарн саатулад
Сергөх кедү айс
Бийдөн бәрсмб гиж
Би тагчгар саннав.

Хөврһднь килһси нумн
Хөлөцдм бас харгдв.
Хуучн туульд келгддг,
Хуурин айсар дуулдг,
Арнзлмудын делссн сүүлмүд
Агчид нүдндм торлзв.

Көгжмин хатн болж
Күмни седкл авлсн,
Хөвнь үрглжд холвата
Хуур нумн хойр,
Өңгөр бөөдг больчн
Өмнь негн гихмн.

Чикнө хужр таалсн
Чимгтө айсар хуур
Чивһснлонь нумн нийлхлө

Чиирән үзүлж татна.
Талданар болхла тер
Тагч тагч болна.

Санхинь, цуг бидн,
Салт уга хаалдан,
Өмдрл гидг хуурч
Өрүн билгәрн татдг
Нумн хуур мет
Нарта эс бөөнү?

1966 ж.

ЖИЛВ

Жилвин үг өмтөхн,
Жигтө бөөдлн — сөөхн,
Заасн үүдн — сул,
Зам-хаалн — бул.

Гетөч мет, жилв,
Генөрж күүг дахна.

Олн зүсн илв
Олад мека тахна.

Жилвин бөөдл тань,
Жирһлөсн хооран һарһ.
Мууһин герчн хань
Муулин хорта арһ.

1966 ж.

ЗУРГ

Цааснд, зург цокач,
Цагин негхн агчн
Цөклһөр хавлж зогсаһад,
Ухарльг чини бөөдләрчн
Угаһас бөөх келәд,
Удло нанд белгәв.

Киитн цааснд чини
Киилһнә бүлөн дутна,
Седкл таалсн цевр
Сергәц дууһчн дутна,
Жигтөһөр нарт кеерүлсн
Жирһлчн дуту болна.

Болв, дутсн хамгиг
Босхж бүклдн күцөх
Талдан сидлһтө урн
Таасж кәдлмшән эклнә —
Урмәж мини дурн
Угаг бөөхд хуврүлнө...

Итксн хойр нүдичн,
Инәмссн өкәр урльчн,
Ирсн бийичн һөөхнөв,
Бамб цецүдәр кеерүлгдсн
Байрта теегләһөн мет
Бахтж чамлаһан күүнднөв.

Өргмжтө хавр мет
Өргн чини седклчн
Оддар кеерүлгдсн тецгршң
Ончта герләр асна...
Дурнд дөңнж, иньгнь —
Дун зургичн зурлцна...

Гилгр цааснд цөөж
Герлтсн чини чирө
Тагчгар удан шилтж
Таалсн нүдәр хөләнөв...
Зуг, зургас биш,
Зүркиөсн бөөдличн үүдәнөв.

1966 ж.

Һамһр, һольшг, төсүн
Һанцһн чаманан санһав.
Һаңхад йовсн мөрһчн
Һазрт үзхөр седһөв.

Һажг уга дуриг
Һатлж болшго боожл.
Һаслаца харһсн мет
Һашурдж зүркм һамһрһна.

Генәрсн дууһан дуулад
Геглзөд лимб¹ үрүдхлө, —
Гелег иһьгиним боодл
Гейүрж холд үзгднө.
Гилгр хар үснһ
Гижг дсернһ эрвлзнө.
Гилвксн хойр нүднһ
Гилс гиж инәнө.
Гиинг сальк унад

Үгөн өгснөнчн хөөн
Үүдсн хөвдөн байрлж,
Үрглжин цагт гиж
Үнөртөн би санлав.
Үлгүр болм дуран
Үкл угад тоолж
Үүмсн баһин седклән
Үдшөхөр сансн утав.
Үрүдһһни кем, болв,
Үүләр байрим бүркв.

Һаньдг баһ насн
Һатцас бийүрн дуудна.
Һалв чесжд өскж
Һаларн седкл шатана.

Һартап бәрсн хөвм
Һанзин утаншц тольрв.
Һазалсн иһьгин седкллә
Һацж болшгог медв.

1967 ж.

Гиичд оддг болхинь —
Геринчнһ үүд олад
Генткн секх билөв.

Герч утаһар, хоюрип
Геедрсн дуран олж
Генмсг насна эндүг
Гетлгж жирһх билөвидн.

1967 ж.

Үүрх зовлцгиним хур
Үсөрж экләд орв.
Үүлд цөклж салькн
Үләж һалв көдлв.
Ү-дә утаһар
Үлдөрн жирһл чавчв.
Үнн дурн, тиигвчн,
Үвөн седклдм багтав.
Үдин һарни герләр
Үрж зүрким бүлөлв.

1967 ж.

¹ Лимб гисн — бичкн бүшкүр, флейтшц.

Утхурдад ууж ханшиг
Униртсн аһарин авда,
Уужм толһан тапууд
У-хөөһөн һарһнав.

Умср шалу ноһаһарн
Улцртсн хаврин теегм
Уйрсн мини седкдд
Увьяргсн дууһан дуулна.

Уутърмж уга чеежд
Улцгдсн дурни үг,

Альһи хачрта чамаһан
Агһһ һазртһи саһһинь
Азрмг седкдд уижд
Ажг ордго билөл.

Альжарж муурхан меддго
Альһи-дольһи чамаһан
Альһи деерән бержд
Арчалх андһар өглөв.

Шар харһа домбринь
Шамджд дуршад цокжд
Шавдад сөңглсн айсчн
Шаргад асхрдг билөл.

Шамдһа баахн көвүд
Шатад ормасн өсржд,
Шигжднүлөд өскөлән цокжд,
Ширвлзэд эргөд дүһржд,

Шаһаж хэлөсн күүкдөс
Шалһж таасгдсинь салһдмн.
Шавр полыг девсжд
Шалдаринь балв цокжд,

Шинждсн күүкнөнһи дала
Шигджд далан наалдулжд,

Урһма модн мет,
Уха герлтхжд өснө.

Ульһн цаһан саната,
Ухарльг көрхкн чирэтө,
Уйн сөхкн цогцгта,
Угтсн иньгм сангдһа.

Урсжд жиссн цаг
Урдыг өдгөлүр эргүлжд,
Угаг бөөхд хүврүлжд,
Учрх хөвд иткүлһө.

1967 ж.

Атархгч хөврһин улс
Алтн мана дүриг
Амрхг келни атльгар
Асхрдг чолуһиц тарав.

Арм баһ насн
Ард үлдсн болвчн,
Алдрсн дурн чееждм
Аяржд төрүц тогтһхш.

1967 ж.

Шин боокс һоснанһи
Шилвинь шухтһуулжд мольждмн...

Шахлдсн залус заагас
Шавһсн күкличн һөөхлөв.
Шар улан чирөһичн
Ширтжд харад тодлав...

Шуугата олн жилмүд
Шуукржд ард үлдв.
Шүтжд дуудсн иргч
Шулууджд бөөхд хүврв...

Шидр чамаһан үзжд
Шидмсн хурһяда темдгав...
Шин эн бичгдсн
Шүлгинһи үгмүд олв.

1967 ж.

Тэмкин утад динирж
Тагчгар дегтр хөлөнөв.
Оныган өгхөр седж
Ормасн бослго суунав.

Болв, цуглуулси оныгдм
Боомтг ута болна.
Дегтрин халхас хальтрж
Делсөд хөвршөн ниснө.

Цар тергн мет
Цаг арһулһнар жиснө.

Теңгр һазрин шавшлһн
Тевкрэд холд уһяртж,
Хөөртө, эңкр, мөңк
Хальмыг теегим бүслө.

Чингин үнртө аһар
Чееж, цогц сергөнө.
Һаза, бишлөл кеж,
Һанцхарн би кевтнөв.
Харцһу сөөһин тагчгт
Хагшж нохас хуцдһн.
Өндр хол теңгрт
Одд гилвкж чирмднө.
Делкө цаг хойрар
Дегц санаһарн ниснө.

Жилмүдин олыг хоршаж
Жирһл цогцд дүрнө.
Хурнясна шидмсор ораж
Хурдасн өдрмүд бөрнө.

Цаг ирвөс адан
Цогциг күндөрн дарна.
Күн болһн насан
Күлх арһ харна.

Зутл, күмни седкл
Зүтклөн алдхар седхш.

Эвдрж минн часм
Эндр зогссн болна.

Өмөрөн адһси седкл
Өрчөс алдрж күдһнө.
Сонын өргмжтө герл
Солцһар чееж дүүргнө.

Өдр бөкөд төгсжөнө...
Өгрлһгчн, иньг, күлөжөнөв!
Гентки телефонас жиңнх
Геглэсн дууһичи эржөнөв!

1967 ж.

Сеерин зооһар һанцж
Серд гисн сальки,
Седкл уһасн мет,
Сергөж чееж сарулдһна.

1967 ж.

Өңгрснөсн иргчүр орад
Ончга бөөдлмүд үзнов.
Нүдидм торлэсн тер
Нигт оһи одд,
Холас чикидм соңсгдси
Хотна нохасин хуцдһн,
Тагчгт соһнар седклм
Талвалһж байр өгнө,
"Эмдв" гисн ухан
Өмтөхһнөр махмударм тарна.

1967 ж.

Жирһлин байр эдлх
Жилвон дарж чадхш.

Хөртө көвүтөнһн күсл,
Хөлөхнө, эцкнө зүүнө.
Болв, көвүһөн үзн
Башрдж седклөн нуула.

Жилв жилмүд хойр
Жирһлд таарлго йовна.
Мөңк баһин седкл
Мөдөрсн цогц зована.

1967 ж.

ХОЛ ЗЭНГС

Байр зовлигын санахан
Баг-багар нискж
Толхан эки, радиодольганшц
Төгөлд илгэдиж гисиг,
Одахн дегтрин халхас
Онлган өгөд умшв.

Зөрмдөн, учр угаһар,
Зүркм жиңс гинэ,
Байр, учр угаһар,
Бас чееждм бульгша.
Тер, мини умшсм,
Тиигжөһөд, үин болвзго?

Һалзурсн һалв һаньдглад
Һал усн хойриг
Харһулад орксн цагла —
Хоюрн уга болх.
Һурвдгчнь болж бийнь
Һалв тагчград унтрх.

Нигт адмудын загар
Нарна дулахн чөлөн
Һазрт теңгрәс күрәд
Герләэрн һоһа гилвкүлнө.

Кесг шовудын дун
Кееһәр чикнд жиңжж,

Кемр нәрн шинжор
Келврчин зокъял шалһж,
Ке, даршлһта үтин
Кев янзинь шинжлж

Эврә һазрас седкд
Эцкрнь лавта угал
Нег цагт теегән
Нүднәһнь буаңгар, агчмд,

Зөвүртә зеткрлә харһж
Зовсна зөңг хавлж
Зүркн хатхадг болвзго?
Бас нег күн
Байрасиг тер соңсж
Бахтж булыгдг болвзго?

Үшн, худлынь би,
Үүрмүд, йилһхәр бөөхшив.
Зуг, байрин санахан
Зүрк дүүргхәр илгәһит.
Зовлигын зөңгсннь бас
Зөрж седкларн хавлыт.

1967 ж.

Ниилшго хойриг Жҗирһд
Ниилдүлхәр седсн ухан,
Ховлсн ховлгдсн хойриг
Холвхар седсн санан,
Деер келгдсн мет,
Дими болж һарх.

Йиртмжин бөөдлиг сүдлһөрн
Йөрәһин үгд хүнрүлнө.

Учр уга байр
Уха дүүргж гегәрнө.
Үкл, зовлиг уга
Үрглж чеежд сарултна.

Зүркнәннь чивһс көндосн
Зүүцөнә авлд орхларн, —
Үүдөврин бийдән даасн
Үшнә чидд хан.

Хархин төлөд толһаһан
Хармшигө биләв, иткги
Үзккәд, ях гилго,
Үкхдән белн биләв.

Норильск
1956 ж.

Ар Далан көвөд
Арвиң жилин туршарт
Зүүдидөн хальмгар күүндэж
Зүркөн хаңһадг билөв.
"Меңд!" — гиж келсим
Медснь, тиигхд, намд
Һаран өгөд, тамин
Һаслһас гетлгх болла.
Хальмг үгинг заяч
Харһиут уга кез

Суддхврин ядсн нарһа
Сөөхн герләр маңдлж,
Сүртө бәрәни зовлһгас
Сүмснм адрулж һарһад,
Күдсн минн күслүрм
Күргн гисн болла.
Зуга серсн хөөн —
Зүркм кинтрж менрөд,
Юңһад серүв гиж,
Йосидан һуңддг билөв.

Норильск
1952 ж.

ТӨРСКН ҺАЗРИН ТАЧАЛ

Хөлөцим минн авлсн
Хурдн мөрнө довлһн;
Хөврһәс геиткн үләсн
Хаврин дулахи салһкн;
Халун уурта шөлтө
Хөөнө махна үһр;
Холас герлән асхсн
Харһиу сөөһин олд;
Теегт идшлсн хөөншц
Теңгрин нүүсн үүлд;
Баахн үүртәһөн йовх
Байрта күүкнө инәдн;
Сө болһн ордг
Сонһн минн зүүдн, —

Уханасм цуһар сөөхнәр
Урдкн бөөдл татһа.
Хама йоввчн һаңд
Хальмг таңһч саңһна.
Өцгрсн, ирх жириһ
Өмнн бөөхәр үзгднө...
Заясн нутгин тачалһь
Зах утанһ медгднө.
Шарлсн моддын орад
Суужах нарһа сүүр
Ардасн намаг дуулж
Алтн төрскнүрм күргнө.

Норильск
1955 ж.

ХӘДРИС!

Хәдрис! Хәдрис! Халад од!
Харада мет жисәд од!
Моһа мет мөлкәд од!
Модн мет уйдад од!
Яңһг бернтә ятхин айс
Ялһн мет күцәд од!

Хәдрис! Хәдрис! Халад од!
Хаврин салһкар хурлзәд од!
Элә мет эргәд од!
Эрвәкә мет эргәд од!
Дурта хальмг сөөхлөн өмн
Дольган мет чирод од!

Хәдрис! Хәдрис! Ниргәд од!
Насн баһан һарһад од!
Зүркни тачалан медүлөд од!
Зеегтә нүдтөн авлад од!
Бахта бииһин шаваш хайж
Бийән өмтнә үзүлөд од!

Хәдрис! Хәдрис! Нисәд од!
Хойр көлөн мульжәд од!
Хойр эәмән холькәд од!
Хальмг көвүһ авад од!
Бухин арсн бат уулын
Балв тусгһль цокад од!

Норильск
1956 ж.

ҺУНДА

Эм-эзмөн түшпәдә
Элстин уулыңар күүндә
Хошад-һурһадар йовси
Хальмыг балчудын ардас,
Талдан үйин, би,
Теднә сана медхәр,
Хоңрлго адһж даһад,
Хоорндк үгинь чиңһнәв,
Сонһн-сонжл зәңгс
Соңсч онһган өһнәв.

Эйһштейн, Достоевскин һерд
Эврәнһн күүртән оруһна,
Цеңһж Пушкинә шүлгүд
"Цитатлж" цеврәр умһна,
Есениниг, кееһин төлә,
Еңсгсн дуһһар кевһнә.

Кемр һуг теднә
Киизцәвр уутһхн нүһинь,
Көркһн чиротәнһ ирлцсн,
Корһһр әвтәки хамриһь,
Гиһгһтһн унсн ээмцә
Гилгр һар үсинь,
Мана хальмыг улһсн
Маңна эс үзһинь,
Келәрһн тедниг шинжлж,
Кенәхнәһинь медһшо биләв.

Ууц деерк һавтһдан
Уурга арслә тиизтә,
Жиддән төвлго өмсдг,
"Жинс" әлцкә шалврарһнь,
Һазадын орна темдгтә
Һосн болһ наадк
Хувцарһн шинжлһинь бас
Хальмыг гиһж болһшо.

Теегәсһн, яһад бүртквчн,
Теднә өвр бәәлдә
Умһ эс орһнь
Уудьвр седклд үүдәнә.
Эврә келәрһн хоорндан
Әлг эс күүндвчн
Зуг "рубль" гидһнь
Зогслго ар һазрас,
Хальмыгар хоорндан күүндә
Хөөч, үкрч, герткәсһн:
"Давай!" — гиһж аһһхан
Делгж сурдһнь

һуңдла.

Келән эс меддгән
Кенәс болһ чигһн,
Әнд эврәнһн дутуһан
Әмтнәс бултулһн мет,
Ичж нууһад даллһх
Идән уғань —

һуңдла.

Альк чигһн келәр
Аңхрад келһн —
буульмжта,
Эврәнһн келән зуг
Эс медһн —

һуңдла.

Аштһн чидлән сәрәд
Араһан зууж гүһрәд,
Ардһн орад

келән

Аав-әәжәһн дасад,
Эрдмән оһнд үзүлхәр
Эс шуңдһн —

һуңдла.

"ЖАҢҢР" УМШЖАҢАД

Жирһлин жиһсәһи белгәс
Жиггә сонһниһн шүүж,
Һаза-дота бәәдһиһн
Һавшун билгәһн йүүж,
Күңкә гүн ухаһарн
Күмһн жиһв-бахиг
Күңдәһн күңәд илдкж,

Күңкәд мөңкә дуулһн,
Хальмыгинһн һерн болһн,
Хәөргә "Жаңһран" умһһинь:
Кәдәд цаңһдәж йовад —
Кәөгтрж жиһләд уһаргһн,
Холәс өвсәһн халһрһн,
Хотһрт һағдад буһльгһн

Книги булгин уснас
Кинһон авлаго усунһиц, —
Чееж байсад талваж,
Чилгртж седка саруудна,
Уцдан хөрүдсн ухап
Урдкст ханлатан өргнө.
Умшх дуги "Жаңһрин"
Урп нөрп үгин
Утх улам делгрж,
Уужм хол цагһиш
Бөөдл, эндрин өдгөд
Бөөхд үзгдсн мет
Нүднө өмш харгж
Нуувчинһн делгөд секнө,
Олна сө хөөснө
Омгта нер магтна.

Кенө гидг дууч,
Кезэ, альк цагла,
Кев-янзинь олж,
Келнөнһнь зөөр олзлж,

Кеермж-чимлһн хамгһиш
Кецү нерөр сиилүлж,
Кемтркө, хоньтг угаһар
Келврлө ирлцүлөд ииилүлж,
Алдг угаһар дуулж
Алдр "Жаңһр" үүдөсмб?

Теегт таварлж, идшлсн,
Темөнө омгта бөөдлөс.
Адуна тачкһсн гүүдлөс,
Аалгта хальмг цөөлөс,
Дөрвн өөрдин жириләс
Дөрөд "Жаңһр" күрсиг,
Күңкһнь хальмг болн
Күмһи нер өргсиг,
Келөд оркхлам, минн
Келн сунад одна!

Болв халх болһниһнь
Болһнаж шүтөд умшхлам:
Хужр чикнө таалсн
Хурц келнөнһнь айс,
Үрглжд үлгүрт орсн
Үг болһнаһнь чиир, —
Таңһчинһнь күсл йилһснд
Таалмжта чидлөн үзүлө.

Жирилд нөкд болснд
Жигтө сөөхнһь медгднө.

"Асхрхла — аал цусн,
Өгрхло — нөөмн чимгн!" —
Адг баатр келдг,
Алдр зөрг өдгд,
Алти эн үг,
Адруга туужин хаалһд,
Хальмг улст онһдин
Хээрөн эс күрглү?
Түрү динлхнн төлөд
Тугмдһнь эс болу?

Буульмжин дуулд туурсн,
Бумбин орнд күрсн
Өдгө цагин йөрөлто
Өндр өдрин үлмөд,
Таңсглж "Жаңһран" хальмг
Таңһч, бүкл=бүгдөрн,
Өвкһрин заавр гиж
Өнр-өргн бүдөн
Өрчдөн дүрж хадһлна,
Өөрхн ахиртан белгәнө.

...Онһдин Дала — "Жаңһран"
Онһган өгөд умшхлам,
Уханһ уурха саңгасн
Ууж седклөн дүүргхлөм,
Чеежөр меддг бөлгүдинһ
Чилгч күртһнь келхлөм, —
Онц минн цогцм
Онһриуд күрч өснө,
Минн наслах насн
Мөңк болж медгднө.

Тер цагла судцарм
Теегэс турглж орсн
Маңһс чидл гүүж
Махмудым болд кенө.
Үрглжд менд бөөх
Үкл ута Олна
Умш болсан меднөв,
Демтө тер олицан
Дөңгөн, бөөсн арһарн
Дуршж, күргхөр зүткнөв.

1963 ж.

ЗУРҲАДГЧ ДАЛА ЛАМ ЦАНЬЯН ЖАМСУН

ДУРНА ТУСК ДУД

Өдгэ арви Дөрвдгч Дала ламин сүл ирлһиң Хальмг Таһһчин Деед Хүүнин Залһни үүдэсн баралхлһни сүүрт һурви зун жил хооран бээсн Цаньян Жамсу тугг Һертэ Зурһадгч Дала ламин дурни туск шүлүгдин тускар Та ю санжанаһ? — гиж тэвсн минн сурирт:

"Тер шүлүгдин би меднэв, таастгна, оһи келнц орчулгдсн дуудни, нарт делкэн оһыт тусв, болв Хоһрүгч Дала ламин шүлүгдин һанц, тана келжэсн дуудас икэр таастгна. Нег һундтань, Хоһрдгч Дала ламин шүлүгү түвүг келнэсн талдан келнц орчулгдгд уга, нег түвүг келэр умшгд улс тер шүлүгү меднэ. Орчулх кергтэ" — гиж Дала лам хэрү өглэ.

Зурһадгч Дала лам Цаньян Жамсуһ орс келнц орчулгдсн шүлүгдэжэ би хальмг келнц буулһж мана умшачирин оһыт күржэһэв. Минн тоолврар Зурһадгч Дала лам Цаньян Жамсу билһтэ шүлүгч бээж.

КӨГЛТИН Дава

У Далаһ-ламы XIV Москва, 1990 г.

1.

Уулын цааһас, дорд үзгөс,
Усчад сар һарчана.
Эцкр иньгин халх мет
Ээлгэ жөөлнөр цаһажана.

2.

Шавиһж хаврар урһсн ноһан
Шарлж намрар көгһирнө.
Би, одахн бааһн залу,
Буурл өвгдлө цацурхв.

3.

Аршан үнртэ цогцта сөөхлөг
Амргтан тоолж дурлчад салсн —
Генткн сувс олад гееснө
Һунда. Хөрү эрглго зул.

4.

Ар салькна элч
Өрин цаң гилвкнө.
Зуульч намр зөцгөрн
Зөгийг цецгөлһөс салһна.

5.

Зерлг һалуи зегсид дурлв,
Зуг нуурын усн көрв.
Аңхунд амрж болшго болв.
Аһарар уралаи нисх кергтө.

6.

Харлсн бичкхн үзгүдиг
Хавриг усн биллчкх.
Үнн зүркнөмм үзгүдиг
Үрглжл биллж чадшгоч.

7.

Багшиннь күцкл сан гиж
Бааһн бийдөн закнав.
Зуг салсн чамаһан санж,
Зөвж чирәһичн үзнов.

8.

Дурлсн кедү заяч салһв!
Дәкнөс салһтын үзгүдл өөрдв!
Әәмшгтө үкл бичө иртхө —
Әмдрл салһж чадшго! — гилөч.

9.

Шүдичн цаһалһсн инөдөрн чи
Шуд амрар зүрким меклхич.
Арһта болхла иткл белглич,
Аңһар, нанд дурлхар, тәвич.

10.

Нүүрөн чолунд олсн шовуһиң
Нег-негән өмтн олцхана.
Оратлго ирхлө — дуран олхч,
Оцл болхла — салькар көөгдхч.

11.

Санаһас алдрж хээрцгт
Сувсн удан кевтлө.
Иньгән белгаснөмм хөөн,
Ичкөвт, сангдј хармигдла.

12.

Өргин модһас чи төрлөч.
Орчлд талданар үүдшго билөч.
Өрүһөр цецгөлж чи дурллач,
Ора асхар хамтхасичн уһла.

13.

Алдрж уулур зулсн гүүт
Арһмжар уяд борж болшго.
Цуһараһас иньгм эцкр билө,
Цүүтсн хөөн хаяд зулла.

14.

Мөстө хаалһар күлгөн хатрулшгоч —
Мөрөн, бийән дөгц эвдхч.
Өөлд нанур бичө шилт,
Әмтн аңхрмр бичө күүнд.

15.

Сөөхлөннь таалта цогцла ташьдав,
 Седкль зуг үргэжэ медгдншэ!
 Тецгрт мандси оди маанрт
 Түүшц өөрхи болж медгднэ!

16.

Уудьврта ташь көгшн ноха
 Ухагана чиг нанур хөлөвч.
 Дуртаһасн орлэ хэрж йовсим
 Дууһарн кендш бичэ күргич.

17

Хөвтэ йов! — гиж күүки келлэ.
 Хөвтэ үдд! — гисн хэрү соцсдла.
 Айд, үдд! — гиж күүки келлэ,
 Асхидан, маңдур! — гисн хэрү
 соцсдла.

18.

Байр зөөдг цаһан тоһрун
 Бат живр нанд белгич!
 Үүд цумлад һазрт буух
 Үгэн чамд би өгнөв.

19.

Делкөн эзи заячин Толя
 Диглж эмдлөн күцөсичи үнлх.
 Терүнэ үүд күцөхөр айстан
 Тецгр дор бичэ зүгктн.

20.

Делкөн жирһа дегд ахриг мартад
 Дуртаһасн дала юм сурлав.
 Үргэжин жисэнд дөкнөс маднинг
 Үзлүлгэхэ гиж Деседс шүгэд
 зальврав.

На снимке: народные поэты Калмыкии Санджи Каляев и Давид Кугудьгинов, писатели Монголии — Дамдинсүрен и Цедев. Москва, VII съезд писателей СССР, 1981 г.

О ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА

"...Когда я думаю о Вашем жизненном пути, трудном и боевом, о Вашей поэзии, связанной с судьбой народа и всей нашей страны, о поэзии, воевавшей на фронте и умеющей говорить слова высокого гражданского мужества в мирное время, что не всегда умеют делать люди, не побывавшие на фронте, — я переполняюсь все большим уважением к Вам.

Вы умеете и дышите стихами...

Любовь к Вам я имел возможность видеть во многих местах нашей страны, в разных уголках Советского Союза, в разных республиках.

Я имел возможность видеть это и у Вас, в вашем родном крае.

...Я думаю о Вас всегда, сейчас думаю и хочу, чтобы это было всегда, не только с любовью, но и с глубоким уважением к Вашим творческим и к Вашим человеческим качествам".

Константин СИМОНОВ,

Герой Социалистического Труда,

лауреат Ленинской и Государственных премий.

"...С удовольствием читаю сборник стихов Давида Кугультинова. Удивительная свежесть чувств и образность. И во всем глубокая мысль. Люблю настоящую поэзию..."

Валентин ГЛУШКО,

академик, дважды Герой Социалистического Труда,

лауреат Ленинской и Государственных премий, конструктор.

"Его поэзия — поэзия зрелой мысли и возвышенной души. И я, не преувеличивая, могу сказать, что никто из современных поэтов, которых я знаю, так широко, эпически не раскрывал природу нависшей над человеком трагедии, как это сделал он, Давид Кугультинов, в поэме "Бунт разума".

Михаил ДУДИН,

Герой Социалистического Труда,

лауреат Государственных премий.

ИНЖИН Лиж,

Хальмгин олон-эмнэнэ шүлгч

ШҮЛГЧИН ИЛВТЭ АРНЗЛ

Көглтин Даваг

Шүлгчин илвтэ Арнзл
Шилтж зэрмшэ жилавлэ,
Эзнэснь терүг салх
Эсв тедн хөөлдөө.

Хурдн дүмбр Арнзлыг
Хомнад бэрхэр гетэдлэ,
Хамг зүсн мекэр
Хальдж өөрдхэр седлэдлэ,

Үлү-үзгч седка
Үүмүлж тедниг авлла, —
Арнзлыг бэрх жилв
Амр өгөлгэ зовала.

Болв илвта араглад,
Бэргдл уга бөөлэ,
Архан барсн өшөтнр
Аштнь алхар шиндлэ.

Тедн хавсрад бүслхлэ,
Теңгүүр Арнзл нислэ,
Турунаснь чолуд өсрдлэ,
Теднь өшөтнрт тусла.

Теңгрин далан аһулар
Таңсг Арнзл эрлзлэ,
Тегэд хар санатнринь
Терүнд меңслннэсн цөкрлэ.

1972 ж.

Инжин Лижлэ хамдан. Элст, 1960 ж.

ПОСЛАНИЕ ДАВИДУ КУГУЛЬТИНОВУ
В ДЕНЬ ЕГО ЮБИЛЕЯ

Твою прабабку
Воспев
Красавицу
В степи,
Как драгоценность,
Свои калмыцкие
И — через
Иль это —
Потом —
Он не забыл
И — вывод будет
Пушкин славил!
он оставил
стихи...
то ли
обожанье —
мысли честный ход —
в стихах,
как в завещанье,
и твой народ.
не обидеи

Ни самому тебе,
Что был ты
Тебя
И кое-что досталось,
И от него тебе,
Ну, скажем, дар,
Живут —
Калмыки,
Пушкин
и Давид!
ни нам,
Пушкинным
предвиден!
предсказывал
он сам!
видно,
Давид!
да мощь,
да вид!
в моем сознание слитно:
и Давид!

Валентина ЛИДЖИЕВА

Давиду Кугультинову

Ваша ученица, вот я перед Вами.
Я пришла на свет вашего окна.
Вновь меня охватит ваших мыслей
И моя печаль будет так смешна...
И уйдут куда-то все мои тревоги,
И забуду, кто я и зачем пришла.
Слушая ваш голос, по-отцовски
Буду думать: "Как я все-таки
мала..."

Ваша ученица, я должна учиться,
Я должна мудрее в этой жизни стать.
Я пришла словами вашими лечиться,
Чтобы улетучилась боль моя опять.
Ваша ученица, я Вас не забуду.
Вы меня отправили в сказочный
Над тетрадным полем я лечу —
Мне навстречу строчка новая
плывет...

Чарльз Джонстон — Давиду Кугультинову

27 декабря 1981 г.

Дорогой г-н Кугультинов!

Ваше письмо доставило мне огромную радость; меня особенно тронула Ваша великодушная оценка моей переводческой работы. Я рад, что моя поездка в Москву позволила мне познакомиться с Вами и с Вашим творчеством, которое вызывает у меня восхищение.

Меня пригласили выступить в феврале с лекцией в Королевском Обществе Литературы — это большая и совершенно мною не заслуженная честь.

Тему своей лекции я определил так: "Роман с русской литературой". Это название, пусть оно и звучит претенциозно, по крайней мере, предоставляет мне полную свободу говорить о чем хочу, быть глубоко пристрастным, предвзятым, вызывающим и потакающим собственным вкусам — т. е. проявлять все те качества, которые свойственны моей натуре!

На следующей неделе я отсылаю в типографию текст моего "ежегодника" за 1982 год, в котором содержатся мои попытки перевода "Моцарта и Сальери" и веселого "Графа Нулина", — вещи, которые я особенно люблю, — плюс некоторое количество моих собственных стихов. Когда книга выйдет из печати, буду просить Вас благосклонно принять экземпляр, который я Вам вышлю.

Моя жена и я очень благодарны Вам за выраженные Вами добрые чувства, на которые мы отвечаем полной взаимностью. Со своей стороны, желаем Вам всего наилучшего в 1982 году.

Искренне Ваш

Чарльз ДЖОНСТОН

Такэси Араки — Давиду Кугультинову

СССР

г. Элиста

Глубокоуважаемому господину
Давиду Никитичу Кугультинову

17 апреля 1979 г.

Уважаемый народный поэт!

Недавно мы получили два подаренных Вами драгоценных сборника стихотворений.

*Мы очень благодарны за то, что Вы послали нам сборники.
Мы будем пользоваться этими сборниками как материалами
мирной работы в нашем мирном мемориальном музее.
Желаю Вам, уважаемый поэт, самого крепкого здоровья, лучшего
счастья и следующих успехов в произведениях.*

С искренним уважением
мэр города Хиросима

Такэси АРАКИ

Т. Ёнэкава — Давиду Кугультинову

*19 декабря 1985 г.
Токио*

*Многоуважаемый Давид Никитич!
Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам здоровья и счастья!
Никогда не забуду о Вас и о поездке по пушкинским местам.*

Т. ЁНЭКАВА

Чарльз Джонстон — Давиду Кугультинову

Уважаемый г-н Кугультинов,

*Мне было чрезвычайно приятно встретиться с Вами в Москве на
прошлой неделе. Я был тронут тем, что Вам пришлось приехать
издалека, из Вашего дома в Элисте, для участия в нашей дискуссии,
и я весьма благодарен Вам за те книги, которые Вы мне подарили. Мне
особенно нравятся "Горизонты", и я наслаждаюсь чувством простора
и жаворонками, поющими над степью.*

Могу ли я в ответ просить Вас принять (в подарок) книгу с моим
переводом "Евгения Онегина", которую Вы уже видели, и книгу
"Беседа о последнем поэте", мою последнюю небольшую книжку, куда
вошли переводы "Медного всадника" и "Новика"? В нее также входит
(в раздел "Воспоминания, записанные на пленку") краткий рассказ о
своей собственной жизни, который представляет интерес собой, по-
видимому, самые краткие воспоминания дипломата, когда-либо
опубликованные.*

*Желаю Вам всего наилучшего — и я, надеюсь, что мы встретимся
снова.*

С уважением Ваш Чарльз ДЖОНСТОН

* Будут посланы отдельно.

ЧУВСТВО ХОЗЯИНА ЖИЗНИ*

Мне кажется, в процессе революционной перестройки нашего общества и выработки нового мышления одной из первостепенных задач является серьезный анализ тех ошибок и упущений, которые накопились у нас в сфере национальных отношений — как в общественной практике, так и в теоретическом осмыслении национальных проблем. И при культе Сталина, и в период застоя рассуждать об этом было не принято: существовали лишь достижения и победы. Между тем в этой области есть множество нерешенных вопросов. Трагические события в Алма-Ате, Сумганте подтверждают это со всей очевидностью.

Мы должны откровенно и честно сказать, что за победными реляциями о достижениях и свершениях, за всем нам дорогими лозунгами интернационализма и нерушимой дружбы народов, за праздничными песнями и хороводами на сцене Кремлевского Дворца съездов нередко скрывалось явное неблагополучие, незамечаемые противоречия, перекосы как в

Д. Кугультинов с Юлией Друниной. Москва, 1980 г.

*„Журнал „Вопросы литературы“, 1988, № 8.
Печатается в сокращении.*

экономическом развитии республик, часто возникавшие в результате административно-командного давления "сверху", так и в сфере идеологии, культуры, в том числе в развитии языков и литератур народов СССР. Необходимо внимательно рассмотреть все факты, не боясь прочитать и самые трагические страницы истории страны. Ибо лишь безбоязненный анализ прошлого — не только достижений, но и ошибок — поможет нам преодолеть это прошлое на путях развернутой демократизации, прямого обсуждения назревших проблем.

Сталинизм — вот первооснова многих извращений в национальной политике. Не нужно думать, что во всем и всегда виноват был один Сталин, так сказать, изначально стопроцентный злодей. Сталин еще до революции вместе с Лениным боролся против национализма бундовцев, как и против шовинистического угара. Вспомним знаменитое письмо Ленина к Горькому (февраль 1913), где речь шла о статье Сталина "Национальный вопрос и социал-демократия": "Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться поскорее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для "Просвещения" статью, собрав все австрийские и пр. материалы" (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 162). Как знаток национального вопроса, сразу после революции Сталин был назначен наркомом по делам национальностей, и Владимир Ильич сначала полностью доверял ему, его способности объективно подходить к решению национальных проблем. Отход после смерти Ленина от принципов демократизма и ненасытная жажда единоличной власти у Сталина, утверждение его культа — эти два начала взаимодействовали, питали и поддерживали друг друга. На словах неизменно провозглашая идеи интернационализма и полного равноправия народов, на деле Сталин все дальше отходил от этих идей.

Последние ленинские записи, его завещание свидетельствуют, что Ленин прозорливо увидел неверные тенденции в сталинской постановке национальных проблем и с присущей ему прямоотой и определенностью сказал о назревающей опасности: "Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик... Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, о чем мне сообщил тов. Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея "автономизации" в корне была неверна и несвоевременна" (т. 45, стр. 356).

И далее В. И. Ленин отмечает: "Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма". Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль" (т. 45, стр. 357).

Известно, что сталинская идея автономизации — вопреки ленинской идее добровольного союза равноправных социалистических республик — ущемляла права национальностей. Орджоникидзе тогда грубо навязывал Грузии сталинскую точку зрения и дошел до рукоприкладства. Ленин, вернувшийся к работе после тяжелой болезни, чрезвычайно остро ощущал свою личную ответственность за то, что произошло, хотя, казалось бы, в чем он был виноват? Однако тут проявилась совестливость и требовательность к себе русского интеллигента.

В. И. Ленин пишет в завещании о необходимости "предпринять ряд перемен в нашем политическом строе", то есть демократизировать его. Эти заветы не были выполнены, и в дальнейшем дело дошло до физической уничтожения старых большевиков, героев революции и гражданской войны, цвета интеллигенции. Мало того, репрессиям подвергались целые народы...

С исконных своих земель без суда и следствия были выселены и по существу обречены на вымирание чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, карачаевцы, крымские татары, приморские греки, болгары, курды, немцы... Космополитическая кампания и пресловутый пятый пункт анкеты приобрели зловещий смысл для евреев, закрывая им пути для нормальной жизни и работы.

И опять — по контрасту — мысль невольно возвращается к Ленину, к его заботе о создании наилучших экономических и культурных условий для развития всех народов бывшей царской России.

В своей автобиографической повести "Мудренкин сын" видный калмыцкий писатель и общественный деятель Амур-Санан вспоминает первые пореволюционные годы, свои встречи с Лениным, рассказывает историю создания Калмыцкой Автономной Советской Республики. И что примечательно: со всей отчетливостью выступает дальновидная позиция Владимира Ильича по отношению к малочисленной тогда национальной интеллигенции, понимание ее роли в строительстве новой жизни, забота о том, чтобы знающих, образованных людей, их талант и способности направить на служение своему народу. Даже таких людей, как, например, Саиджи Баянов, Номто Очиров, которые находились в стане белоохранителей. В тот грозный 1919 год Ленин подписал "Обращение Совета Народных Комиссаров к калмыцкому трудовому народу", которое сыграло огромную революционизирующую роль в переходе калмыков на сторону Советской власти.

"Обращение" было размножено и распространялось по всей степи, оно служило пропуском в новую, советскую жизнь. (И естественно, будучи обнаруженным белыми, несло человеку неизбежную гибель). Номто Очиров пришел с этим "Обращением" в Астрахань и отдался в руки Советской власти, вызвав тем самым немалое смущение у местных деятелей — они не знали, что с ним делать. По этому поводу один из наших старых большевиков — Алексей Маслов, военный комиссар Калмыкии, послал (вместе с председателем губчека Черкасским и Амур-Сананом) телеграмму Ленину, на что тот сердито даже — как не могут понять! — ответил: немедленно освободить и использовать на советской работе.

Поражает ленинская широта и умение разглядеть главное сквозь густую пелену неясного — истину народную, его забота о народных интересах. Как прозорлив был Ленин и в данном случае! Ведь Номто Очирову, образованнейшему русскому интеллигенту, ученику В. Л. Котвичка, наша культура обязана очень многим. Именно он, — это было в 1908 году, — записал у знаменитого джангарчи Овлана Эля — и для калмыков, и для мировой культуры — десять песен нашего великого эпоса "Джангар", текст, который считается ныне каноническим.

Я познакомился с Номто Очировым в 1958 году, мы с ним одновременно были возвращены в жизнь (надо сказать, что в период с 1925 по 1956 год Номто Очирова арестовывали трижды). Разговаривая с ним, я удивлялся не только его широкой образованности, но и его духовной высоте. Я вообще заметил, что люди большой культуры, даже пройдя через немыслимые испытания, словно обретают новый уровень духовности. Культура, усвоенная ими через книги, университеты, науку, становится как бы исконной, глубоко личной принадлежностью обладателя. Так правота утверждается над неправдой и правда обретает тот высокий и мудрый покой, который не позволяет человеку стать на один уровень со своими мучителями. Ибо возненавидеть их — значит опуститься до их уровня. Как сказал Магдельштам: "Потому что не волк я по крови своей И меня только равный убьет"

Говоря о Номто Очирове "русский интеллигент", я не обмолвился. Он,

несомненно, был человеком, синтезировавшим в себе обе культуры — калмыцкую и русскую. Поднявшись на вершину русской культуры, с высоты Пушкина и Достоевского он мог полнее и глубже понимать и наш эпос "Джангар", и философию "Рамаяны" и "Субхашиды", которые печатно существовали в нашей литературе уже в течение трех веков, придя к калмыкам вместе с принятием буддизма и подняв на новый уровень духовную культуру народа, как это было и с принятием христианства на Руси.

Вообще вопрос о принадлежности человека к тому или иному народу, нации, культуре довольно сложен и многогранен. Осталось, например, в истории имя графика Федора Калмыка. Его, четырехлетнего, подобрали казаки и подарили русской императрице, а та передала его немецкой принцессе. Воспитанный в Германии и усвоивший все ее обычаи, язык, культуру, он стал впоследствии известным художником. Чувствовал он себя немцем. Сохраняя внешние этнические черты калмыка, калмыком он уже не был.

Номто Очиров же, овладев русской культурой, не терял своего, калмыцкого, — он стал носителем двух духовных начал ("дважды человеком", как сказал кто-то из великих). Освоив русский, Номто Очиров обрел духовное богатство, которое приходится с отличным знанием каждого нового языка, а это значит он обрел и ощущение русского мира. Человек ведь не помнит, какие слова родного языка он произнес впервые и что значат эти слова. Но когда он проникает в суть другого языка, уже имея известный жизненный опыт, — дело иное. Помню, как я узнал русское слово "хлеб". Вытащив горячий каравай из печи, мне отрезали и подали душистый ломоть: "На, поешь хлеба с медом" И сколько бы лет ни прошло с тех пор, когда произносят слово "хлеб", я слышу запах, вкус и ощущаю все, что связано с этим словом, вплоть до понятий мудрости и отчизны.

Слово, рождаясь, аккумулирует и цвет неба, и черты ландшафта той точки земли, где оно было выдохнуто из груди человека. И поэтому наличие множества языков на нашей планете обогащает то, что Вернадский назвал ноосферой, — сферу разума.

Я так подробно говорю о Номто Очирове потому, что мы собираемся в 1990 году праздновать 550-летие "Джангара", и не будь этого человека, его записей, вряд ли сохранился бы, дошел до нас этот великий памятник в драматических "перепадах" жизни калмыков, их трагической судьбе. Подумайте, сколько незаписанных гениальных творений народа исчезло бесследно, ушло в небытие с последним их знатоком, может быть, гениальным!

И тогда, и теперь я думал о Ленине — о человеке, для которого слово и дело всегда были едины. Возвращая для привлечения к делу строительства калмыцкой жизни" Номто Очирова (и вообще "как можно больше... самих калмыков" из стана белогвардейцев), Ленин не боялся, что тот может оказаться "агентом" и "проводником вражеской идеологии", ибо знал притягательность и силу идеала народного счастья. Он был уверен, что умный и образованный человек непременно станет на сторону этого идеала.

В. И. Ленин прекрасно понимал всю трудность вовлечения столь многочисленных и исторически неравномерно развитых в социальном и культурном отношении народов и племен в единый для всех поток социалистического строительства. Но революция давала возможность надеяться на то, что отставшие в своем историческом развитии народы смогут в кратчайшие сроки овладеть всеми высотами цивилизации и культуры. И для Ленина интеллигенция из среды угнетенных ранее народов имела огромное значение для воплощения идеалов революции и строительства социализма в национальных окраинах.

В 1919 году на заседании Политбюро РКП(б) была утверждена ленинская резолюция о том, что в первую очередь необходимо дать автономию бурятам и калмыкам.

...Так было при Ленине. А 28 декабря 1943 года бериевские солдаты, предводительствуемые генералом Серовым, вошли в кабинет тогдашнего председателя Совнаркома Калмыцкой АССР Нальджи Гаряева, объявив: "Заберите свои личные документы, остальное мы опечатаем — и на выезд" Нальджи Гаряев, с которым мы встретились в 1957 году, когда калмыки возвращались из ссылки, рассказал мне тогда, как, забирая свои личные бумаги, он, чувствуя, что совершается что-то совсем не ленинское, незаметно спрятал у себя ленинские декреты о землепользовании и скотоводстве, "Обращение" к братьям калмыкам, будучи уверен, что документы эти не потеряют своей силы несмотря ни на что.

Летом 1944 года, когда наша 252-я Харьковская Краснознаменная стрелковая дивизия подошла к Кишиневу, меня отозвали с фронта (я работал в дивизионной газете "Боевая красноармейская") и зачитали приказ о моем отчислении из армии, начинавшийся словами: "За принадлежность к калмыцкой национальности..." Приказ был подписан начальником ГЛАВПУ РККА А. С. Щербаковым. Я был оглушен и раздавлен. Если бы меня обвинили в том, что я что-то украл, я мог бы утешить себя тем, что своей безукоризненной честностью я сумею доказать ложность этих наветов. Если бы меня обвинили в трусости, я мог бы надеяться, что в следующем бою проявлю храбрость и своей кровью смою позорное пятно. Но чем я мог утешить себя, что изменить, когда речь шла о моей национальности?! Когда целый народ — мой народ — был объявлен врагом, предателем, а все его существование зачеркивалось без всякой надежды на будущее?! Утешало единственно то, что немецкий расизм и фашизм, стремившийся уничтожить целые народы только за то, что они не "арийцы", — уже почти побежден (1944 год!), что бесчеловечный закон, карающий меня и мой народ, также будет сметен правой силой.

Сосланных калмыков расселяли в разные места. Другие народы жили все-таки вместе, компактно, а калмыки были разбросаны по всей Сибири — и на Алтае, и в Новосибирске, и в Забайкалье... Молотов подписал постановление правительства о спецпереселенцах, по которому без суда и следствия давали двадцать лет каторжных работ за самовольную отлучку в другую деревню, если даже там умирали родственники. Я встречал немало калмыков, отбывавших кроме ссылки еще и каторгу...

Да, Сталин на словах декларировал дружбу и братство народов. Но его глобальная политика, которая покоилась на внушении страха сначала своим политическим противникам, затем отдельным социальным группам или целому слою, — например, интеллигенции, затем крестьянству как классу, а затем и целым народам, — никак не соотносилась с тем, что он провозглашал, как "верный ученик Ленина"

Любил ли он свою родину — Грузию? Я не говорю об истреблении замечательных грузинских поэтов — Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, арестах и расстрелах старых большевиков, преданных народу общественных и культурных деятелей. В 1949 году привезли в Дудинку на Таймыре в полном составе население двух районов южной Грузии: старики, дети, мужчины, женщины — все население. Старики и дети вымерли в тех суровых условиях почти полностью...

На поселении я много думал о судьбе своего народа, не мог не думать, писал стихи. И заплатил за это годом и восемь месяцами одиночного тюремного заключения. Вот выписка из приговора. (Привожу с сохранением

грамматических и стилистических перлов сталинского суда. Не буду называть имена: в тех условиях, возможно, не все могли выдержать нажим властей).

"Обвиняется по ст. 58 — 10 ч. 2 УК.

Материалами предварительного и судебного следствия УСТАНОВЛЕНО:

Что обвиняемый Кугультинов в 1944 году был отчислен из Красной Армии на основании постановления Советского пр-ва. После отъезда из армии Кугультинов поселился на место жительства в г. Бийск на правах поселенца. Находясь в г. Бийск, Кугультинов, являясь враждебно настроенным к существующему политическому строю в СССР, на протяжении 1944—45 гг. среди спецпоселенцев калмыков проводил антисоветскую агитацию в форме высказывания контрреволюционных измышлений и в стихах под его авторством.

1. Как факт в начале августа 1944 года в беседе со спецпоселенцем Д(...) возводил клевету на проводимые мероприятия Советского правительства по вопросу переселения калмыков.

2. В том же месяце 1944 года в квартире С(...), в присутствии Ж(...) клеветал на мероприятия по поводу переселения калмыков, проводимые советским правительством.

3. В ноябре 1944 года в квартире С(...) в присутствии Д(...), С(...) Кугультинов наносил клевету на одного из руководителей Советского Правительства. Подобные антисоветские провокационные измышления высказывал спецпоселенцу Ж(...).

4. 8 февраля 1945 г. в приемной горотдела НКВД г. Бийска в присутствии С(...), П(...) и Ж(...) возводил клевету на постановление советского правительства о спецпереселенцах.

5. В марте 1945 года на квартире С(...) в присутствии П(...), их жен читал написанное им стихотворение антисоветского характера, в котором клеветал на жизненные условия спецпереселенцев калмыков, на правовое положение спецпереселенцев.

6. Помимо этого Кугультиновым, в период проживания в г. Бийске, была частично написана поэма, в 7 главах этой поэмы содержание было изложено антисоветского характера, которая была изъята на квартире Кугультинова.

Проверив материалы дела, суд находит, что состав преступления по ст. 58—10 ч. 2 УК в отношении Кугультинова вполне доказан изъятием в его квартире стихов антисоветского характера, свидетельскими показаниями С(...), П(...), Д(...)"

Да, год и восемь месяцев одиночки. К счастью, я выдержал. И я благословляю и это испытание: как бы я мог смотреть в глаза своему народу, вымершему наполовину в годы изгнания, после того как я наивно писал письма товарищу Сталину, уверенный, что он ничего не знает, надеясь на его помощь...

Была ли эта политика геноцида следствием войны? Тогда я так и думал — идет война. Но я ошибался — все началось раньше.

...Осенью 1958 года, когда народ мой вернулся на родину, я вместе со своими товарищами — калмыцкими писателями Лиджи Инджиевым и Бембе Джимбиновым — встретился с Маризгой Сергеевной Шагинян. Она жила тогда на Арбате. Нам очень хотелось с ней повидаться, чтобы узнать о судьбе ее книги "Билет по истории". Эта книга была напечатана в 1938 году — сначала в журнале "Красная новь", потом вышла отдельным изданием. О ней хорошо отзывалась Н. К. Круцкая, она получила несколько положительных рецензий (в газете "Известия" о ней тепло написал Дмитрий Ильич Ульянов). Больше книга не издавалась², а ведь речь шла о семье

² Часть ее вошла в книгу М. Шагинян "Семья Ульяновых" (М., 1963).

Ленина, в том числе о его бабушке по отцовской линии, которая вышла из "уважаемого в астраханском мещанстве крещеного калмыцкого рода" Шагиной долго работала над этой книгой. Она рассказала нам, что знала семью Ульяновых, рассказала и о том, как Мария Ильинична, с которой у нее были хорошие отношения, невольно повела ее на этот сюжет:

Однажды Мария Ильинична подала калмыцкий чай — с молоком, с маслом и солью — питье непривычное незнакомцу, но чрезвычайно сытное: "пища бедняков", которые не имели возможности есть мясо. Я спрашиваю: — Откуда это у вас калмыцкий чай? — Как откуда? — отвечает Мария Ильинична. — Вы разве не знаете, что наша бабушка была родом калмычка! Я говорю: — Мария Ильинична, дорогая, я же пишу книгу о Владимире Ильиче, вы понимаете, как мне это важно, мне же недостаточно одного устного заявления, нужны документы. Можно ли об этом узнать поподробнее? — Конечно, можно, поезжайте в Астрахань, там сохранился бабушкин дом, остались, верно, и метрические записи.

В 1938 году, рассказывала дальше Мариэтта Сергеевна, меня вызвал к себе Жданов. Он выбежал навстречу — коренастый, сердитый, с воловьими глазами: — Правда, что вы написали книгу о Ленине? — Да, — ответила я. — Правда, что вы нашли у Ленина калмыцкую и всякую там кровь? — Правда. Ведь я все брала из документов. — Кому нужна эта ваша правда? Кому она служит? — И он швырнул мне в лицо газету "Volkischer Beobachter". Жданов тогда топал ногами, кричал: — Исправляй немедленно, а то не будем печатать!

Книга Шагиной не печаталась до 1956 года, когда Президиумом ЦК КПСС было принято специальное постановление печатать ее без купюр. Однако во времена Брежнева — Суслова ее опять стали печатать с купюрами, купировались и другие произведения, в которых были ссылки на эту книгу. Сознание тех, кто считал себя интернационалистом и марксистом, кто провозглашал высокие слова дружбы и братства, долго отравляла мысль о составе крови, ее "чистоте"

Как не вспомнить здесь замечательную трагедию русской культуры и мудрые слова А. И. Герцена: "Мы выше зоологической щепетильности и совершенно безразличны к вопросу о расовой чистоте, что не мешает нам быть вполне славянами. Мы очень довольны, что в наших жилах есть и финская, и монгольская кровь; это ставит нас в родственные и братские отношения с теми расами-париями, о которых гуманная демократия Европы не может говорить иначе, как тоном оскорбительного презрения..."

Почему я вспоминаю эти черные страницы нашей истории? Мы должны помнить о тяжелых испытаниях, которые порой оставляли незаживающие рубцы в душах людей или приносили, унижали эти души, вгоняя в гены страх, пассивность, рождая философию "моя хата с краю" Иначе наша дружба лишится фундамента правды. Я убежден: надо вскрыть все большие и малые гнойники, омрачавшие эту дружбу, очистить души людей, помочь каждому человеку осознать свое право называться этим высоким именем. Ведь до сих пор мы не сказали во весь голос о трагических последствиях гонений на целые народы, об этом лишь глухо, между прочим упоминается в наших научных трудах и солидных энциклопедиях...

А как пагубно сказались на развитии культуры каждого народа СССР широкие проработочные кампании, навешивание ярлыков, обвинения в национализме, безыдейности, в воспевании патриархальности и, конечно, в абстрактном гуманизме... Таких обвинений не избежали и многие крупные писатели: М. Рыльский и В. Сосюра, Айбек и М. Ауэзов, И. Друцз и И. Чендей, Н. Думбадзе и Г. Матевосян, П. Серак и Вас. Быков... И было это не

только в годы культа личности, но и позже. А сколько тех, кто был незаконно репрессирован и погиб в тюрьмах и лагерях?!

...Но хотелось бы вспомнить здесь и страницы жизни более радостные. Нас, калмыков, как и другие сосланные народы, вернули после XX съезда партии. И так хотелось, чтобы весь мир узнал о том, что правда наконец восторжествовала, как можно больше узнал о моем народе. Приближалась дата — 350-летие добровольного вхождения Калмыкии в состав России, и был поставлен вопрос о том, чтобы отметить ее. Но Академия наук СССР дату не подтвердила, и юбилей праздновать не разрешили...

В декабре 1958 года после Первого Учредительного съезда писателей РСФСР был дан прием в Кремле. На таких приемах, как обычно, все было расписано заранее, все рассчитано по минутам, утверждено, что подходит, кто говорит, кто задает вопросы... Но я все надеялся, что мне удастся поговорить с Н. С. Хрущевым о праздновании юбилея, — я воспринимал это как поручение мне от всего калмыцкого народа.

Я считая Н. С. Хрущева умным и решительным человеком, выдающимся политическим деятелем, которому потомки еще поставят памятник. Да, у него были ошибки, и ошибки серьезные. Но подумаем: кто мог бы тогда сделать то, что сделал он, — смело разоблачить культ личности Сталина и тем самым повернуть на новые пути всю жизнь страны. Событие это, я убежден, имело всемирно-историческое значение. И нам не следует уподобляться Хаму, который посмеялся над Ноем, увидев, что тот пьян, но умудрился не заметить Ковчег, который он построил.

Мы видим и ныне, что начало перестройки лежит в решениях XX съезда партии. И что греха таить, мы часто не замечаем, что в нас все еще живы рудименты прошлого, когда в каждом руководителе мы хотели бы иметь Христа, Будду или Аллаха, которые чисты, светлы и непогрешимы. И какое наступает горькое разочарование, когда замечаем в ком-то, даже достойном, черты, не соответствующие кумиру, созданному нашим воображением.

...Итак, во время приема я все время думал о своем. Наконец, лучший момент, когда Хрущев остался один, я и подошел к Никите Сергеевичу.

— Хочу сказать вам огромное спасибо за то, что вы вернули наш народ. — Ну как там настроение? — оживился Хрущев.

Я стал рассказывать, как после одного писательского выступления в калмыцком колхозе, уже поздно вечером, почти ночью, я увидел старую женщину, которая истово молилась перед чьим-то изображением. Я удивился: неужели после ссылки у нее сохранились бурханы (изображение Будды)? Подошел ближе, смотрю — молится на портрет Хрущева. Я говорю: нельзя молиться на живого человека, наша религия запрещает, это не бог. А она мне: — Он вернул меня к костям моих предков. — Так это партия вернула, — говорю я. — Когда нас ссылали, партия тоже была, — возразила она в ответ.

— Да, человек так уж устроен, что он должен получить ответ на вопрос, который его волнует. Когда их ссылали, они не понимали — за что. Когда их вернули, они тоже не понимали — почему... Они решили искупить свою вину. Но какая была у них вина? Надо душу их лечить... — задумчиво сказал Хрущев.

Помня о цели своего разговора, я сказал о предстоящем юбилее. — Жаль только, праздника у нас не будет и вас не увидим на нашем празднике. — Как так? — спросил Хрущев. — Да так, Академия наук не подтвердила дату. — Ну, тогда ничего не поделаешь... Авторитета выше, чем Академия, в этом деле нет. — Есть, — говорю я. — Кто же? — Его императорское величество царь Николай II. Вот книжка И. Ульянова (однофамилец В. И. Ленина), где сообщается, что в 1909 году Николай II произнес

благодарственную речь в ознаменование 300-летнего верного служения калмыков России. В церквях по решению Святейшего Синода тогда же отслужили по этому поводу благодарственные молебны. Хрущев расхохотался: — Раз уж Николашка праздновал, нам и сам бог велел.

Через неделю Академия подтвердила дату.

В 1959 году мы торжественно отпраздновали 350-летие добровольного вхождения Калмыкии в состав России. 300 лет калмыки защищали южные границы страны, верно неся свою сторожевую службу. Калмыкию посетил Петр I и, по преданию, самолично накинул собою шубу на плечи хана Аюка, вспомнив эпизод Полтавской битвы, когда калмыцкая конница едва было не захватила в плен Карла XII и Мазепу.

Но кроме "милости царей" была еще и гуманистическая традиция русской классической литературы, всей русской культуры. Здесь, конечно, я прежде всего буду говорить о Пушкине. "Друг степей калмык" известен всему миру, о калмыках вспоминает он в "Евгении Онегине", "Капитанской дочке", "Истории пугачевского бунта" и многих других своих произведений, как бы оставив заветом последователям свое отношение к угнетенным, бедным и слабым... Защищать слабого — признак благородства духа, и мы видим, как следовали Пушкину его славные продолжатели.

Гоголь с глубоким убеждением писал о том, что Россия — это не только русский народ, но все народы, живущие в ее пределах, и надобно изучать их жизнь, обычаи, историю, верования, места, где они обитают... И сам стремился осуществить такую программу.

Читая лекции по истории в Патриотическом институте, затем в университете (да и на протяжении всей его жизни сохранился этот интерес), он собрал большой исторический материал, включающий сведения о народах, которые населяют Россию, — и не только о славянах. У него сохранилось шесть тетрадей разного объема, содержащих записи по географии России, где наряду со сведениями о вотяках, татарах и других народностях есть и этнографический очерк о калмыках, с подробным описанием почв, земельных угодий, животного и растительного мира, социального устройства, образа жизни и быта, их религии, верований и нравов.

Вот описание животного мира, населявшего калмыцкие земли, — удивительное свидетельство былого изобилия черных прикаспийских степей: "Звери. Барсуки, чекалки, волки, лисицы, зайцы и тушканчики... хорьки, суслики, водяные крысы... кабаны... сайгаки, бродящие целыми стадами... Птицы. Беркуты, балабаны, ястребы, скопы, мышеловы, коршуны, балье луны, совы, филины, сычи, вороны, скворцы, журавли, фазаны, дрозды, крохали, лебеди... дикие гуси..., утки, бабы, бакланы, колпики, мартышки, чайки, цапли..."

А вот что пишет Гоголь о нравах этого народа: "Нравом калмык гостеприимен и поделчив. В обращении ровен и с богатым и с бедным. Бедный может зайти в любую кибитку и подсесть к хозяйскому котлу, ему поднесут чашку наравне с другими"

"Чистота понятий о добре и зле, заключающаяся в правилах их религии, стоит глубокого внимания. Грехи следуют в таком порядке. Приписываемые произволу: убийство, всякое насилие, всякое телесное осквернение, грехи, происходящие от слов: злословие, празднословие, клевета и ложь, смуты и подстрекания. Грехи душевные: зависть, мщенье, безбожие или непризнание святости закона" ("Гоголевские тексты. Изданы Г. П. Георгиевским", СПб., 1910, стр. 418—419, 424, 429).

Да, русские люди — писатели, ученые — немало сделали для развития культуры калмыцкого народа, для того, чтобы познакомиться с ней другие народы.

Еще один — рядовой пример. Помню, на одном из заседаний Комиссии по литературному наследию Велимира Хлебникова покойный Борис Слуцкий передал мне две папки с надписью "Калмыки" — записи Владимира Алексеевича Хлебникова, отца поэта. Он был орнитологом, природолюбом. И вот среди его рабочих материалов есть и описание игр калмыцких детей, и своего рода программа: "Что надо сделать, чтобы поднять этот народ". Надо сказать, что в поэзии Велимира Хлебникова его детские впечатления о калмыцких степях, о прикаспийских озерах со стаями лебедей откликнулись тягуче к Востоку, такими образами, как "концарствие", "Либедия".

Наверное, каждый из нас может привести примеры глубинного интереса русских людей, русских интеллигентов к жизни других народов, их культуре, их стремления сделать все, чтобы поднять эти ранее угнетенные царизмом народы к сознательному творчеству новой жизни.

А какую огромную роль сыграл Горький в нашем взаимознании, в расширении художественных горизонтов всех литератур народов СССР, в том числе и русской! 30-е годы — это был подлинный взрыв взаимного интереса друг другу, годы большой практической, глубоко творческой работы — переводческой, издательской... Да, сейчас — сравнительно с первыми литературными писательскими бригадами, отправлявшимися тогда в республики, — масштабы иные, не несколько человек, а мощные "десанты" "Мероприятия" Союза писателей приобрели монументально-фундаментальные формы, но велика ли творческая отдача? Эта официальная штампованность — и энтузиазм Тихонова, Луговского, Пастернака, их переводы и собственные стихи, рожденные впечатлениями от жизни других народов, их культуры, народного творчества, от радости обретения новых друзей — верных на всю жизнь...

Горький редактировал альманах "Творчество народов СССР", он предложил Семену Лишину перевести для альманаха одну главу из "Джангара" и говорил ему: "Если же вы сделаете перевод всего эпоса, вы оставите свое имя в истории культуры".

В 1940 году впервые эпос был издан на русском языке в замечательном переводе Семена Липкина. На юбилей "Джангара" в том году в Калмыкию приехали Фадеев, Новиков-Прибой, Микола Бажан, Анна Каравасева, В. Фаворский, который сделал иллюстрации к эпосу.

Народ, его история, его земля... О земле сейчас особенно много думаешь, нельзя не думать: так мы ее запустили, с такой варварской безответственностью к ней относились. И поплатились за это — сейчас не уйти уже от грозных вопросов самого бытия, существования нашей планеты, если будет продолжаться это хищничество.

Чувство хозяина! Сколько было потрачено сил, чтобы уничтожить его! А мертвое чувство уже не может родить ничего созидательного, доброго, оно способно лишь разлагать и распылять уже накопленное, порождать пустыню души человеческой, не менее страшную, чем пустыня песков...

После того как по Центральному телевидению в "Прожекторе перестройки" показали массовый падеж скота в Калмыкии, я получил много злых писем, в которых разоблачали меня как одного из виновников, угрожали мне, намекая, что шашлыки, которые я будто бы ем ежедневно, бывают и с косточками. И, как ни странно, я чувствовал благодарность к тем, кто так нещадно ругал меня, ибо им было небезразлично все это, они были возмущены безответственностью. Но я думал и о других — о тех, кто был более виноват, чем я, стихотворец, но кто отделался "легким испугом". Я имею в виду руководство нашей республики. Я имею в виду — если называть конкретно — первого секретаря обкома В. А. Захарова, председателя Совета Министров республики Л. Ц.-М. Бадмахагаева, которые на то и

руководители, и возвышены над другими данной им властью, чтобы предвидеть неблагоприятные обстоятельства и возможные беды и предотвратить их. Но в данном случае, если В. А. Захаров был прислан из Владимирской области, не зная местных условий, то Л. Ц.-М. Бадмахалгаев-то рожден в степи! Меня удивляет, почему остаются безнаказанными виновники, а если порой и бывают наказания, то тайно, — и это во времена широко объявленной гласности!

Многими годами настойчивого и упорного истребления чувства хозяина в людях мы породили странное, когда-то презираемое чувство слуг. Помните, как было сказано у Пушкина: если сзади кто-то плюнет на мое платье, то дело моего слуги его вычистить, а не мое. И эта презренная психология слуги, вытирающего плевки и норовящего схитрить, пустить пыль в глаза, урвать побольше у хозяина, прельщала, видимо, той легкостью обретения благ, которые доставались в отсутствие хозяина. Ведь слуги часто воруют именно в отсутствие хозяина, а в данном случае, когда хозяина не было вовсе, жизнь их была чрезвычайно вольготна, они и воровали от имени хозяина, и прикрывали другого слугу, который, мол, в случае чего прикроет и меня.

И если в утверждении психологии слуги наша литература сыграла немалую роль, то сейчас о возвращении психологии хозяина она обязана сказать свое слово правды, хотя говорить правду всегда сложнее, чем кривить душой. Ведь хозяин ничего не берет, а создает. Создающий же, безусловно, сложнее, чем берущий: он неудобнее, ибо он может сказать — "Я сам", а не "Чего изволите".

Да, перестройка, и самая решительная, нужна как воздух. Мне кажется, мы еще не понимаем значения того, что происходит вокруг нас. Развал экономики, разгул бюрократизма, командно-силовые приемы, превращение лжи в обыденное явление, которое даже не замечают, — ведь все эти недуги с ходу не вылечишь. Новое мышление необходимо выработать, укоренить в обществе, — и происходит это не без борьбы, острой и бескомпромиссной.

Помню, в Италии, в одном из университетов, нашей делегации был задан вопрос: мол, чего вы хотите? Почему вы со своими обычаями и порядками, со сделанными вами многочисленными ошибками, со своими традициями, своим настоящим и прошлым приехали к нам — чтобы мы изменили вдруг свое мировоззрение по вашему образу и подобию, по вашим стандартам? Что же тут для нас притягательного?

Я ответил, что в вопросе, который поставил наш оппонент, отсутствует самое главное из того, с чем мы приехали, — будущее. Оно вне территорий и социальных систем, оно не признает границ и не считается ни с чем, кроме единственного условия для претворения в явь — сохранить существование самой жизни на Земле. В век ядерной энергии мы не можем не понимать, что существование с мышлением века механики Ньютона уже невозможно... Мы должны сохранить главное условие для претворения будущего в реальность, и тут у нас, и у вас, итальянцев, как и у всех людей, населяющих нашу планету, путь один — соответствовать уровнем нравственности уровню разбуженной человеком энергии. Любовь человека к жизни, к человеку, ненависть к войне должны быть чувством подкорковым, таким же, как отвращение к каннибализму, которое не позволяет последнему сильному съесть последнего слабого и тем самым положить конец истории человечества.

Потребность в новом мышлении давно назрела, она витала в воздухе, кричала об этом, как и любая истина, еще не провозглашенная, не облаченная в слово. Новое мышление было рождено не нехваткой мяса и масла и

плохим качеством советской обуви, а расщепленным атомом, который уже дважды ударил в колокол: сначала в Хиросиме и Нагасаки, затем в Чернобыле. И тревожный бой этого колокола обращен не к какой-либо одной части света, а ко всей планете. И тот факт, что о новом мышлении впервые сказал М. С. Горбачев, вовсе не говорит о том, что оно является плодом воображения государственного деятеля, а говорит о том, что он именно **современный** государственный деятель, потому что он слышит этот голос самого времени, которое стало на порядок выше в связи с научно-техническими открытиями, но в котором господствует прежнее мышление, — и при непосредственном их соприкосновении неизбежно возникнет взрыв, как при столкновении антиподов, взрыв, означающий смерть человечества.

Конечно же, имеет к этому отношение и недостаток мяса и масла, и плохое качество обуви, как и отсутствие совести в ком-то, и позорное поведение кого-то, но это — малая частица причин глобальности нового мышления. Оно потребно всему человечеству, и когда мы говорили об этом итальянцам, нам показалось, что они были согласны с тем, что мы как бы размышляем с ними вместе, вслух. Этим я объясняю, что католический епископ Джузеппе Мароллини в соборе св. Петра читает с амвона прихожанам мои стихи, переведенные на итальянский. Вот они:

Везде, в любые времена
В своих приливах и отливах
Не воплощала жизнь сполна
Мечтаний даже у счастливых.

Мне ль на такую благодать
Рассчитывать?..
Скажу заране:

Мне не приходится мечтать
Об исполненье всех желаний.

Нет у меня на это прав!
И я склоняюсь пред тобою,
О жизнь, с единственной мольбою:
Казни за все, в чем я не прав,

Но близких мне и дорогих
Не позволяй судьбе обидеть,
Страданий никого из них
Не дай глазам моим увидеть!

Я человек самолюбивый, я бы не хотел, чтобы меня упрекнули в нескромности, в том, что я занимаюсь саморекламой, но рождается чувство радости от сознания того, что есть общее для всех людей на Земле — и для христиан, и мусульман, и буддистов, для капиталистов и коммунистов — понимание необходимости сохранения жизни, несмотря на кажущуюся правоту каждого, в этом нашем противоречивом и прекрасном мире.

г. Элиста.

Владимир НУРОВ

ДАВИДУ КУГУЛЬТИНОВУ

Когда к душе примерзла
 стужа,
Изгнав дыхание тепла,
И все скуднее, горше, хуже
Томясь, душа моя жила...

Твоя поэзия простерла
Мне руку — щедро и тепло,
И я, вздохнув, прочистил горло,
И сердце снова расцвело.

Когда во время скачки, с маху
Слетел я наземь и когда
Заплакал горько... не от страха,
А от досады и стыда,

И враг, заметив слезы эти,
Ткнул в сторону мою, смеясь,
Концом своей надменной плети:
"Смотрите, — мол... — Он втоптан
 в грязь!"

Не стал смеяться ты со всеми,
Ты повернул коня ко мне,
Ты наклонился, подал стремя,
И снова поднял вверх меня...

И верю я, пока вершины
Свой снежный не утратят цвет,
Покуда доблестны мужчины,
Поэзии забвенья нет!

Перевела Ю. НЕЙМАН

САҢЪЖИН Бося

ДАВИД НИКИТИЧ КУГУЛЬТИНОВА

Эндр Та жир наслвт!
Энтн баһв аль икв?
Кен керсү иим сурврт
Кемжәтә хәрү өгч чадах!

Кемр Тана жирн наснастн
Көңдәңгөр учрсн хамгиг салхнхь,
Хойр эзмәдтн ачгдсн күңдәстн
Хатут, киитиг, өлиг буулхнхь,

Цагтан седкл шавтасн, һундасн
Салькта хурин, сөөһин түүрчөнө
Жилмүд наснастн салһад хайхнхь —
Жигтә кевөр баһрад одхт!

Кемр Тана жирн насни
Жирһлинтн ке сөөһн хамгинь,
Зүрк дүүргәд, кесг байрлулсн
Зөвөн, диилврөн күцж авсн,

Залу зөрмг уха мөслсн,
Заг уга цецинг зүүсн,
Күч-көлснө күүдринг даасн,
Күндгө нэрэн өөдөн хадһлсн

Цуг жилмүдингн хөвтө хамгиг
Цуглауд, байринь багтаж гихнь —
Эндрк Тана жири насигн
Элвөд, хойр холвадан немгдх!
Зуг жирһд үзгдсн хамгиг
Чинцүүрддг чинцүүр альдчн уга,
Кен чигн күн терүг
Кемжөлж үгдөн багтаж чадшго.

Зуг негл зарһч делкөд
Заячксн бөөдг — нернь Үнн,
Күн бөөтхө, нарна бийнь
Күчнөс үшннig халхлж чадшго.

Эндр соньн байрта өдр —
Эргндөн шүглэонө айс жинцнө,

Тана жири насна өөшиг
Жингтө өргмжгөһөр өмгн угтжана.

Хөрдгч зун жилин шүглэонө
Хамгин өндр уулмуднь болсн
Расул, Дулин, Мустай ахтас
Иньгэлгөн иткүлж, өөндгн ирцхөв.

Цецн биелг хойритн күндлөд,
Танд ачавран Төрскитн нерөдв,
Алдр Ленинө орден зарлгдв,
Өрч дсертн бууж зарлгдв.

Жири наснн туурмжта өөшигн,
Жириһлөн кеерүлсн өөд ачавритн
Халуи зүркнэсн байрлж йөрөжөнөв,
Хальмг зокалар шүлгәри белг
өргжөнөв!

1982 ж.

Дамдинсурен, Д. Кугультинов и Бося Сангаджиева. Москва, 1981 г.

Эдуардас Межелайтис — Давиду Кугультинову

Дорогой Давид!

Недавно я смотрел по телевидению твою прекрасную поэтическую передачу и долго беседовал с тобой и размышлял о тебе. И вдруг — хорошее слово обо мне в газете. Сам не знаю, как тебя отблагодарить за теплые, хорошие, добрые слова. Во-первых, разреши тебя крепко обнять и поцеловать от всей души, дорогой мой брат. Остаюсь перед тобой в долгу. Радости от такого юбилея не так уж много — белой краски уж очень много стало в волосах (а в душе — бело-желтой, у нас уже осенние заморозки!). Но писать будем еще по-весеннему молодо.

Еще раз большое тебе спасибо.

Желаю творческого счастья и успеха.

Сердечный привет твоей милой семье.

Крепко обнимаю.

Всегда твой Эд. МЕЖЕЛАЙТИС.

Вильнюс, 7.10.79 г.

Георгий Свиридов — Давиду Кугультинову

26. 12. 81

Дорогой Давид Никитич,

поздравляю Вас с Новым годом, желаю здоровья, счастья, новых, прекрасных стихов.

Летом послал Вам пластинки — получили ли Вы их?

Если получили — ответьте, если не получили — тоже ответьте.

Сердечный привет!

Георгий СВИРИДОВ

Слева: Дамба Жалсараяев, Шукрулло, Давид Кугультинов, Олесь Гончар и Цэдэв. VII съезд писателей СССР.

ЗОВЛЦ ДУРН ХОЙРАР УСЛГДСН СЕДКЛИННЬ АНУЪАС...

1922 жил. Хөрн негдгч, өмтн харлнж, өли-түрүйнөс дөвлөж өрө харсн жил цасн мет хөөлөд, нег цөөкн сар дансн кемлө Гаханкин Авһнр селөнд Десдснн евлөөр заяни онц онцта хүвтө көвүн үрглжин харцһуһас үзгэн олад, төрж ирэд, жирһлин хаалһдан Дава нертөһөр орсмн. Эн цагас ави энүнө хүв-жирһл Таңһчиннь, төрскн улсиннь хүв-жирһлин үлмөд туссмн. Цагин иим эргцд эн хальмгин өрк-бүлд тиим көвүн эс үүдж харсн болхла, хөөннь мана төрскн урн үтин көрцгд дутг үчрх бөөсмн биз, энүнө бийиннь хүв-жирһлд чигн талдан хаалһ үчрх бөөсн биз? Кен медхв, зуг эндр Көглтин Даван нерн Таңһчдан чигн, орн-нутгт чигн, моһлцг һазрин олн үзгт кесг кели-өмтнд цөөлһвр угаһар медгдг нерн. Билг-эрдмөри, күцкл ухаһарн, делгү медрлэри, олна туст күцөжөх керг-үүлдврэрн Хальмг Таңһчиннь чинриг, тооһарн ик биш болвчн, нарт делкөн келн улс дунд эврөннь өвөрц орман эзлжөх хальмг улсиннь чинриг туурулх күслтө хөлэсн нег үрн.

Ухалхла, Заяч кедү күүнд билг-эрдм заяна, болв зуг тиим улс заясн хүвэн, билгөн цагларн идгжж, өрүн цеврөр элжж, билг-эрдмөн ховдгин седклөр һанц бийиннь төлө олзлх санаһар дими тараж үрөнө. Бийөн мартжж, олна хүв-жирһл нексн билгтин хаалһд цаг зуур үчрсн зовлц чигн хөөннь-сөөни үндсн болж үзгднө. Йиртмжин зокал тиим. Түүгиг медсн мана өвкнр кезэнө олад келчксн болдг:

Онц зовад бөөдг өмтн чигн төрүц уга,
Огт амр бөөх өмтн чигн бас уга,
Орчлцд йирдөн жирһл зовлц хойр
Онһдин зун үвл мет сольсар бөөдг.

Харцһу ухата, хату седклтө күн жирһлин эн хойр кемжөг төртөн авлго, зовж-хувацх гидг юм медгго, бийиннь өөрк улсган өршөцһү сана угаһар бөөдг учрар олна уханд, тодлврт нерэри, дүрэри торлзхнь берк.

Көглтин Даван үүдэлт, энүнө ачта нерн юунас үцтхгвд гихлө — заяни билг-эрдмөс, оюни-сердэс болчкад, олина хамдан үзсн, даасн зөвүрөс, тер зөвүр-зовлцгас олыг гетлгх сананас болн керг-үүлдврөс гихмн.

Төрж һарснанны хөөн догшин хаалта цагин үлмөд эн туссмн. Мел зуг Заяч өгсн билгиннь арһар биш, төгөлднн эврөннь хотнд, өрк-бүлдөн юн болжаһинь үзөд, медөд, өсөд, му-сөөһин сурһмжиг децг авсн һаслцгта, гейүртө нүдөр йиртмжж үзж йовсмн. Эрө йисн нас күрөд уга цагтна энүнө өвк эцк цут олн өрк-бүлтөһөн "кулак" гидг нер зүүж Советин йосна засгла харһсмн. Бичкн Дава тер кецү цагла бал наста политическ репрессьт туссн көвүн. Теркө зүркндөн, гүн ухан-седклдөн тер цагин хүвсхл буулһж авч, хөөннь үүдөвриннь багтаврт шинэс нөөрүлж бохсмн. "Хальмг хөн" гидг нег шүгл. Юуна тускар келгдж? Седклөн өглго умшснь келх: хальмг малд нерэдсн дарани маггал. Зөрмиш нам санх: шүлгин кев-янзла ирлцдго "карболк", "хальмг хөөнө сүл", "шарх", "өтн" гидг үтмүд орлцад, шүлгин чинринь дорацулжана. Болв түрд гилт.

Зуг гүн ухаһан төвж, далдсн чинринь некж умшсн күн медх. Бичкн,

долата-нөөмтө хальмг көвүн ааван дахж, дурахар чирмэж, өвкнрин кезөн-кезөөс нааран иждвд даслт болж одсн көдлмш кез йовна. Кен медхв, цаг эс хуврсн болхла, аавнрин авъясас мана хальмгуд эс хольжсн болхла, теегиннь кс-сөөхнинь улм холвх бөөсн чигн биз? Болав эн хальмг көвүнө жирлд чигн талдан хаал учрв. Энүнө чигн, эгүнлө өдл кесг хальмгудын аав-ээжнринь хол, киитн — Уралын ца назрур туусмн. Үйөс үйд заагдж келгддг дамшлын кесгнь геедрв. Тегэд чигн эндр бидн эврөннь теегиннь йиртмжин, хагсж, салжн-шуурлинд теегдж бөөх назрин түцшл сонсхас нань арл угавидн. Эндрк назрин, усна, аларин кецү өөмшгтө бөөдл — ээни хөлөц, килмж геедрсн учрар, шүлгч, депутат КӨГЛТИН ДАВА эгүнө тускар өөмшгннь нуулго, чигринь баһруллго үүдөврмүдтөн чигн, депутатск үгдөн цуцрлан угаһар келжэснн.

Энүгинь медхөр седсн улс "Төөрсн герл" гидг поэмиг авад умшад хөлөтн. Эн поэм шүлгчин эврө бийиннь өрк-бүлнь үзсн-даасна тускар болчкад, икикпн олна хүв-жирлинн төр бийдөн шиңгэсн болдг.

"Өмнк хотн — Дундын ө-һуцдан күргж, Дундын хотн Ардкин дала мууһинь секэд, төрл-ясарн энд тус-тустан саллж", иньг — иньгөн, дүнь — ахан, зень — һаһцхан йосна үлмөд орж, хар гөрөр шахж, мууднь күрсн цаг. Киитнд көдлж, харлинж, өлн, чичржөх һарарн һулмтын үмс тееж, нег чигн өдмгин тасрха ядж, келү хальмг бичкдүд, көгшөс тамин зовлаң үзсн? Энүг үзсн-медсн, зүркидөн ивтрөж авсн билгтл тагчг бөөхлө, энүнө билг-эрдмиг, үүдэлтиг ямаран үнөр үлхмб?

Тегэд чигн шүлгч кс-сөөхни тускар бичхөр шиидсн бийнь, арвад жилмүдин туршарт зүркиг шарклулсн зөвүриг дарж чадлго, ик "худлыг" чиктнь худл гиж келж бичжөнө:

Кесг жилдөн чеежиним
Килэсн болж йовсн
Колхоз яһж бүрдж
Көлснө чинр идж,
Иньгллт хотна улсин
Ичр седклэсннь көөж,

Хоома цагин эргцд
Хулхач андн улсин
"Мөрн гүүжөсн" таралцгиг,
Мел бөөсн кевөрнь
Умшачд нуулго күргх
Ухаһан ода күцөвүв.

Көглтин Дава шүлгч болж эки-эклдэсн авн эврөннь һол төрөн йилһж авсн күп. Эһннь олна хүв-жирлинн, "цегөхн уснас цевр бөрцтө, цаһан мөңгнөс герлтө седклат, һалын заляр арчидсн зүрктө, һалын аюлар батлгдсн зөргтө туурсн баатрмудын" тускар бичх өрүн төр. Энүгинь шүлгчд "Жаңһир" сөөнөр медалснн.

Шүлгчин жирһлиннь шинжлөд хөлөхлө, эн бийнь "Жаңһрин" баатрмудын зөрмиг, баатрльг санан-седклиг герөслж авсарн, зөрмг күңкл хойрар йилһрснн гих санан орна. Юңгад гихлө энүнө цааранднь үзж, тесж дийлсн дөөнө зовлаңгиг, түүрм-лагерин догшн муулиг, ховин хар хориг давж һарна гидг зуг баатрльг зүрктө күүнд даагдах жирһлин "шүүвр" Хүв-жирһлиннь зовлаңга халхинь чигн, туурмжта халхинь чигн Көглтин Дава залу-зөрмг кевөр бий деерөн дааж,

Үг керг хойриг
Үүрдүлж дегцднь тевчлөв,
Үнн Төрсн хойртан
Цаван амар биш,
Цусн, зовлаңгар дуртаһан
Цагт тиизлж үзүллөв, —

гиж 1963 жилд бичснь урдк хөрн жилин үүн-чик ашлвр болж, хөөтк олн жилмүдин эргцд чинрөн геөжөхш гиж темдглий.

Тадан нөг халхаснь Көгэтин Давд худлыг нуулго идхэд, үнийг мандуулх зөргөр кен үлгүр болсми гихлээ, дэхэд нөг алдр нөр заах кергтэ. Эний А. С. Пушкинэ алдр нерн. Энүнэ тускар тодрхаһар келх санан бээнэ. Юцгад гихлээ эн жил — А. С. Пушкинэ үний болн дурни төлө өмнөсн халцхасн өдлгө "Хар холын көнөлүр ирж" баатр зөрмгөн үзүлж хоргилаһан бэр-бэрлдснэс нааран дигтэ 160 жил давсми. Алдр орс шүлгичин үзүлсн зөрмг, Көгэтин Даван ухаһар, "Жаһһрин" баатрмудын зөрмглө эдл туурмжта йовдл. "Үйнэ төлө түүнэ зүткэлһнь" цагин урсхлд хөөтк үйин улсг үлгүр болж, телнэ уралап ишкдлһнь күч өгсми. Тегэд чигн Пушкин йоста хөөтк, ирчигн өөдөн шавшандын авц-бөрц бөрж, күүнэ сулдхвр, ирчч хөв-кишг дурлж дуулсн дээрөн, терүүнһнь төлө:

Үклэс чигн сүрдж өөхш,
Соцсврч ухаши шимндлһөр бийөн
Саатулж шууд хаалһас хажихш,
Нарн мөг өндр, цевр,
Нерэн альдһн алдж хутахш. —

гиж Көгэтин Дава эврөнһнь шүлгтөн бичнэ. Келхд, хальмг шүлгичин уханд Пушкинэ дүр болн Бумбин орна баатрмудын дүр нөг үндстэ, нөг чинртэ: эдн үний болн сулдхврин төлө, олд өмтнэ хөв-кишгһин төлө эврөнһнь хөв-жирһлэн нерөдсн улс.

Көгэтин Дава Пушкинэ дүриг, үүдөвриг, жирһлин өөдөн чиириг кесг эврөнһнь шүлгтэн, позмдан орулж бичдгин дөки нөг учрһнь — алдр орс шүлгч хальмг улсин тускар кесг үүдөврмүдтөн орулж бичсн. Орс шүлглэнд нарн болгч Пушкинэ нерн, энүнэ зоқъялмуд хальмг улсин туужд, хөв-жирһлд онц чиир зүүсми. Алдр орс шүлгч "теегин иньг хальмгин" периг делкөһөр ики холд, күмни аһуһар нисксми. "Сөөхн теегин иньг хальмг миин нер дуудх, — гиж бичсн эн алтн гератэ үгмүд хальмгудын үрдүдг бахмж, өргмж, уралап зүткх чидл үүдөсми. Кен медхв, киитн Сиврин аһуд зовлцган эдлжасн хальмгудын кесгтнь арни һурви жилин туршарт хальмг гисн үг нөг чигн барт эс оржасн саамд Пушкинэ итгэлтэ үг өмг өгчөснь үйн. Пушкинэ үүдөврмүдин халхст, мөрт, дүүвр шүлүдт хальмгин дүр, гүн ухата тууль, сулдхирт авлгдсн зүрки, өөдөн шавшанд алдр күңклин һарар бичгдж мөцкрсми. Кедү Пушкинэ нерн маңдх, телд хальмгин нерн чигн үитришго. Эврэ цагинһнь межөг һатлж туурсн А. С. Пушкинэ үгмүдиг эндрк өдрт цуг делкө үмшч, энүнэ шилчөр хальмг улсиг меднэ, күндлнэ, энүнэ туужар, билг-эрдмөр соньмсн. Тегэд чигн Пушкиниг нарт-делкөн урн үгин литературт хальмгудыг көтлж орулсн алдр хаалһч гиж нерөдж болхн.

"Алдр орс шүлгичин өргмжтэ үгөр герч авад, йирдөн мадниг тооһарн кесг сай улс гиж телн (Һазадын орлудын улс — А. Д.) сандг бөөдлтэ. Билгин күчн тийм: баһ тоотыг аһу ик чиирт күргд илтвг күш", — гиж хальмг бичөч бахтж келнэ. Эн тоолвр Көгэтин Дава Японя, США-н, Болгарин, Италин нань чигн ори-нуггудын үмшачнрла харһхдһнь үүдсми.

"Алдр, нарт орчлцгар тарж туурсн орс литературин үүдөврмүдин халхст, хальмгин нер түрүн болж сөөхн цаһан санатаһар, күмни сөдкд күрөд тодлгдсн чималтө алтн үгмүдөр бичсн, күмни өмтнэ кеерүлмж нерн маңдасн мана Пушкин хальмг күүнэ зүркид альк насдһнчн эцкр", — гиж Көгэтин Дава Эрөсөн алдр шүлгичин туск "Пушкинэ бумбин өөр" гндг статьядан бичсми. Тернь мел чик. Жирһлиһнь түрүн ишкдлэс авад Пушкинэ туулиг, ахрхн, йиртмжин тускин шүлгүдэс эклн, хөөһин жирһлин хаалһд "түшх алтн тайг" болж йовнэ.

"Жирһлин байрин цагт, зовлц үзгджөх цагт чигн өмтн ухаһан, йовдмудан Пушкинэ цецн ухаһар дөң авч үүлднэ", — гисн ашлврнь хальмг шүлгичин бийһинһнь хөв-жирһлэс, кес-сөөхн болн үйнэ заһаһар күс келж йовх билглэнос иш авч гихлээ, эндү болшго гиж сангдн. Пушкинэ үүдөврмүдиг хальмг келнд

орчулж, дамштан нигтрүлсн тускар шүлгч "Зун жилин туршарт туурси"
гидг шүлгт тодрха кевэр медүлж келж: Пушкинө шүлгүд

...уханамм бульчц өсчөхиг
Би көдлжөһөд байрлж медүв.

Төгөд чигн ухан-багтаварни йилһрсн Көгәтин Даваи шүлгәнд Пушкинө
үүдәлтин, шагшавдин, ке-сөөһниг йилһсн хөләэтин өөдөн кемжөн залмж өгч,
"Бичөчин үүдөвр жирһа хойр билрж салшгон" үлгүр болж уйтсми.

Үүдәлтин хаалһд эн үлгүр чинрән геех биш, нам цааранднь улм герәлтнө.
1988 жил барас һарси "Жирһлин хаалһар" гидг дегтрт Көгәтин Дава, эврә
бийнь насна ик өөдмд күрчкөд, Пушкинө "цөвр хөөртә чөсөжин" дөкнөс
санаандан сергөж, Пушкинд ямаран чигн өрчинь дүүргсн, жиңсн, гилвкнсн
алтн, цаһан мөцн ачлһс уга бөөсн бийнь,

Зуга наснаннь туршт
Зовлц дурн хойрар
Усәдсн сәдклиннь аһуһас
Уха күмн хоршана.
Түүнө нерөр аштнь
Тууж ачлһ кенә, —

гиж бичнө.

"Кемр нанд хамгин дааврта гисн шүүвр дөср шүлгәон гисн юһинь нег
үтәр йилһж келтхә гиж сурхла, би: "Пушкин", — гиж келж чадх биләв. Болв,
кемр, Пушкин гиснь юһинь цааранднь цөөлһтн гиж нанас сурсн болхла,
бөөдлнь, тер сурврт зөрж хөрү өгш уга биләв. Юңгад гихлө, күсәдүдур зун
жилин эргид номтир, умшачир тер сурврт зөрж хөрү өгөтө, цааранднь чигн
зун жилмүдин туршарт хөрү өгх", — гиж Көгәтин Дава цөөлһнө. Эн үтнь
эврә гүн учрта, юңгад гихлө, Пушкинө шүлгәон — мел оһьднд мөцк, олн
улсин бөөдл-жирһлиннь, худжественн үүдәвриннь, урн үгин литературиннь
әмд өмн, терүнө өөдөн, ораһарн теңгрт күрсн уул мет өөдм, герләрин ики
холдк иргчиг асч герәткжөх нарни толь. Тер толь хальмг шүлгчин үнниг
мандуулсн үгиг бас герәтксмн.

Болв "һанцхи үнниг мандуулсн", "харцһуг уга кех", "өөгдснднь омг өгх,
өлсснднь тежәл өгх, даарснднь дула өгх, дажргәснднь сулдхвр өгх, үкл уга
мөцк, үлгүрин үлмәд орх, үни сәдвәр кәтлх үг" мел сансар зүркнд бууж
ирдго. Аһу ик парт-дәлкән чигн, өөр бөөсн эгл күүнө зовлц-зөвүр болн байр
чигн, шүлгч эврә чөсөдөн багтаһад хувацхла, тинм эрүн үндстә үг үүддг мөн.
Эн угаһар үүдөһөчд орчлц өврүлх өөдөн цол, күмни алдр нсрн ирдго.

Көгәтин Дава баһ цаһас авн медж, шүлгчин эрдмиг эрүн, ачта керг-
үүлә өдлцүлж, сурһмж авхасн ичж өөлгө, дәлкән урн-үгин билг-зөөрәс
үгхурәж ууж, шүлгәони бульчңгиг хатурулсми. Зуг үүдәврин гүн ухан-
багтавр, үчр-үгхнь — мел билг-эрдмин дамшлатас биш, Пушкинө чигн
тогтасн заңшалас биш, шүлгчин эврә бийиннь бөөдл-жирһлөс, бийиннь
толһа диинрүлсн ухан-тоолврас, чөөжиг дүүргж бүтәсн санврас. Эврә бийнь
эс үзсн, йилһж эс медсн болхла, эврән зүркндөн интрәж эс авсн болха, заяч
өгсн билг чигн, Пушкинө күңкөн ухан чигн өөдөн татж һарһж чадшго.

Жирһлин адрута хаалһни, орчлңгин жирһа зовлц хойриг Көгәтин Дава
зөрмиг кевәр дассми: Алдр Төрскөн харсгч дән, хар гөрөр түүрмд туслһн, арвн
жилин туршарт норильскин лагерьт муулян эдлһн. Эн саамд шүлгчд юн түшг
болсмб гиж соһьмсхла, ним нег ухалвр санаңд орж ирнө.

Догһн киитн, өлн 1940-ч жилмүдин эргид ямаран зовлц эс үзсн бийнь,
шүлгчин ухан-зүркнд, санаң-сәдкәд зуга нег күсә, нег "нөөлвр": цаг селгөтө,
үниг дәрж, сөңгүлж болшго. Таңлчин, хальмг улсин нерн, келн унтришго.
Һанц эн ицлөр түүрмин догһинг динлж, һашуга саамд бийон бөрж, тем жиң
хойриг төртөн авл уга шүлгәонө эрүн үүдәврт халуурхг зүркөн өгсми.

Норильский 53 градус кинтнд нарта хальмг тег зүүнд орад, чидл немж, шүлг чимхэ урмд өгсми. Түүрмд хамдан туссн В. Густайнис хөөннь тодлврган сергэж, 1989 жилд барас харсн "Гем угаһар" ("Без вины") гидг дегтртөн Көглгин Даван тускар ингж бичжөнө:

"Политическ төрөр түүрмд суусн улсин камерт тусв. Мини ухаһ-тодлврт арврһ толһата хальмг Кутульгинов төөнрж үлд. Зул Сталинэ закрһар төрскн хальмг улсн 1943 жилин бар сард эврәннь һазрасн туугдсн учрар эн күн Улаһ Эөрмин зерглөнөс авгдсми. Кутульгинов Советск Союзин йоста патриот бөөсми, тиим учрар бийиннь туст гемшәлһиг ик һуңдгаһар, зөвүртөһәр даажасми. Тегәд чигн юцгад арви жилд лагерыт суулһгдсан эн медж ялад бөөлө. Сарул гүн ухаһа эн күн Каптын, Шопенгауэрин үүдөврмүдиг медлг билә. Эн зэк шүлгләнд авалгдсн күн билә, һань юн чигн юмниг төртөн авдго, юуңд чигн ярвалдо. һанцһн юмнид эн һуңдрхад билә — цаасн карандаш хойр угад. Эврәннь шүлгөн ухаһдан үүдөж, үүдәсн хөөн дотран кесг дөкж давтад буржиднж бөөдми. Тиинхләри, сөөнәр тодлж авад, хөөннь цаас, карандаш өгхлә, бичж авх санаһарн келж хуваһдмн"

Тиинж 50—60-ч жилмүдт барлгдж һарсн шүлгүд үүдөгдсн болдг. Тегәд чигн сулдхвр ирсн хөөн Инжин Лижд бичсн нег бичгтән 10000 мөр шүлг белл бөөхиг эн келжөнө.

Көглгин Даван тер цагин бичгүд умшхд өвр сонһн. Энүнә седкә үүмүлжөхн — һолгч ухаһ: төрскн һазрин бөөд, таңһчан шинәс босхх, тосхх төр, хальмг келә, хальмг сойлын, урн үгин литературин шин делгрлат, Ар Далаһ көвөһәс хальмг теггүр нисж ирсн бичг болһид Даван күсә боллж седкә мөл тиим: седклин келәсн болсн тег, Элст. "Элст. Элст. Күмни жирһд баһ пасни бахта, герләт келәс деерн уга. Шишлә мини баһ наста өмөрән дуудж, жирһлин амт медүлсн жилмүд Элста давсиг, чи, Лиж, меднөч. Тер учрас Элстин бөөд, тосхлин, жирһл, хая биш, оньдин гиләт ухаһим авла... Баһчүд эврәннь хальмг культур уга арви һурви жилд орс культур (кемр тиим болхла) олзлж өсв. Боһ орсин чигн культур баһар олзлж, хоосн гиләт үлд. Баһчүдыг сонһмсуаһмн. Урдк көвөр биш, шин кев, формар. Шин кев ямр болхинь сөөнәр би үзжәхшив, болв кергтөн лавта. Шин дүңцүлһин, шин үгмүд, шин ауд кергтә" (1957 ж., лу сарин 2).

Цаарандь бичсн бичгтөн Көглгин Дава хальмг урн үгин литератур ум делгртхә гиләд цаг үрөл уга, оһн үүдөврмүдиг орс келнд орчулад, Москван, Ленинградын нертә орс шүлгчирт орчултха гиләд кесг журналмудт, издательствд йовулад, төрскн Таңһчиннь сойл тархагдтха гиж ик чиддән орулсн. Кесг хальмг шүлгчирин үүдөврмүдиг, тер дунд Балакан Алексейин түрүн шүлгүдин подстрочникүд белдөд, орн-нутгин умшачирт медүлсн.

Тер 1956—1957 жилмүдин бичгүдинь ода умшхла, мана урн үгин литератур 50—60 жилмүдт яһж шинәс босж делгрснь тодрхагна.

Үниднә келхлә, 60-ч жилмүдт мана шүлглән Таңһчин межә һатлж, Эросән, цуг делгү орн-нутгин умшачирт күрч, бийдән оньг тусхасна йовдлын эклд эврә ик төвцән орулас бичөчир дунд Көглгин Дава ончта, ик чинртә орм эзлсн болдг. Тернә, негдвар, деер келгдсн орчулһна көдлмшәри, хойрдвар, болхла, түүнәс даву чинртә үүлдврәри — эврә бийиннь үүдәсн зокъямударн. Зөрминь ода оһн улс терүг мартсн гиж, эврә бийән түрүн зергләнд орулж келхөр седв чигн, үнниг нууж болшго. Көглгин Даван 60-ч жилмүдин эргөр үүдөж һарһсн шүлгүд болн поэмс хальмг шүлглән эзлөд уга ик өөдмд, цугөрөсән шүлгөләнлө нег кемжәһәр шалһгд чинрт күргсми, хальмг урн үгин литературин өдгә цагин өсатин болн делгрлатин темдг үзүлсми. Тиим учрар, нам урднә үзгәд уга йовдл учрв. Хальмг шүлгчин хураңу орн-нутгин хамгин өөдән мөрөр ачлгдх үүдөврмүд дунд заагдсми. Боһ, эн саамд орн-нутгин бөөдл хуврж, XX сьездын хөөн ирсн "негдгч дуларһн" төгсөд, политическ "аһар" сольгдад ирв. "Шүлгүд" гидг делгрт

барлагдсн шүлгүдин зөрмөн, тер дуид, "Үинэс би цөкрсн угав" гидг шүлг йос хардгаж улст таасгдхинь берк бөөсмн.

Көглтин Дава эврө түрүн лауреатын мөрө 1967 жилд "Я твой ровесник" гидг дегтрөрн авсмн. Эннй Эрэсэн, М. Горькийин пертө мөрө болдг. Эн мана шүлгүнө ик гидг күцөмж боль. Көглтин Даван үүдөлт эврөннй болвсрлтан, онц чинртө философск гүн ухан-тоолвр шинггөж авсан мана орн-нутгин умшачнрт медүлсмн.

Шин кев-янз, шин дүңцүллн кергтэ гижэсн шүлгч эврө бийнй хамгин түрүнд эн некврнн хаалд орсмн. Энүг Көглтин Даван 60—70-ч жилмүдин "Жирһа болн ухалһн", "Жирһин йозур", "Эмтин сөөхн апрель" нерәллһтө социальн-фиософск дегтрмүд илдкөжөнө. Көглтин Даван арвн хойр мөртө шүлгүд оһн умшачнрин онг бийдөн тусхасмн. Шин дүңцүллн гихлө, хамгин түрүн "күн гисн — нари бөөж" гидг дүңцүлл темдглх кергтө.

Күн гисн орчлгнн, йиртгннн кеермж, сөөг үүдөгч ухаһарн, цутиг диилгч күчтө гиж шүлгч ицнө. Тер ицтән өдгө цагт ик өөдөн чинртө гуманистическ идеалмуд харсх, делгрүлх күслтөһөр мадид күргнө. Якут хальмг хойрин келид "күн" гисн үг — герлтө үг болж харна. Якутск шүлгчин хураңцу умшчаһад Көглтин Дава байрлж "күн" гисн якутар бадрсн "нари бөөсиг" медж авна. Хойр келиө герлтө үг нег йозурга, нег үндстө болж шүлгчд илдкдв. Эн ухан-сананд торлзсн тоолвр йовад йовж, шүлгчин гүн гуманистическ учр-утхд хүврө:

Би филолог эс болвчи
Билгән хойр үгөр шүтөвв,
Тоомсрта хальмг — "күн" үгин
Төрлнө экинй; үгннн хөөвв.
"Күн", — гисн — "нари" бөөж.
Күндлн түүг, "күн" — "нари"

Эн "күн — нари" гидг дүңцүллн "Жирһа болн ухалһн" поэтическ багин һол төриг цутхсмн. Нарни үндстө өдгө цагин күн тер учрар ке-сөөхн шагшавдта, күмид дурта, кү тевчңһү, йиртмжиг сөөни некврөр олзлх эвтө гиж шүлгч тер жилмүдин үүдөвртөн бичнө. Эн лирическ санан-седклөн өмтнд күргж медүлхин төлөд Көглтин Дава докн-докн урн үгин уурха сангиг негжж, үгмүдин, дүрмүдин гүн далаһас утхурдж, шүүһөд, сөөнинй ивтркө ухан-хөлөцөр йиллж, шинэс урни билгәр цугтж, өвөрц чинртө, гүн учр-утхта зокъяламуд үүдөв. Шүлгүдиннй үндсиднй — оһна бөөдл-жирһинн жисөн, туужин илт йовдл, догһн дөөнд бәрсн Диилвр — цуг эн тоот Көглтин Даван үүдөлтин һоллгч төрнй мөн.

Күн эврөннй некврөн хойр эв-арһар ухалж кедгнй темдгтө: наукин логическ, аналитическ ухан-тоолврар болн искусствинн, дурслүгч абстрактн ухан-тоолврар төгөлд орчлггиг шинжлж уха авна. Научн шинжлһһөр кесн неквр сөрвр-шүүврөр болн дамшлар бүрткгдж күңөгднө. Искусствин кев-янзар кесн секвр болхла, ухан-седклөр болн зүрки килэсөр батлгднә. Төгөд шүлгчин ухаһар, делкөг болн күүг медлһнө хойр эв-арһ оньдинд нег ишкдлөр хамдан йовсмн: Гете болн Ньютон, Толстой болн Менделеев, Горький болн Эйнштейн, Курчатов болн Шолохов болн нань чигн. "Антивеществоан күңдиг болн космосин невосомостин гингннй медсн өдгө цагин күүнө ухан-тоолврин тускар би ухалхла, миин урд бөөсн күүнө дүр үзгднө, терүнө ухан-тоолврнй нег ик күчтө прожектор мет ирч зууһад жилмүдиг гератксмн. Цаг гидт, эврөннй мөждөдөн оньдинд күүнө ухан-седклиг тингөрөн күргөд, тер мөждөг гераткскнө хөөн хөрү ирнө биши", — гиж орн-нутгин бичөчнрин доладгч съезд деер Көглтин Дава келсмн. Эн ухан-тоолвр миин тер келх саамд сананд орсн уга, эн кесг жилмүдин туршарт нарт-делкөн, күмни бөөдл-жирһлиг шинжлөд, күмни неквр, научн-техническ делгрллтнй үзөд аһлсн ухан-тоолвр.

Сүүлийн арвад жилүүдийн эргэц Көглтийн Даваан шүлэглэл дээр келгдсн өдгө цагийн научн-техническ неквриг өргнөр ивтрэж авсмн. Тернь шүлгчийн философск ухан-тоолврта ирлцж бөөнө. Иим учр-утхарн Көглтийн Даваан шүлэглэл мана хальмг урн-үгин көрцгд биш, нам ильдн келхлө, цуг орн-нутгин шүлэглөнө өргн аһуд энүнө үүдөлт цуһараһаснь йилһрнө.

"Эврөннь үүдөврмүүдтөн бидн цуг делкөг зоважхх гөнгн биш төрмүд төвж халх зөвтөндн. Эднийн бидн эс төвхлө, бидн юунд чигн күрч чадх угавидн", — гиж шүлгч эврөннь "Шүлгч — цуг күмни туужла цацу" гидг "Вопросы литературы" журнаад 1968 жилин арвдгч тойгин дегтрт барлгдсн статыдан бичсмн. Эн статыдан шүлгч эврөннь философск-эстетическ концепциг иддкөж бичсмн. Тер арви жилин эргэц үүдэсн шүлгүдн болхла, эн концепцид поэтическ бүрдөц гиж келх кертө.

Күн болн цаг, күн болн цагин урсхд энүнө мөцкрат, күн болн үрглж — цуг эн төрмүд хооридан өөрхн залһдж, философск ухан-багтаврт тохрна. Яһж эдн төвгдж халһгдсиг авад хэлэй.

Күн болһн эврөннь насн-жирһдөн урдк үйирин зүркин болн ухани килөсинь, ицинь болн нөөлтинь герөслж авад, эврөннь цагин эркин чииртө кергиг цаарандн күцөж, иргч үйирин хөн-жирһд мөцк йозур, мөцк үндсн болх зөвтө. Тегэд чигн, "күн — туужла цацу", — гидг поэтическ ухан-тоолвр "Жирһ болн ухалһн" гидг шүлгүдин багин шүлгч учр-утхисн нөөрүлж өгнө. Шүлгчин эврө бийиннь эн ухан-тоолвр бас хоосн ормд төрж уга, эн өвкпириннь күцк уханас, хөлөцөс үндслж төрж:

Теегин аһуд, толһан ташуд,

Туульч өвгнлө күүндж суулав..., —

гиж эклсн шүлг Көглтийн Даваан кесг келнд орчулгдж, мана хальмг шүлгчийн хуриц ухаг, билг-эрдмиг иддкөжөх үлгүр болсмн. Энүнө жирһд учрсн нег соһн харһат гүн ухан-тоолвр үүдөж, шүлгчийн үүдөлтин оичта нег неелтин темдг болсн мөн. Үүдөлт жирһлэс эклцөн, үндсөн авхал, ик өөдмд күрдгиг мадид дөкн-докн медүлнө.

Күмни насиг төрсөрнь биш,

Кукн, үксн жилэрнь тоолдмн.

Өмдин насн — туужла цацу,

Эгрснө насн — өмдөс дугу, —

гиж тиим хөрү күцк өвгн — шүлгчийн: "Көгнө, кедүгөвт?" — гисн сурврт өгнө, "теегиннь келж өгсн күцк ухан" болж дорас өсч, босч йовх шин үйин күүнө ухан-чеежд гүн үндстө сана орулна.

"Мини шүлг болһн илт бөөд-жирһд учрсн йовдлас үүдж бичгдсмн. Эн фактыг авад бичхлэри, эн мини ухан-серлд оидарад, нөөрүлгдж, шинөс цугхгдж, талдан бөөд-жирһд үүдөгднө", — гиж Көглтийн Дава дээр келгдсн статыдан бичнө. Жирһлин йозурта шүлгин седк авалч күчнь өснө, идөн нигтрнө. Юцгад гихлө, бөөд-жирһлэс гиснь — мини, чини, кесг уасин бөөд-жирһлэс болж харна. Тиим нег шүлгчийн үзсн илт йовд шүлгин цугхлд шинөс нөөрүлгдж, гүн учр-утхарн художественн фактын чиир зүүсмн, шүлгүднө философск төрийг иддкөж халхд нилчөн күргсмн.

Үлгүринь келхд, "үкль өөрдсиг медсн үзмжгөһөр жирһдөн көдлсн, көгшин эмгн больниид" бөөхиг үзэд, шүлгч энүнө баг седклөр бийн бэржэсиг уха туцнаж ухалад, өөдөн авч дүринь шүлгт буулһна. Эмгнө дүр, зац-барцнь күмни эрүн седкдннь, өөдөн шагнпавдтнь иткүлнө:

Көгшин эмгн больниид
Күүкд, таньатаһан мецдлв.
Һашутаһар мусг гиж
Һарури гейүрж хөлөһөд,

"Көлсөрн хөв белгсн,
Көөрж, хойр харм,
Амрх цагтн ирв", — гиж
Арһуд тер келв.

Жирлиин болн үклин хоорнд бөөх күүнэ эн дүр эврөнш гүн учир-утхта. Күн гисн өгрснэ хөөн хойр нүнд илт үзгддгэн уурч, уга болдв, күмни туужас алдрдв, эс гиж оли улсин санан-седкд кесн кергэри үддэ, үрглжд ордв гисн сурвирг эн шүлг мана ухаңд үүдэж, хэрү олхд нилчэн күргнэ. Көгшн эмгнэ эрүн дүрнн, ухаң-седклин, бат бийөн бэрлшин булг юундвн гихлэ, күч-көлсэри олд хөв белгэсн, олан кишгтэ жирлн делдсн гиж болхмн. Тегэд өөдөн чиирнэ, эрүн шагшандыг угтжах бумб мет үзүлнэ:

"Көдлмнэг батрсн харнь, көнжд дээр цаһав"

Жирлэс ханцлалн күүг дорацулж, ухаң-седклин салврулж үүмүлжэх гихлэ, мел үнн чик тоолврт оршго, зүг оли-эмтнд тус күргснэсн, жирлиин кергиг хамдан күцэж йовх улсасн ханцлалн, элд сө күргх арласн ханцлалн эн көгшөг даву уйдажана гихлэ, чик болхмн гисн ухаң-гоолвр маңд орна. Эн шүлт үзүлгдсн күүкд күүнэ дүр, дөкөд дээрнш "арлнь чилжэхиг, жирлн бөкжэхиг медж, герэсн келжэх авин" дүр күмни өөдөн шагшандыг, зац-бэрдиг, залу-зэргиг үзүлж маңа бат ицл холвна. Эн хойр шүлг эврөнш художествнш бүрдөөри болн чиирэри чигн умшачнрин онгыг бийдэн тусхасмн. Зурачин нэри ширэр зурсн мет маңа нүнд үгэр чимгдсн зург тодрхаһар үзгднэ. Шүлгчин реалистическ билг-эрдм нигтржэхиг, үг сииллн кецү чиирн авч төлжжэхиг эдн темдгнэ.

"Им Рембрандтын нэри утхта ури зургудыг санулдг, эгшлж сөөнөр дүрслсн зург мет үзүлгдсн шүлг оли бөөнэ... Ахрар келхлэ, шүлгчин нүнд үзгдэ, седкднш төөнрж хадлгдсн сөөхн зургари өдгө цагин жирлһүр зөрүлгдсн эврөнш күүкд ухаһари, эцгин күн хэлэхд йирин болж медгдг йовлд, юмнэ йоста чиирэр бэрмтг кеж үзүлж чаддгари ончта", — гиж Көглгин Даван билг-эрдмин тускар 1981 жилд моңһл келид орчулгдэ харсн шүлгүдин хураңһуд төвгдсн нүр үгд шүлгүдиг моңһл келид орчулсн Д. Цэмбл болн дегтрин редакторнш болсн нэргө бичөч Д. Тарва бичсн. Эднэ темдгснш лавта чик.

"Жилмүд хоршасн туужла" онц күмни жирлиин болзгиг дүңцүлхлэ күн болһнд "эмдин цаг орчлд эрн" гисн, жиливтж, үлү үзж "күмни насн-жирлн ахрн мисхлин дүнгэ" гиж санх учр чигн бөөнэ. Болв цецн ухаһар тоолхлэ, эн санл — агчмин зуур жилв болж хархмн.

Орчлгн бөөд медхд,
Олид сө кехд,
Цецн ухаһар тоолхлэ,
Цаг чамд дала;
Ирмх болһна болзг,
Икдүлхлэ — үрглж болдг, —

гиж шүлгч урдк күмни туужиг шинжлж, цагин бат көрсиг теслж секөд, ивтркө хөлөцэр шилтж хөлөһөд ашлна.

Тегэд чигн "үрглж болн үк гисн юмби" — гидг кесг зун жилмүдин туршарт оли үйн билгнрин ухаң-серлиг үүмүлсн философск сурвирмуд Көглгин Давад чигн амр өгшн. Шүлгүдинш кесгнш эн гөцгн биш төриг халхар шүлгч зүткнэ. Шүлгчин ухаһар, ухата болвас кенэ чигн зүркнө чивһс көцдөдг им хурц сурвр өдгө цагин бөөдл-жирлд даву чииртг болв. Юцгад гихлэ, ном-техникин делгрлтин кемжөн урдк цагин кемжөнэс даву өссн, күн атом салһад ик гидг күчиг эврэ хартан авсн. Тер күчн күмнд өлзэтэ хаалх сексн чигн болдг, өөмшгтө, зеткртэ йовлд чигн учрахтан белн. "Шилвксн залар долаж, шингсн очан өсрж, халуу зуушн теегиг харлулж үлдэдг түүмршн өөмшгтө харалла ниилж нөгдсн ширгин" ормд, өдгө цагт "һалвин өөмшгэс даву, атомин чидлэр агрсн аврлт уга бомб" күмни үциг таслхдан белн.

Эндрк делкөд, үүмэтэ, гөцгн биш цагт, күмни насн-жирлиин төр, үлдин хурц ирэр зурсн мет, күн болһна зүркиг түүрчүлнэ.

Төр учрар:

Үкл гисн юмби?
Үкр-мал кевтөһөр
Үкснөннь хөөн күн,
Үзгддгөн уурси учрар,
Мел уга болдни? —

гиж төвсн сурвр мел ки-өңгөр төвгджөх сурвр биш. Өдгө цагин күн болһн эгүнә хөрү некх зөвтө. Күн болһна хөрү нег-негнлөһөн өдл тегш чигн болшо. Шүлгчин тоолвр ямарамб? Эврөннь ухан-тоолврн эн наадк улст күчөр шахж даалһжахш. Учр-утхарн, жирһлин медрләрн болл дамшлтарн өвөрц чинрто шүлгән тиим сурврт иим хөрү өгхн зөвтө: өдгө цагин күмни бөөдл-жирһлиг сурврин нег хөрүд багтаж болшо. Зут урдк, өңгрсн цагин туужар үлгүр авч маднла эврөннь тоолврарн хувацна:

Мини тоолвр талдан:
Орчлдә өмтө тоотас
Ончлгдәж йиллрсн күн
Урдкснннь хаалһ утдулж,
Ухалан теднәс авч,
Улм цааранднь гүүдүлж,

Уралан цагар йовна.
Күн — үкхш. Түүнө
Күсл, керг, үүл,
Дааллвр болж үлмөд,
Дарукст түшг болна.

Шүлгчин күмни туужас иш авсн ухан-хөлөцөр болхла, "күн" гисн өмтө тоотас орчлдә ончлгдәж йиллрнө. Юуһарн гихлө, шүлгч эврөннь философск учр-утхта шүлгүдөрн хөрү өгнө. Күн эврөннь күсләрн, керг-үүләрн цуг күмни керг-үүлдврт мөңкрж үлднө. Тиигчкөд тегөд, урдк үйн улсин хаалһ утдулж, тедно ухан-килөсиг цагин ут урсхулар усгүлж, эднә кесиг, күцәсиг дааллвр гиж авад, улм цааранднь гүүлгж, үрглжин хаалһд орулна гисн эн ухан-тоолвр Көглтин Даван 60—70 жылмүдт бичсн шүлгләнд ончта орман эзлсн.

Мел һанцхц эн ухан-тоолврарн шүлгч эврөннь некврән төгсөхш. Цааранднь авад хөлөхлө, "өмдә бөөсн маңдур өгрснд — уга болдгн тодн йовж цуһар тоолвр, күслән күцәхмн", — гиж шүлгч күүт күца күслдснүрн зөрүлж "эидрк өггдсн өдрән элдү сөөнөр олзлж" жирһтхө гисн ухан-тоолвр, дөкн деернь, күн болһн "үүл, кегдсн кергөрн үрглжин хаалһд орна" гисн гүн санаһар немгдәж ашлгднә. Эн деер келгдсн Михаил Дудинд нерөдгдсн "Ухалһн" гидг шүлгт чигн, "Жирһл болн ухалһн" гидг поэтичск циклин кесг шүлгүдт чигн шиңгрж. Цуг күмни бөөдл-жирһлин туст чигн ухалж маднә эврөннь ухалсн, неесн тоотан күржж келнө:

Күн болһн шишлң эврөннь
Күсл, байр хамган күцж,
Жилмүдин жисәнд, ола үлмөд
Жирһлән жирһж, насан утдулна,

Күүнә жирһл, керг-үүл "будн мет талрж уга болхш" гисн дуңцүллһн шүлгчин ухан-тоолврив улм тодрхаһар, темдгөһөр медүлнө. Арвн хойр мөртө шүлгчин аһуд дүрслһни күчөр, йилһж түүж авсн үгин нилчөр иддкөж шүлгчин санан мана чигн седжл авла:

Цаг давх — цуг бидн
Цасн мет цагт хөөлхвидн.
Намрар идөһөн үлдөж өгрсн

Ноһан мет бидн болхвидн.
Талдан үйир цугимдн сольж,
Таалта оддын хаалһар йовх, —

гиж Көглтин Дава йиртмжин бөөдлөс үлгүрин аш авч, дүрслүлж, күмни болн йиртмжин хоорндк өөрхн залһдә иддкөж бичнө. Болв күмни бөөдл-жилһ йиртмжин бөөдлөс ончлгдәж йиллрнө гисиг цааранднь шүлгчин үүдөврөс медж авнавдн:

Болъ тедн ормимдн эзлхлөрн
Бийсимдн хооран хайхн уга:
Седкл, күсл сөөхн хамгимдн

Судцн, зүркн, ухандан шицг'ох.
Мана үкл болж биш —
Мөцкд жирһлимдн суцһар ирх.

"Күн эврәннь насдан", "Хөөтин хол иргчин күн..." нань чигн кесг арви
хойр мөртө шүлгүдин ухан-багтаврт эн ухан-тоолвр төөнрж үлдж.

"Жирһл болн ухалһн" гидг дегтртән Көгэтин Дава апрель сарин алтрсн
сөөхн теегиг дуулж, төрскн һазртан магтал үүдөсмн. Цаг ирвөс "күн болн
төгөлц йиртмж" гисн гүн төр шүлгчин ухан-седклог улам авлж, шүлгүдиннь
учр-утхинь гүүдүлсмн.

Хавр, йиртмж, хаврин тег, өвкнрин герөслж даалһсн төрскн һазр — цуг
эн тот шүлглөни көрнд эврәннь халхан эзлв. Өргн теегинь өр дулд зогсч,
"энүнө аһар киилж, цецкртсн ирмг харвхларн "теегин үрн" — өдгө цагин
күн, — теегин йиртмжин өгөнч болн сөөхн дүрэрнь үлгүр бийдөн аич, санан-
седкләэрн хоорч, "насарн чилшго" болж медгәлнө.

Тиим ухан-багтавар "Эмгин сөөхн апрель" гидг дегтр умшачнрин оньг
авлсмн. Төрскн тег, теегин хавр, хаврин айта гисн кем — апрель сар күүнө
ухан-седклог яһж байжадгиг тодрха сөөнөр медүлнө. Эврәннь лирическ учр-
утхарн эн дегтр шүлгчин үүдөлтин хаалһд "Жирһл болн ухалһн" гидг
философск шүлгүдин багт немр өгч, үүдөлтин өөдөн девсц темдгәлсмн. Тегәд
чигн эн дегтр СССР-н Государственн мөрөлөр ачлгдсмн.

Хаврин теегин бөөдл чигн, хаврин кемлө цецгөрж, байсчах теегиг үзсн
күүнө бөөдл чигн эн шүлгүдин хурацһуд гүүнөр болн күцц бүрдөцтөһөр
үзүлгдсмн. Төрскн теегиннь хаврин цецкөрәт үзсн күүнө "үүмсн зүркнөс
алдрсн үт нарта соцсхж: "Дуртав таңд" гих дурн төрж седкл байсана:

Медмжөн уга чесжд.
Жирһлин тунсн бугас
Мел цеврлгдсн болж.

Жигтөһөр седкл гиигрнө.
Дүмбр орчлц бийдм
Дурта болж байрлулна.

Лирическ шүлгүдин ухан-багтавр онц күүнө ухан-седкл авлсн, зүркни
килөсн болч төр бийдөн ивтрәж авсн болхла, эн жилмүдт Көгэтин Дава
бичсн поэмс онц нег ик төр халһх некврәр үүдөгдсмн. Эн төр — онц күн болн
цуг оһн, онц күн болн обществ, онц күүнө хүв кишг болн келн-өмгтнө, цуг
делкән хүв-кишг.

Кезәнә алдр орс бичеч Ф. Достоевский бичсмн: нег бичкн уульжах саамд
делкө төвкнүн бөөх зөв уга. Хамгин күцк, гүн ухата, зөвүр хувацх седклтө
бичөчнр кезәд чигн санапр, төвкнүн бөөхш.

Эн төр туулин кев-янзар бичгдсн поэмсд чигн, өдгө иль бөөдлөс үүдсн
поэмсд чигн халһгдсмн. Учр-утхарн, кев-янзарн, гүн ухан-багтаварн "Ухана
буцт" гидг поэм кесг келн-өмгнд таасгдсмн, умшсн күүт кенинь болвчн
санапр зс бөөлһсн. Эн статьядан би шүлгүдиннь тускар невч тодрхаһар
келж, поэмсиг шалж бөөхшив, юнгадгихло, поэмсин тускар келхөр седхәл,
нег статьян кемжөн баһ. Келхвр бөөхм — "Ухана буцт" поэмин герой —
американск обществн күн болхла, "Барнаулын чоңжд болсн алһн" гидг
поэмд келгджөх йовдл мана обществд болсмн. Зуг онц күүнө зовлц тендн
чигн, эндн чигн кецү күнд. Үнн, чик, худл уга, хув-жирһл күсл кежөх бичөч
энүг нуулго үзүлж бөөнө. Тиим зөрмг ухан-хөлөцәрн, үнниг мандлулгч
үүдөврмүдөрн Көгэтин Дава кезәд чигн, кесг арвад жилмүдин туршарт оһн-
өмгтнөнн һал маңнадн йовж, үнн делдгч өөдөн цол зүүж бөөнө, эврө
Тәңчиннь нер туурулжәнө.

Эндр өдр шүлгч жирһлин болн үүлдврин дөкн нег өндриг эзлж, жигтө
хаалһд йовна. Ик өөдөн тенгрт энүнө нертө гилькжөх одн маднд цаарандн
чигн оһна төлө цевр өрүн үнн нексн билгтл "ораһарн оддт күрнө" гисиг
герчлж, оһн улст уралан дуудгч үлгүр болж маңдтха гидж йөрөй.

ЭЛДШЭ Эрднь

КУНДЛЛН

Багш Көглтш Данаг

Ухани билгтлин келсиг
Урмдтаһар би соцснав.
Болв һанцхн неринь
Би күнддг болхий?
Байрхларн —
Хажуднь

Хар сананас, урвлһнас,
Худлас аврич
Харслтын бат шивэд
Бээхэн медж
Байрлһнав.

Александр СОЛОВЬЕВ

Д. Н. КУГУЛЬТИНОВУ

Вам, прожившему десять жизней —
От счастливо-удачливой до
Опрокинутой в черной призме
Бед народных... с рожденья дано

...Вы со мной говорите как физик,
Вы с биологом в спорах равны,
Вам язык математики близок,
Как язык сопредельной страны!

Это свойство орлов и поэтов —
Даже с самой большой высоты,
Различая детали предметов,
Видеть общей картины черты!

Знак высокой культуры поэта —
В постижении земной красоты
Через тонкости разных предметов
Видеть обидих законов черты!*с60Е

Анатолий КАЛИНИН

Давиду Кугультинову

Скажи, Давид, а та пастушка
Тебе не пращуркой была,
Что за своей кибиткой Пушкина
Едва совсем не увлекла?
Иначе, как тебе от гения
Мог передаться этот дар,
Вдруг озаряя ночь забвения

Мгновенной вспышкой,
как пожар,

Чтоб над дорогою возвратной
Твои рыдания сбылись,
И мы с тобой опять как братья
После разлуки обнялись.

”ВО ДНИ ТОРЖЕСТВ И БЕД НАРОДНЫХ...”

Телеграмма. Правительственная

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
ГОРБАЧЕВУ МИХАИЛУ СЕРГЕЕВИЧУ

В минувшую зиму мы потеряли четверть поголовья овец республики тчк Падеж продолжится тчк В самый тяжелый период весны зпт кульминацию падежа зпт когда силосные ямы наполнялись падалью и чабаны плакали в буквальном смысле зпт секретари райкомов метались в поисках машины соломы — первый секретарь Обкома Захаров убыл на три недели Колумбию тчк Конечно зпт не за сеном тчк Народ недоумевал легкомыслию Первого зпт понимая зпт что Колумбия обошлась бы без него зпт а Калмыкия осталась без лидера тчк 20 июля зпт в разгар уборки сенокоса зпт когда столько проблем зпт Первый отбыл на отдых тчк Народ теперь более чем ропщет зпт считая это неуважением к себе и насмешкой над его же громкими словами о перестройке тчк Бюро Обкома полностью скомпрометировавшее себя в предыдущие годы застоя зпт но сохраненное неприкосновенным зпт послушно и угодливо молчит тчк Считаю необходимым отозвать немедленно Захарова с отдыха и заставить работать сейчас тчк Во всех Ваших делах с восхищением и гордостью поддерживающий Вас всей душой

Давид Кугультинов Лауреат Государственных премий СССР и РСФСР Депутат Верховного Совета Калмыкии Народный поэт

31 июля 1987 г. 13 часов.

Уведомление о получении Общим отделом ЦК КПСС 14 ч. 15 м.

Многоуважаемый Михаил Сергеевич!

Нам стало известно, что над выдающимся советским поэтом с мировым именем Давидом Кугультиновым, после того как он обратился с телеграммой в Ваш адрес о положении в его республике, нависла угроза его чести и достоинству.

Обеспокоенные судьбой нашего друга, мы обращаемся к Вам с просьбой оградить лауреата Государственных премий СССР и РСФСР, ветерана партии, войны и труда, десять лет отбывшего в сталинско-бериевских концлагерях, от шельмования, гонения и расправы.

Резниченко (С. Макасов)

Д. Трапезин (В. Трапезин)

Васильев (В. Васильев)

Вознесенский (А. Вознесенский)

Труфанов — (В. Труфанов)

В. Шклярский — (И. Шклярский)

И. Рязанский (И. Рязанский)

С. Макасов (С. Макасов)

С. Зверев (С. Зверев)

А. Сидоров (А. Сидоров)

А. Рязанский — (С. Рязанский)

Б. Бабанов (Б. Бабанов)

А. Давыдов (А. Давыдов)

А. Александров (А. Александров)

В. Васильев
(В. Васильев)

1987 г.

Давид Кугультинов — Михаилу Горбачеву

20 сентября 1989 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР
Т. ГОРБАЧЕВУ М. С.

Многоуважаемый Михаил Сергеевич,

с огромной надеждой обращаюсь к Вам — восстановление поправленной справедливости важнейшее дело перестройки, дело нашей совести, именно нашей с Вами.

Вам хорошо известна судьба калмыцкого народа. В то время, когда народ был уже сослан, многие калмыки, несмотря на то, что невинные их семьи мучились в неволе, продолжали воевать и не просто, а героически, беззаветно храбро. Отечество для них было выше Зла, учиненного по отношению к ним злодеями и они не были так глупы, чтобы вину злодеев относить к Родине.

Суть моего обращения в следующем: в книге "Калмыкия в Великой Отечественной войне. 1941 — 1945 годы. Документы и материалы", на стр. 457—458 напечатан текст наградного листа (ксерокопию прилагаю к письму) на старшего лейтенанта Бадмаева Эренцена Лиджиевича, командира роты, который был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза, за подвиги совершенные после выселения калмыков, на войне с японцами. Реляция подписана:

**ДОСТОИН ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА**

Командир 785 стрелкового Краснознаменного полка
подполковник МЕРКУЛОВ, 30 августа 1945 г.

**ДОСТОИН ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА**

Командир 144 стрелковой Виленской Краснознаменной
ордена Суворова и Кутузова дивизии полковник ЗОРИН,
4 сентября 1945 г.

**ДОСТОИН ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА**

Командир 65 стрелкового Ковенского корпуса
генерал-майор ПЕРЕКРЕСТОВ, 9 сентября 1945 г.

Однако, старшему лейтенанту Бадмаеву Э. Л. звание Героя Советского Союза присвоено не было. В то время Командующий войсками 5 армии, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Крылов, позже, уже после возвращения калмыков из ссылки, посетив Элисту уже Маршалом

Советского Союза, с горечью рассказывал нам о том, что когда наградной лист попал к нему на подпись, представитель органов Берия сказал ему, что калмыков, в силу известных причин, запрещено награждать. И все-таки командующий представил офицера, умиравшего от ран в госпитале, совершив выдающийся подвиг, открывший путь для продвижения 5 армии, к ордену Ленина. Но и в этом ордене ему было отказано. Ему вручили орден Красного Знамени.

Маршал Крылов советовал нам обратиться к Л. Брежневу, с уверенностью, что теперь-то справедливость будет восстановлена. Он обещал поддержать нас.

Наше обращение к Л. И. Брежневу, разумеется, не дошло до адресата, а классическим бюрократическим путем ушло в Министерство обороны и мы получили классическую бюрократическую отписку из Минобороны: "реляция — реализована, подвиг — награжден" Вместо Героя Советского Союза — орден. Таким образом, ответ на наше обращение подтверждал правильность решения сталинско-бериевских вырожденцев — НЕЛЬЗЯ ПРИСВАИВАТЬ ГЕРОЯ КАЛМЫКУ, но ТРИЖДЫ, за не совершенные подвиги ЗВАНИЕ ГЕРОЯ БРЕЖНЕВУ можно.

Уважаемый Михаил Сергеевич, потомки будут благодарны за восстановление справедливости по отношению к истинному Герою, Отечество Вас не забудет.

А подполковник в отставке Бадмаев Э. Л. выжил тогда, жив и сейчас, правда, очень болен.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

У К А З
ПРЕЗИДЕНТА
СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
О присвоении звания
Героя Советского Союза
активным участникам Великой
Отечественной войны 1941—1945 годов

За мужество и героизм, проявленный в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда":

Бадмаеву Эрэнцэну Лиджиевичу — старшему лейтенанту в отставке.

Президент Союза Советских
Социалистических Республик
М. ГОРБАЧЕВ

Москва, Кремль, 5 мая 1990 г.

Уведомление телеграфом Москва Верховный Совет СССР
Народному депутату СССР тов. Кутультинову Д Н =

УВАЖАЕМЫЙ НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР ТОВ КУТУЛЬТИНОВ
Д Н ОБРАЩАЕМСЯ К ВАМ ПОТОМУ ЧТО МЫ НЕ ВЕРИМ В СИЛУ
СЛОВА И ДЕЙСТВЕННОСТИ НАШИХ ДЕПУТАТОВ Т К ОНИ
ИЗБИРАЛИСЬ НЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ПУТЕМ ТЯЖЕЛОЕ ГОРЕ
ОБРУШИВШЕЕСЯ НА НАС ВЫНУЖДАЕТ НАС НА ЭТОТ ШАГ
ТРАГИЧЕСКИЕ АГРЕССИВНЫЕ СОБЫТИЯ ПРОИСШЕДШИЕ В
БАКУ ПОЛИТИКА ШОВИНИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ К
АЗЕРБАЙДЖАНСКОМУ НАРОДУ ВЫЗВАЛИ СПРАВЕДЛИВЫЙ ГНЕВ
ВОЗМУЩЕНИЯ БЕСПОКОЙСТВО ВСЕХ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ
ТЕ КТО ХОТЯТ ЗАДУШИТЬ СВОБОДУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
НАРОДА ИМЕННО ОНИ СТАРАЮТСЯ УНИЧТОЖИТЬ ВЕЛИКИЕ
ЛЕНИНСКИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИДЕИ СТАВЯТ ПРЕГРАДЫ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ В СТРАНЕ НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ
НИКОГДА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЭКСТРЕМИСТСКИМ
ЭКСТРЕМИСТАМИ ЯВЛЯЮТСЯ ТЕ КТО ДАЕТ НЕПРАВИЛЬНУЮ
ОЦЕНКУ ЖЕЛАНИЮ И ВОЛЕ НАРОДА НЕ ХОТЯТ ПОНЯТЬ ЕГО
НУЖД И СТРЕМЛЕНИЙ ВОТ УЖЕ 14 ДНЕЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ
ПОЧТИ НЕ РАБОТАЕТ НИ ОДНО ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ СТОЯТ ЗАВОДЫ ФАБРИКИ А ВЕДЬ
ЭТО ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОВЛИЯЕТ НА РАЗВИТИЕ И ТАК ОЧЕНЬ
ОТСТАЛОЙ ЭКОНОМИКИ НАШЕЙ СТРАНЫ ЖИЗНЬ
РЕСПУБЛИКИ ЗАМЕРЛА С БОЛЬШОЙ НАДЕЖДОЙ ВЗИРАЕМ НА
ВАС ПОТОМУ ЧТО ВЕРИМ В ВАШУ СИЛУ В БОРЬБЕ ЗА РАЗВИТИЕ
ДЕМОКРАТИИ ПРОСИМ ЧТОБЫ ВАШ ГОЛОС ЗА НАШЕ
СПРАВЕДЛИВОЕ ДЕЛО В ЭТИ ОЧЕНЬ ТРУДНЫЕ ДНИ ДЛЯ НАШЕЙ
РЕСПУБЛИКИ ПРОЗВУЧАЛ С ТРИБУНЫ КРЕМЛЕВСКОГО ЗАЛА
ЗАСЕДАНИЯ И ДОШЕЛ ДО СЕРДЕЦ ТЕХ КТО НЕ ДО КОНЦА
ПОНЯЛ НАШУ БЕДУ НЕ ДАЙТЕ СОВЕРШИТЬСЯ И ПОВТОРИТЬСЯ
37-МУ ГОДУ МЫ ПРИСОЕДИНЯЯСЬ К ВОЛЕ СВОЕГО НАРОДА
ПРОСИМ ВАС ОКАЗАТЬ ДЕЙСТВЕННУЮ ПОМОЩЬ В НЕМЕДЛЕН-
НОМ ВЫВОДЕ ИЗ БАКУ И ИЗ ДР РАЙОНОВ АЗЕРБАЙДЖАНА
ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ И ОТМЕНЫ КОМЕНДАНТСКОГО ЧАСА
ОКАЖИТЕ СОДЕЙСТВИЕ В ОСВОБОЖДЕНИИ ЛИДЕРОВ
НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ Э МАМЕДОВА И ДР = КОЛЛЕКТИВ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ НР 16

Г МИНГЕЧАУР АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР =

Уведомление телеграфом Москва Кремль члену Верховного Совета СССР народному депутату Кугультинову =

КОЛЛЕКТИВ КТМС ТРЕСТА АРММЕТАЛЛУРГСТРОЙ ВОСХИЩЕН ВАШЕЙ НЕОТРАЗИМОЙ ЛОГИКОЙ ОЦЕНКОЙ ФАКТОВ И ПРАВИЛЬНЫМИ ВЫВОДАМИ СДЕЛАННЫМИ НА СЕССИЯХ И СЪЕЗДАХ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ВОТ КОМУ СЛЕДОВАЛО БЫТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПАЛАТЫ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ = НАЧАЛЬНИК СААКЯН П =

Дмитрий Язов — Давиду Кугультинову

27 июня 1989 г.
№ 315/4/ 1494

НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ СССР
ТОВ. КУГУЛЬТИНОВУ Д. Н.

Уважаемый Давид Никитич!

Ваше обращение к Председателю Верховного Совета СССР товарищу Горбачеву М. С. с предложением о досрочном увольнении в запас к 1 сентября 1989 г. военнослужащих из числа студентов вузов по поручению рассмотрено в Министерстве обороны СССР.

Вопрос о досрочном увольнении военнослужащих, призванных на действительную военную службу в 1986—1989 гг. в период их обучения в вузах, всесторонне рассматривался ЦК КПСС и Правительством СССР, однако осуществление такой меры было признано невозможным, что и нашло свое отражение в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 марта с. г.

Одной из главных причин отрицательного решения данного вопроса явилось то обстоятельство, что в настоящее время в войсках и на флотах большинство военнослужащих из числа студентов вузов как наиболее грамотные и подготовленные в учебных частях военные специалисты проходят службу на должностях командиров экипажей, расчетов, отделений, занимают должности, определяющие боеспособность воинских подразделений и частей, несущих боевое дежурство, входят в состав экипажей кораблей, находящихся в мировом океане. При одновременном досрочном увольнении воинво-студентов заметно снизилась бы боевая готовность воинских частей и кораблей, да и Вооруженных Сил в целом.

К тому же, как известно, сокращение численности военнослужащих срочной службы в 1989—1990 гг. будет проводиться не за счет досрочного увольнения солдат, матросов, сержантов и старшин, а путем соответствующего уменьшения объемов очередных призывов граждан на действительную военную службу. Только такой подход позволил, уже начиная с текущего года, предоставить отсрочку от призыва студентам всех дневных (очных) вузов страны, но при этом одновременно сохранились трудности в комплектовании Вооруженных Сил СССР молодым пополнением.

Поэтому увольнение военнослужащих из числа студентов вузов будет проводиться по мере выслуги ими сроков службы, установленных Законом СССР "О всеобщей воинской обязанности". При этом указанные военнослужащие осеннего призыва будут увольняться в первую очередь в октябре.

Министр обороны СССР

Д. ЯЗОВ

Дмитрий Язов — Давиду Кугультинову

*13 июля 1989 г.
№ 315/4/1620*

**НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ СССР
товарищу КУГУЛЬТИНОВУ Д. Н.**

Уважаемый Давид Никитич!

В соответствии с решением Верховного Совета СССР Правительством СССР принято решение о досрочном увольнении с военной службы всех студентов.

Министр обороны СССР

Д. ЯЗОВ

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Когда бы, друг, на ум тебе пришло
В рублях исчислить строчки этой
цену,

Какое бы ты не назвал число,
Ошибку ты допустишь несомненно.

Что зря считать? Пойди за мной
вослед,

Не боясь обид и унижений,
Кровавою тропой военных лет
И по тылам — почице всех сражений.

На шкуре — на своей, а не из книг
Узнаешь зло эпохи той постылой,
Стерпи все то, что претерпел

калмык,
Своею собственной питаюсь силой.

Как я промерзши в ледяном аду,
Там полгода ночь стоит глухая,
Снеси весь гнет, всю черную

беду,
Не возопи: "Спасите! Замерзаю!"

Познай всю мерзость голода, какой
Не знал Кнут Гамсун, — той, что
иссушила

Все тело так, что щупаешь рукой
Свой позвоночник — костяное шило.

Когда же снова высшей Правды
свет
Жизнь озарит, ты все ж, не успокоясь
Тем, что сегодня сыт и обогрет,
Как знамя в высоту поднимешь
Совість,

И всенародно, став пред подлецом,
Поклонами не искривляя спину,
Всю правду в наглое швырнешь лицо,
Всю правду-истину, не половицу!

И если совершая этот путь,
Увидев землю сладостной и горькой,
Ты сможешь жизнь голодному
вернуть,
С ним по-братски поделаясь последней
коркой,

Тогда, в свидетели призвав года, —
Да подтвердят, что я не знал
измены! —
Тогда ты только, только лишь тогда
Моей строке дашь истинную цену!

Перевод Ю. НЕЙМАН

ПОЮТ БЕЗДЕТНЫЕ ВДОВЫ ВОЙНЫ

Лишь давнюю песню
Затянут среди тишины
Старухи —
бездетные вдовы
Минувшей войны,
Лишь "Двадцать второго июня..."
Затянут они,

Рассеются звуки —
Останутся слезы одни.

Затмят мирозданье.
Зажмурится небо в золе.
И эхо рыдания
Пойдет кочевать по земле.

Перевод В. ЕРЕМЕНКО

Вас — множество, и вы, меня браня,
Пытаетесь направить ход событий.
Но, слов, каких вы ждете от меня,
Вам не услышать, — чем вы не
грозите!

Не в вашей власти совладать
с душой!
Чем запугать ее сегодня можно?!

Ведь по сравнению с правдою
большой
Все ваши наказания — так ничтожны!

Все ж у меня пока что разум есть,
Чтоб светоч правды не сменять на
малость,
И мужество пока еще осталось,
Чтобы от вас все беды перенести!

Перевод Ю. НЕЙМАН

ИДУ НА СУД

По булыжникам Бийска
Иду, отмеряя шаги.
И утрюмый конвой
Напряженно шагает за мной.

Шаг направо, налево шагок,
Чуть заметный подскок —
Пуля в спину, и точка —
Тебе разъяснили, дружок.

Дескать, ступишь не так —
И слепой не промажет в упор...
А конвойный-то, может, и рад
Передернуть затвор.

Но рискованной мечты не таю —
Я не верю беде.
Я уверен, что правду свою
Докажу на суде.

Бьется сердце в святой тесноте —
Ничего не боюсь!
Убежден я в своей правоте.
Потому тороплюсь!

Будто радостен даже:
Позорную мою печать!
Прав! Да встречным не скажешь,
А хочется миру кричать!

Снизу вверх на других
На свободе глядел я не раз.
Под конвоем на миг
Возведен надо всеми сейчас!

Мысли нет о вине!
Не смущает примета невзгод —
Кто ни встретится мне,
В переулочек пугливо свернет.

Что ж, любому подряд,
Как ни гни, голова дорога.
Жаль вот только, решат,
Что они повстречали врага..

Хоть и юн по летам,
Я окопного лиха хватил.
И под пулями там
Вас, прохожие, я защитил.

Весь ваш будничный труд,
Ваше право на свет и на стих,
И сегодняшний суд,
И неведомых судей своих.

Не стоял в стороне.
Никогда на попятный не шел.
Мысли нет о вине!..
"Десять лет" —
Занесут в протокол.

Перевод В. ЕРЕМЕНКО

ПРАВОТА ХИЖИ

Петр Федорович Хижа,
Украинец,
Знакомый давний мой,
Сосед по нарам,
Был старожил,
За восемнадцать лет
Норильский ад
Смирил и приневолил
В нем все, казалось.
И само страданье.
"Чуть свет пришли.
Невинного забрали, —
Так всякий раз
В рассказе о себе
Он начинал, —
Мой молодой сосед
Глаз положил на жинку.
И на муки
Безвинного меня доносом лживым
обрек".

Он доставал из-под рубахи
На грязной нитке самодельный крест
Из белой жести. И, держа его
Перед собой, молился, повторяя:
"Всемиловивый!
Сокруши неправду",
Немногословный, все перевидавший,
Он веровал.
И это было свято.
И вот пришла желанная минута —
Принес надежду долгожданный день!
Но в нем как будто все перевернулось!
И он в сердцах воскликнул:
"Нету Бога!"
В тот день в начале марта над
Норильском
Холодные лучи немого солнца
И не напоминали о весне.
Нестройную колонну заключенных,
Покрикивая, гнали конвоиры
Во тьме, по снегу, в зону.
Как всегда,
Отставших ожидал удар прикладом,
Но слышалась неясная досада
В ожесточенной брани.
Конвоиры
Сейчас, чуть что, не сдерживали гнева
И били в кровь.
Но странные слезинки

Иные утирали то и дело,
Их скрытный шепот,
Общее смятенье,
Дрожанье век,
Их гнев "Живучи, гады!" —
Все вместе говорило о потере
Единственной.
Единой.
Умер Сталин!
Слепилась мысль, витая над колонной,
И укрепились в каждом:
"Сталин умер..."
А вечером во мраке с верхних нар
Раздался горький возглас:
"Нету Бога!"
Я обернулся:
Свесившись лицом,
Пылающим от гнева, надо мной
Ровесник ада —
Мудрый, тихий Хижа
Шептал во тьме:
"Не перечесть страдальцев,
Воистину не перечесть безвинных,
Кто жертвою погрязшего в крови
Бандита, бессердечного тирана
В глухой неволе пал за эти годы.
Когда б и впрямь над нами был
Господь,
Всемиловивейший и Воздающий,
Скажи, ну разве мог он наделить
Пса, изверга такую легкой смертью?
Ответь! Поведай, где же воздаянье
За наши муки?
Нет его? Ну то-то.
Пусть не навечно,
Не навечно пусть,
Ведь Сталин тоже
Сын Его, как все мы.
Но ради воздаяния за зло,
За это зло,
Хотя б на десять лет,
На десять лет обречь его на муки!
Ну много ли за сгинувший народ
"Червонец", а?
Пусть навзничь, недвижим
Лежал бы он, прикованный к постели,
И сна не знал, и не терял сознания,
Чтоб день и ночь пред ним роились
лица

НОРИЛЬСК, НОРИЛЬСК

Те дни, когда я был здоров и молод,
Ты отнял у меня, унес, унес,
Норильск, Норильск —

неповторимый город!

Меня во сне сжигает твой мороз,
И до сих пор огнем бывших обид
Меня сиянье Севера слепит.

Тебя, где слиты молодость и стужа,
Люблю, — но как люблю? Я знал
семью,

Где не было любви жены и мужа,
Но оба обожали дочь свою...

Норильск, Норильск, скажи мне,
почему

Навек ты дорог сердцу моему?!

Перевод С. ЛИПКИНА

СЧАСТЬЕ И ГОРЕ

Когда, как весник торжества и славы,
Ко мне пришел бы старец белоглавый,
Калмыцкой старой сказки чародей,
И подарил мне счастье всех людей,
Я б это счастье разделил на части,
Всем людям поровну я б роздал
счастье.

Но если б он собрал в один комок
Все, что печально на земном просторе,
Чтоб в сердце у себя вместить я мог
Все наше человеческое горе,
Я б горе вместе с сердцем сжег

доглы,
Чтоб сделалась Вселенная светла!

Перевод С. ЛИПКИНА

Благодари верблюда и коня!
Кошны машины след... Что там под
ним сокрыто?
Увидишь след подковы и копыта....

Верблюдом и конем сквозь тьму веков
пробиты
Пути к работам пылепленного дня...
Благодари верблюда и коня!

Перевод Ю. НЕЙМАН

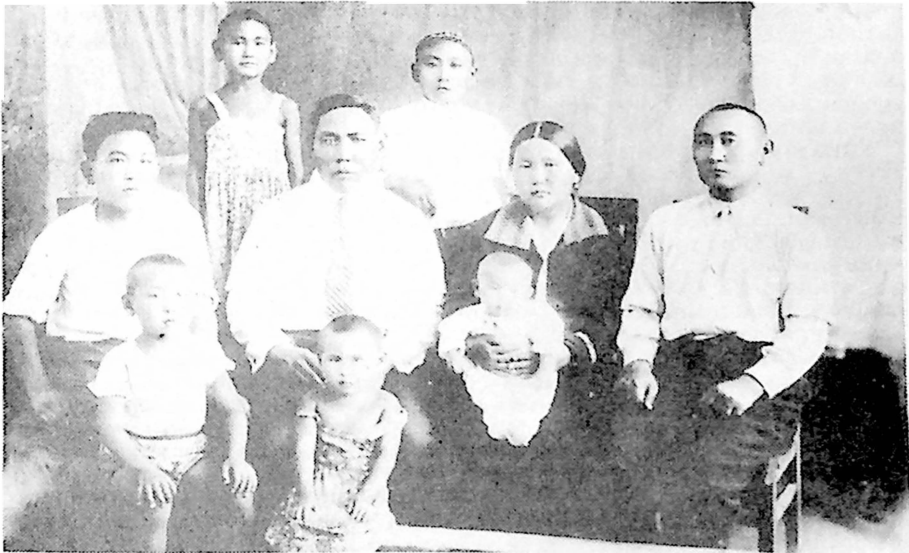
ЖИРЬЛЭС...

Түүхэн тасрха

1.

Зуни ахр сө давад, зүн үзгн теңгүр цегэрэд, кацкисн сенр аһар серүтрхлө, өдрө халуу нариа тольд өгрж цацһсн ноһана унд хөрүлсн киити чиг уив. Сөөһөр шовуд нисдг болхла, теди халыд деегшэн өөдлөд, түүж чөлмөд чилэм дүңгө өөрхнд маңдажасн түми, жува одд медмжөн угаһар билрж гесдрөд, теңгүрүг өнчрүүлж үлдөв.

Амр-таварн нөөрөн авсн зах уга өргн төг аадм экө цагас авн иигж өдр-сөөһөн давулад, өрч деерөн бэрөд асрсн өмтө тоотинһь иргч жирһлд амлсн байринь өгөд, тишинөд, сунад кевтнө. Гентки серд гиж үлэсн сальки өвснө толһа көндөһөд, сенр-сөөхн аһарин киилһн болж медгднө. Өр цөөхиг утгсн шовуд жиргж, үүрмүдөсн байртаһар нисж һарад, цевр серүки аһарт сергөж, нур-һаран уһаһад, өрүн гимнастик кежөх мет, цецкртсн у көндөд элк-нурһарн келврөд, эвтө бичкхн хөөвиңгэ жирвөн телж, өрүни көшүн аһар өрөд, олари деер шуугад, дуулж наадв.

Семья Номтыновых, Кугультинов П. Э., Кугультинов Д. П. г. Воронеж 1936 г.

Сөөннь дуусн кевлһөн кевж тохняд, кевтөртөн кевтсн ахр кәлтә мал босх кем өөрдсиг медсн мет өцдөһөд, толһанан өргж эи-тецдөн нөөрмү бөөдлтөһөр хәлөж, дор ормдан нүүхлзөд, эвишөж сунясн болж медгди.

Халмы таңһчд нер туурсн байн-бөөхтө, кәдлжөх өмтнь эльг, дуту уга жирһлтә, "Октябрин динилвр" совхозин ах бурхгалтер Чакуран Бадмин герин өөр булата бөөх бахн дээр өсрж зогсад, наста бөөдлтә такан ажрһ, кинсж уин гиһөд, хойр талагшан нөөхлж живрөн сажад, тогтнад, хоолан ясад: "Өр цөөжәно!" — гиж ачрхсн цецһсн ут дууһар орчһтг зарлж, урд соңсгдәд уга соньн-жилтө зөңг келжөх бөөдлтөһөр хөөкрв. Тер ду соңссн һалу, нуһсн, така, кәл-живрөн тинилж, хооран татад, таңтр-туитр гиж, боожсн нуужмулмудан дуудж дахулад, бог-шора тиирөд, хотын омш түүһөд, һол темцәд һарв.

Мел эн кемд Чакуран Бадмин ууһн, арвин тавта, эн жил нөөмдгч класст орсн көвүн Эрднь, барун хөврһөсн зүн хөврһүрн эргөд, чирәнһ талваж байрлад, маасхлэж серв. Генткн геедрсн өмгөхн зүүдөн күңцдһ үзхөр нүднөнһ бүркәтә зувкан бөөсн чидлөн һарһж, Эрднь аняд дарв. Болв, анята нүднөнһ өмн, шарлсн нигт герд, үвлин чилгр нарта өдрөр тецгрәс цөөж бүргсн үүрмг тую цасн мет, то уга чиндр тарад цацгдж асв. Зүүдн хөрү ирх биш, нам кесг талдан, хооридан залһдан уга ухан энд-тецдәс эврөн күч өглгө орж ирәд толһаниһ дүүргв. Тер торлзсн оли санан заагас, генткн, нүднөнһ өмн үүдж, хамдан доладгч класс чиләсн, төгрг, хо-цаһан чирәтә, альви, шулуун хурц келтә, Эрднин оньдин дөрвн цага өшөгн Носкова Лидаһ көркхн бөөдә үзгав. Оньдин дөрвн цага өшөгн гиж эн хойрин үүрмүдһ сандг бөөсн. Юңгад гихлә, бичкнәсн авн мел нег-негиләри дөрлдәд, ата буладдәд, Лидан келсиг Эрднь буру гиһөд, Эрднин келсиг Лида буру гиһөд, нег-негәрн наад дөг келәд, доладгч класст күрлә.

Болв доладгч класст орсаниһ хөөн, эдн урдкарн өддөр нег-негөн наадлвчн, негнһ гемтәд школд эс ирхлә, наадкиннь чирә атыһөд, бийнь гейтүрәд, тагчг болад, уха туңһадг билә. Нам, үинь келхлә, доладгч класст орсаниһ хөөн, Эрднь, школасн хәрж ирн дегтрмүдөн умшж, гертән кетхө гисн багшриниһ даалһвр күңөж, наатк жамлж дорхнь улам урмдж сәдкәөн тәвөд, фугбул, дөөв, шатр наадхд урдкарн өдл үлү дала цаг өглгө, үүрмүдтөн үлгүр болж, школин сурһульчинрин сән гисн тооднһ йовла. Учр юундв гихлә — Лида сурчасн классиннь чирөд нерөн һуташгоһар, бийәсн үлүлж кү тәвшгоһар дотран шиидж чирмәж, шунж, нүүрт һарсми.

Уитх кем ирәд, оридан орхларн: "Маңһдур өрүн школдан одад Лидаг үзхүв", — гиж байрлж духуцад унтдг билә. Өрүн эрт босад, адлж, негт күн түвт шулуудлжәх кевтә, хотан үн, цагасн эрт школурын зүткдг бөөсн. Үг авлцсн мет, Эрднь Лида хойр цуһараһаснь эрт школд ирдг болв. Нег дөкж Эрднь ки авад, бийнь тас уга болад, хоолнь өвдөд һурвн хонгт гертәсн һаргә, эмчин закаһар цеерлж орндгасн бослгө кевтхлән, һазә үүд цоксн ө соңсгдв. Акад юмн болхв, мел төрүц учр угаһар, Эрднь, эн үүд цоксн күн лавта Лида болх гиж санһнлань, Эрднин эк Кермн, байрлсн дууһар:

— Чини үүрмүдчн ирж йовна, — гив.

Эрднь дотран: "Биш бөөжлм", — гиж саналдәд, — Лида ю хөөж ирх билә, тер тиигтәон минн сөөхн дурлсн иньг биш", — гиж сани, бийөн тиигж сансан бөрөд "дурлсн иньг" гиж келн, бийәсн эмөһөд чирәнһ улав. Болв, тиигвчн, дотр бийнь һал асад, халу дөрөд, урд үзгдөд уга, медгдөд уга, өмтөхн ик байр толһаниһ диирүлж, жирһлдөн ямр чигн түрү-зүүд зовлц үзөд уга бичкхн зүркинь өвөлхөһинь цокулж догдулав. Тиигжотлһн:

— Гемтсн үр, мена! — гиж, үүд татад, жиңсн цевр дууһарн иһөһөд, саңнаднһ унсн соңсвр уга шарңху отх савг үсөн эвтөхн бичкн һарарн хөрү келәд, Лида орж ирв.

— Лида! — гиж, холас, уульнц һатцас хөөкржөх метөр, Эрднь хөөкрәд,

дор ормасн өндөн, ичэд, аярж арлул, — су, — гиж, бүлэки үстө чирк болн цааснд оралхата эм деернь бөөсн стул зааһад, стул дээр бөөсн юмс терз деер төвөд, сулдхв.

Лида инодгөн уурад, ухарлыг бөөдл һарад, өмөрөн ишклого дор ормдан үүдн хоорнд, ө угаһар урлан көндөж тулгад, башрдж зогсв. Хоюри ду һарлго нег-негнөннн нүд агчмин зуур хэлэвчин, талдан өмтн өдрин дуусн күцөж келж чадшго олн ухан-седклән тер хэлэцэри келж күүдсн болв. Гижгтә күүкнә урлч күцсн, теглг, янзта-кевтө, өрчдөн, кииллһас өрө кәндрсн, бичкхн хойр долда булгулсн мет, цогцинь, цецкр, оньдин байрин герл цацсн, үзсн хамгтан ханлт өргж байссн, алг хойр нүдинь, альмы улан халхднь, инөхлө, һардг таалмжгта хойр хотхринь, өрвжгохн корньһр хамрта Лидан чирәг, Эрднин толһан экн зург цокаг аппарат мет, эн ахр агчмин бийд, тодлж бийдөн шиңгөж авв. Генткн, уха авсн мет, Лида адһж Эрднүр өөрдәә:

— Наталья Александровна чамд умштха гиж эн дегтрмүд өгүллә, — гиж келн, цаг ик бачм бөөдл һарһад, эврәннн ширнн жуллһрад бөөсн хуучн хар портфелән адһн-шидһн уудлад, дегтрмүдин ормд школын тетрадьмудан һарһж Эрднүр татхлань, Эрднн өмнөснн ормаж, нүдэри инөж, хэлэв.

— Ай, биш, биш, — гиж Лида тетрадьмудан хөрү дүрәд, "Бола яһж хатурсм" гидг Островскин бичсн улан һадрта дегтр болн Тютчевин шүлүдин хураңһу өгв.

— Ирсндчн ик гидгәр ханжанав, — гиж оли-өмтн заагт нуувчинөр келжәхшн, шимлдәд гилтг Эрднн Лидад келв.

— Эдг, Эрднн, шулуһар эдг, — гиж бас арлул хөрү өгн, Лида портфелән нам товчлго, өтрлөд һарв.

— Лида, мууха адһж йовхмчй, суужаһад һархичн, нам чи бийчн бас тас уга болсн болвзгоч, чирәчн шачана, — гиж Эрдннн эк Кермн дарук өрөд келснд:

— Уга, нандтн суудг цол уга, Наталья Александровна намаг Эрднн дегтрмүд күртгтә гилә, — болж, гем һарһад, бийән цеврлжәх бөөдлтәһәр өгсн Лидан хөрү Эрднн соңсв.

Эмчин зааврар аршалсн кесг зүсн эмәс Лидан золһһн даву зокаста болв. Тер өдрин бийд Эрдннн хоолнь өвддгнн уурад, асхн шидр гер дотраһур босад йовад бөөв. Асхар ирсн эмч Эрдннн ам аңһалһж, киитн, цаһан, ухрин иш бөөдлтө төмрәр келинь дарад, нүдәи амиднь орулн алдад, ширтж болһамжтаһар хоолинн, хоолиннн күүк хөлөж маасхлад, Эрдннн ээм ташад, Чакуран Бадм, Кермн хойрин чирө харж:

— Баһ насн гидг эи, ангинәс нам шавхр чигн үлдсн уга. Та маанр болхла, яһвчн долан хонгтан кевтх биләвидн, — гиж инөж келв, ут, Буденна мет сахлиннь үзүр имрөд, байсж, — Эдгвидн. Маңһдур көвүндән һадмуд хөөж чаджанат, — болв.

"Һадмуд хөөж чаджанат", — гихлөнн Эрдннн нүднд эңдр ирсн Лидан чирө генткн үзгөд, санаһинн өмтн медчксн мет, ичөд, халхасн авн чикнөннн ашк күртл улав.

— Уй, седкличн би медчкүв-яһув, — гиж улм һош-һош инөж, буурл цаһан үстө, Хальмгнн һазрт ики революцин өмнәс авн кәллжәх, сәәхн цаһан санань хурнясн орад бөөсн чирәһн ил бичәтө Федор Иванович Эрдннн чирө шинжлжәсн бөөдлтәһәр хөлөһөд келв.

— Наадн — наадарн, зүг нөкодүрос эрт шкоддан бичө одтха! Соңсжанч, Эрднн! — гиж эмч, чиндһн цаһан халатан төөлж эвкөд, бичкхн эвтө чөмодандан эвләд дүржөһөд, наадн угаһар келв.

Болв маңһдуртнн Эрднн күч өглго гилтө шкоддан ирхлөнн, сөвгтө шар чиретө, шармгдсн корньһр товч хамрта төлөдөн "Товч" гиж нер авсн Нюра Силангьева коридорт тосад:

— Мейд, Эрднй, хи-хи, — гиж ипон, дотран негл ики гидг, бийёсны талдан кун медго инодто юм борси бөөдлгөхөр өөгүрнй шурд гиж харв.

Эрднй класстан орж ирхлөнй, көвүд-күүкд өмноснй тосж:

— Не, эдгвч, ямаран боюнч? — гиж шуутлдж сурв.

— Гем уга, эдгүв, ки авув, — гиж элдд хөрү өгв, Эрднй үүрмүд заагтнй Лида угаг үзн. Лида классин шуһуд тагчгар дегтр хөлөһөд һанцхарн сууна.

— Лида, мейд! — гиж Эрднй чацһар, байрлсн дууһар келснд, Лида нам төртөн эс авсн бөөдлгөхөр, дегтрөсн толһаһан өрө өргж:

— Мейд болго, яах билөч, — гиж муусхлэи, хөрү өгхлөнй, түүнө үүрин күүкд инөлдв.

— Һанцхи бийинчи биш, ухананчи мейд би суржалав, — гиж урдк кевөрн шог-һаад келөд Эрднй келн, дарунь, эврөннй шоган дегд модьрутиннй бийнй медөд, дотран бийөн шөөдөд, болв деегәһөр эврөннй үүрин көвүдлө һамдан "ха-ха" гиж инөв. Дотр бийнй урсад, Лида харм болад, уульх дурнй күрөд, Эрднй агчмд атысн Лидаһур өөрдөд, асхрж унсн шариху жөөлн үсгө өкөр толһаһинй илөд: "Сөөхн иньг минн, гемим тәвич", — гиж сурх жөөлн цаһан саһанан сөдкөдөн дарад, Лидаг эс үзсн бөөдл һарһв.

Тиигжәтл көвүд-күүкд эи-геиц "пиш" хәһрәд дора инәснй сонсгдв. "Учрнй юн болхв?" — гиж бийөн көлөсн ани өрч күртлэн болһаж шиһлж хөлөһөд, арднй, һаадад, көвүд бичөтө цаас һаачкси болзго гиләд, һурһан илж юм олло, Эрднй шуд өмөрөн хөлөн, школын гилгр хар доск деер тодрхарар: "Лида+Эрднй" гиж бичөтәг үзн, дотран агчминн зуур байрлв. Болв эи бичг Лидаг ичөснй сани, уурлад, чирөнй улаһад, эгзиснй чацн дууһар, үгин үзг болһиғ салһад гилтә:

— Кен бичв? — гиж цуһарһаһас эргәд сурв.

— Кен бичсинь чи тиигтәлн меджөхшиһч? — гиж хөврһөс Эрднин үр Бальжр, партын ца чирөһөн тетрадыр хахлж чичрәд, дун угаһар ишәжәсн Сөрснө Санж тал хөлөж келв. Эрднй түүнүр өөрдөд, шүртәһәр ээмәснй татад, чирөһүрнй шуд хөлөж:

— Чи бичвчи? — гиж игзәрлж сурв.

— Амарн кел, зуг һаран айстнй дурцдан бичө тәвөд бә. Чамла һаадж болшго чи юн нойһвч? — гиж дор ормдан хавтаһад ик гидгөр өөвчи, зөргтө бөөдлгөхөр өмнәснй хөөкрж Санж хөрү өгв. Эрднй ду һарлго өрчөснй авад зууһырд, суужасн ормаснй сөңглж босһад, барун нудрман бий талан татад, дорас деегшәи, киизигәр, барун талькинй төрлөд чигн гиж йовхләнй, көвүд бөрөд зогсав. Церд болж цөөсн чирәтө Санж, серл орсн кевтө: "Цокжана, салһтн!" — гиж чышкхлөнй, цуһар элкон авад инөлдв. Төнкисн Эрднй бас тәднәд һамдан инөв.

Эндрк зүүднй, өсөд, сурһулян чилөһөд, Лидага хоюрн һар-һаран бөрлдсн, нег ик балһснә уульнцар йовж йовад, морожн хулдж авад, тоожасн болж өрв. Тегөд чигн эи өмгөхн зүүдөн күцөж үзхәр, Эрднй бөөсн чилдөн һарһад, нүдөн аһыв. Болв, "өцкддүр асхн би унгжәһад, өрлө сер гиж биндөн жаллав" гисн саһан күцц сергөд уга Эрднин толһад торлзад орв. Дарунь, өцкддүр һарн суухин өмн, Чикад һолын тагт дорас өт малтж аһад, замгта, чиигтө хар шаһр долдалж, дотрнй көңдөләд, нүк кеж, өтөр дүүргәд, хойр, альһн дүңгә, темәнә чикн гидг урһмлын хамтхасар тер моһлцг долда шавран ораһад, герүрн авч ирж оркси орман санив.

Һаза хөөкрси тахан ажрһин дун, өцкддүр Бальжр Ваня хойрла: "Мацһдур эрт өрлө, һурвулн өмнк боодт оч залс бөрхмн", — гиж күүндсн шиһдвр сәнулад, Эрднй геигки үүрмүдинй чирөд андһаран урвси мет ичөд бултжәхшиңг, көдднй хурад моһлцгрси нимгн цаһан простыниг татад, толһаһан бүркөд хучв. "Өрүн цоһин хөөн йовхмн бөөж", — гиж ар ухаһар сәһад, иһөөртөн дилгәдәд, духуцад "аак һамаг цагтм серүдсн уга", — гиж тәднд келхәр шиһдәд, эрг-дүрг гилөд, медмжон угаһар жөөлн ур һарси һөөрин бүлөкн

самл үснү цуг бийэрн бүлхэд одси кемлө, "тук-тук", гиж сагар терз цокси ө сонсгдв. Эрднй нөөртөн болвчи, "теди" гиж будиһгрсн серлэр санад, теди кенинь бийнчн ода сөөнөр медлго, бийөн хээси эмгнөс бешин ард зүүндөн буютси болв.

Эрдннн эк Керми унтж кевтси наадксан серүлшгоһар, болһаж, сагар, негт чальчг һатлж йовх метөр, көлинь үзүрэр ишкж терзүр өөрдж хөлөһөд, Бальжр Ваня хойриг үзөд, теднэ унтж кевтси үүрүрнй өөрдөд, арһулһнар простиһниг тагад шовтлв. Көвүнөннй өрин өмтөхн иөөринь хармиж, суһад унтси үрэн толһаһаснь авн көл күртлнй таалси экин хөлөцөр хөлөһөд, байрлж зогсад "Көөркү, залу болад бөөжл", — гиж мишөж санв. Тиигжөһөд мусг гиж инөһөд, Эрдннн тавгарнь маажад һожһнв. Эрднй көлөн такилһж, бөгчиж, чирөһөн арһилһв. Керми толһа бийднй һарад, хойр талькинй эңкрлж илөд, Эрдннн серүлв:

— Эрднй, бос, үүрмүдчн дууджана!

— А, юмб? — гиж Эрднй өңдөж сууһад нүдөн нухж арчв.

— Бальжр Ваня хойр чамаг дууджана.

— А-а, — гиж Эрднй орндгасн өсрж бууһад, терзүр өөрдөд, — арһулһжатн!

— гиж келн, — аак, мади өмнн боодгт залс бэрххэр шиидловди, — гив.

— Не, йовтн, йовтн, зуг тер буфетәс нег һурвн зүсм өдмг авад йов, цаачн өгцгө үснү өцкдүр цокси тосн бөөх, нааж ав, үүрмүдчн хот авч һархан бас мартси, — гиж келн, Керми бийнй, эврэн буфет секөд, тос, һахан өөк, өдмг газетд ораһад, дөкөд нег юм мартси бөөд һарад, санад зогсжаһад, сул шил лиһтр сав авад, агданас буль-буль гилһж дүүргөд чигө кев.

— Тиигглон долан хонгт мади йовжәхш, юн ним дала хот белдөд бөөнөт, — гиж, киһлгиннй товч товчжаһад, Эрднй эқдөн келв.

— Өрүн хот уулго йовжәх һурвн залу нежөһөд зүсм һуйр яһад дала бол билө. Халуид хоолтн агһшх. Эи шилтө чигө авад йов.

Эрднй экиннй цуглулси хот сүвдөд, һазаран авч һарн, дарунь инөһөд, хөрү орж ирв.

— Аак, Ваня Бальжр хойрт бас һурваһад күүнө хот экирнй өгцжөж, автн эңгүтөн, — гиж стол деер оралһата хотан тәвчкөд, адһад һазаран һарв.

Һурвн үүрин көвүн, эсм деерөн тәвси һахулян нег һарарн бөрсн, наадк һартан сул, залс тәвх суули авси, негт оли жилд үзлциг бөөчкөд, гөнткн харһси мет, кесг зөңг нег-негндөн келж, нег-негнн күци келүлгө, талдан тер эқлж, өмнн боодг ордг жим хаалһар бур-бур гиләд цовдлад һарв. Зөвэр удан йовад орксна хөөн Эрднй өмнөн доһлж йовси Бальжрас:

— Колчн яһв? — гиж сурв.

— Моидс һарчәх бөөдлтө, — гиж хөрү эрглго Бальжр келв.

Эрднн ард йовси Ваня:

— Тер моидсинчн толһань ямаран? Сүүрнй жәһшнну? — болж сурв.

— Уга.

— Не, тиклө терчн моидс. Хатгь бөлвзго гиж өөжөлөв, — болад, Ваня тагчгрв. Көвүдин өмн боодгин негт өндр хулси көкрж үзгдв.

2.

Үүрмүд залсчлхар цугларж бедртл, зүн үзгин ирмгин цаһас улавр һарна сүүр өңдөж, түрүн эврәннй толян хотхрт бөөси совхоз деегүр һатц хаяд, барун эргин зо деер өңдөж зогссн толһан орад бууһад, негт алтн һал шову суулиси болж медгдв. Тер шовунь нег орман удан суулго, толһан ташуһар дорагһан гүүж бууһад, өгрлж, хаалһднй харһси ноһана бүчрин үзүрт, хөөлси цаһан мөңгншнц гилвксн чийгин өмш түүһөд, чөлмж ууһад, хагсав. Төгөлңгд аһар сөгөрөд, өрүно цөңкр теңгүр, негт һазр деерәс өөдон үлөһөд, көрсинь нүдид бөргдшго деегшөн дуһу һарһад телчксн мет өндртөд, нимгрси болж медгдв.

Сөөннь дуусн бишлхэл келһэд кевтж, зүркнднь энкр туһлмудан санад гейүржэх, делцгднь хурад чингдсн үсэри теңдә бөөрсн ам дуаллж асрхар седсн үкрмүдин мөөрлһн, эздүдтөн эврөннь кергтөһөн медүлхэр, айстан хот эс иджэхөн үзүлхөр, учрта, учр утаһар цеңиңж яңгшад хуцсн нохасин хулдһн, хашаһас усаһар һарһсн мөрлһн ишцхэлһн, орчлһгд дөкөд нег шин, оһн күмһн туужин нег агчм болх, эхлсн өдрлө мөндлс дун — дүп болж соңгсгдһа.

“Октябрин динавр” совхоз бүрдәд арвн жил болв. Эн цагин хоорнд мел нег чигн гер уга хоосн кедө теетг бүкл шин селән босв. Шавр саһаһар кесн, модн ноолта, энтөһн цаһан гермүд уульциһн хойр талаһар дараһарн зогсж, дуңдаһарн, арвасн ацмударн сүүдәр хайсн, цовлдад, нег-негөн күңхэр седөд көөлдж наадсн модд гүүлгв. Час хооранд, энд-теңд нежәд-хошадар цоонград, салькн утад шуд өөдөн бахн болад зүгксн нигт көк уган ода цут гермүдин өөрк зуухмудас көк теңгр күңж, түүнә цеңкрләннь ниилж, бас тиим сәэхн болхар деегшөн зулв.

Үкрән саһаһд төвчксн күүкд улс өрүп цөөһөн чаһж, өңдг-мах шаарж, өөрнэ эргжәсн бичкдүдт аладг-боорцгасн бөрүлв.

Нарн, бәрәнәс алдрсн мет, өтрлж өөдөн лөвшөд, гермүдин барун бийд нигт хар сүүдәр үһавчн, өрүнә аһар одачн сөөһин үлмәһәс һарад уга, зекүп, серүкн, чийгин үпртө билә.

Хөңкр-хүңкр гисн суулһ, хөөсн-шаһин шууган, нохасин хуцлһн, ар боодгт серж, кемжән, диг-даран утаһар “ваг-ваг” гиж хөөкрлдсн мекләсин хүрм, энд-теңд соңгсдсн бичкн нилх күүкднн цөкрлтөн утаһар чишксн уульһн, — гер дотрк бүтүһәс зулж, — өндр теңгрөр хучлһ кеж, өргн теегәр ширдг кеж, сагһрсн нигт бетк булта оваһар дер кеж, аһарин ууд унтж дасн хальмгин хуучн авъясин чидд авгдад, — һазә, гериннь өөр унтсн өмт серүлв. Теңд ширдг, улав, көңжл, дерөн, үрдүдөрн дем авад, хомад теврж герүр зөөж орулцхав.

Чакуран Бадмин гергн Кермн сав арчдг альчурар бәрдг келһэд, цөөтө хөөс чикнөсн авч герт орулад, цаһан алюминиһ кастриольд кеж, стол деер төвөд, тослад, самрв.

— Самр, самр, будан болвзго, — гиж чирөһөн арчжасн Чакуран Бадм инәж гергндөн келв.

— Будан болдгннь хө биз, зут цөөтн самрхла, лавта жөөдрнөл, — гиж келәд, амсхар шаңһдан цә авад амндан күргн, урлан бирчилһөд, ормаһад, төгөлцгдөн, “юн болж одв?” — гисн кевтө хөлөн:

— Кен эн цө давслв? — болад, Кермн сурв.

Ууһн көвүнөннь дарук Поля күүкн цаадк өрөһәс һарч ирәд:

— Чамаг баажанур одсн ард би, цө бусласна дарунь, давсинь төвчклов, — гиж келв.

— Давслтха гиж чамас кен сурв? Би давслкклам! — гиж шүрүлкөд Кермн уурлв.

— Зерц давслсн биш — ю хөөж уурлнач, — гиж гергндөн келн, Бадм шаңһ авад һазаран һарв.

Кермн Поля хойр гем һарһсн улс болад, ду һарлго, кастриольта цө хөлөһөд, столн өөр тагчг зогсв. Бадм һазадк зуухас шаңһ дүүргсн улан цог авч ирәд, шиингүләд цөөд дүрөд, тач авад, дөкөд нег дүрөд, унтрсн цогиг секәтө терзәр һарһад шивн, чочад:

— Хөлөлчн, — гиж өөмшсн бөөдлтөһөр Кермнүр хөлөж келв.

— Юн болж одв? — гиж Кермн терзүр өөрдн, чирәннь цөөһөд, дор ормдан менрөд зогсв. Поля гүүж ирәд, бас терзәр шаһан, хөөкрн гихләннь, Бадм аминь бәрәд зогсачкв.

— Бичө чоча! — гиж закв.

Бадмин отхн көвүп, тавн наста Санл, чирәннь талваж маасхлзсн, икл гидг байрта, хорта охтр бор моһа күзүнөсн бичкхн нудрмдан атхсн герүр өөрдж

аашна. Нарнд моһа хачрарн гилвкж, алдрхар зүткэд матыг-готыг гийһэд, хойр зүн мет шовһр бүлүрөн аагарнь салһж деегшөн келиһэд, Саһлын һарт күрн алдад йовна. Санл ишөж, барун нударман чаңһар атхж, зүн һариннь хумха хурһарн моһаһур заңһж:

— Алдршгоч! Алдршгоч! — гиж күүндэд йовна.

Саһлин ах Эрднь эврәннь үүрмүдтөлһөн хамдан, өөрхидк ар һол Чикалда одад өөмхлэрн, зөрмдөн, бичкн дүүһән дахулдг билэ. Санл Эрдниг даххдан йир дурта болдмн. Эрднь эдүг дахулахларн, эврәннь дурар буш, экиннь үт төвчөд, ацан болвчн, авад һарнд. Һолин көвөд ирчкөд, Санл хувцан төөлгө, икчүдиг хөлөһөд суужаһад, бод-бод гиж киилгән төөлөд, эвкж эвинь олад төнөд, охтр шалвран деернь оркад, салкнд бичө киистхө гийһэд, чолуһар дарчкад, һолин көвөн хөр сөөрһлд, бүлөн ботьхагта уснд орад, балычгт көлврөд көвгдмн. Арһта болхла, икчүдиг дураһад гүүнүрнь чигн эн орх билэ, зүг Эрднь, кемр эрвжгө цааран ишкөд орксн цаглань, һолин дүндас нударман үзүлд хөөкрөд оркдмн.

Санл икчүдиг дурахдан йир дурта билэ. Нег дөкж эцктөлһөн ирж өөмөд, эцкнь яһж хувиан төвдгиг үзчкөд, бийнь бас тиигдг болв. Чикалд һолд усна шар толһата моһас дегд элвг. Шар толһата моһаг күн нам төртөн авдмн биш. Зүг Эрднин үүрин көвүд, уг, бөдүн шар толһата моһа үзлэрн, түүт көөж бэрөд, хойр очинь тоңһргар керчж, арсинь, толһаһаснь авн сүл күртлән бүтүһөр шулад мөлтлж авад, нарнд хагсаһад, бүсмүд көж, күүкд заагт өвртө улс болж көвгдмн. Шар толһата моһас көөһөд бөржөсн Эрднин үрс үүрмүдиг Саһл хойр-һурв үзлэ. Тегөд эн эндр өрүн, экин цө бусаһжатл, экиннь өөр эргжөһөд, нег сөөхн чигн гидг, живртөн хар бурчг эрвөтө ик улан эрвөкө үзн, ардаснь көөлдөд һарла. Эрвөкө тедүкнд нисөд суучкад, Саһл өөрдхлэ, босад, талдан һазрур нисөд, һоһана бүчрин үзүрт сууһад йовв. Санл эрвөкөһөс нүдән авлго арднь орад көөлдв. Эрвөкө бас нег бүчрин үзүрт суучкад, наадад, дөөглсн мет, Санлур хөлөсн болв.

— Ода би чамаг бөрчкнөв! Ода би чамаг бөрчкнөв! Зүг чи ормасн бичө бос. Нанд чамла өдл живр утал, — гиж эрвөкөлө күүндэд түүнүр өөрдж йовхлань, генткн һоһан шус гиж көңдрөд, эрвөкө хамаран ниссн үзгдлгө, уга болад одв. Саһл өтрлж гүүж ирн, тедүкнд бөөх керсн талагшан зулж йовсн бичкн охтр бор моһа үзн, байрлад:

— Чамаг чигн бөрчкнөв, эрвөкө үргөдг кишва! — гийһэд, ардаснь көөж күцөд, ахиннь үүрмүд дураһад, толһаһиннь төвлж көлөрн ишкн, һазрла наалдулад, бахлуласнь һарарн атхж авад, герткстөн үзүлхэр авад аашиснь тер.

Һартан охтр бор, хорта моһа атхсн үрөн үзн, Бадм Кермн хойр, өөмшж үүмөд, яахан медж чадлго бөөв. Бадм, түрүн авгтан бийнь бас хөөкрн гивчн, Санл чочад, бөржөсн моһаһан алдчкхла — моһа көвүг хатхчкхнь лавта гиж агчмин зуур санад, Полян ам бөрснь тер.

Терзин өөр зөгсжасн эврөхсөн үзн, Саһл улм марзаһад:

— Хөлөлтн! — гиж моһата барун һаран деегшөн өргв.

— О, мана Саһл йосн баатр, альков, нударман улм атхлчн! — болад, күчөр инөһөд, көвүһөн өөтрүлж Кермн терзөр келв. Саһл моһаг бөөсн чиддөн һарһад атхв. Санлин эцк адһж, зууран сиинцөс күрз авн, тосад һазаран гүүхөрн һарв.

— Йосн баатр, йосн баатр, альков хүүрүлжөһөд шивөд оркчн, ямаран холд тусдгинь хөлөй! — гиж экин дөкөд дөгөж хөөкрв. — Зүг улм-улм-улм чаңһар атх!

Санл барун һарарн хүүрүлжөһөд, шивөд орксн моһа нег арвн меестрт одж тусад, тоорм һарһж көлврөд, тогтнж ишкрөд, толһаһан өргөд, шөвг мет бүлүрөн шовалһж хөврсн метөр жолвкулад, Саһл талагшан дөврв. Саһл инөһөд өмнөснь мадв. Болв Бадм хурдлж өөрдөд, моһаг күрзэри чавчад хойр

өңг кесн бийнь, хойр өңгүрчкөд чиги маты-лоты гыхлөш, толһанинь өскөлһөрн ишкөд, дор ормдан эргөд, бияжыв. Санл, эцкни бүсинь үрөчксийг үзөд, ик гидгөр һундад, бирд төвөд уульв.

Керми өдрин дуусн нурһан тинилһго хө кирһсн күүншиг, эн хойр-һурвн минутин зуур көшөд, ода ээмшг өңгүрсинь үзи, цуг бийнь генткн салдаһад, цогцнь төвгөд, киисн алдад, шовтрад, дор ормдан мәәмрөд суув. Бадм Санлиг дахулаж орж ирөд, һаринь савицгад уһан бөөж:

— Эи көвү хөлөжөтн гиж би келү дөкж таңд келләв! — гиж аглад, уурлаж гергн күүкн хойрури хөөкрв. — Ор һаңцхн бичкн көвү хөлөж эс чадх юн улсвт!

— Революц болад хөрн һурвн жил болсна хөөн күүкд улсур хөөкрөд бөөх та юн күмбт? — гиж иһөж келөд, секөтө үүдөр, сү доран мошката зузан цаас бөрсн, совхозин школин багш Наталья Александровна һазһас орж ирв.

— Мендт, ода күргл өрүнө цөөһөн ууһад угавт?

— Мендт, мендт, ийр эн өдр му йорталар эклав, — гиж Бадм һаран өгв.

— Өрүнө, орһасн бослһилатн, ик хар мис хаалһитн керчвү, — гиж урдкарн шоглад, Наталья Александровна келв.

— Наадһго! Негдвөр, маһахс цөөһөн хойр давтад давсаж, хойрдвар... — гиж Бадм яһж Санл хорта бор моһа бөрснө тускар келж өгв.

Наталья Александровна инөдгөн уурад, болһаж Санлуур хөлөһөд:

— Наарлчн! — гиж луув.

Санл эс сонссн бөөдлөһөр, барун көлиннь үзүрөр, цаг давһнас көлтө дегд хагсад, модһас алдрж әрвжгө шармгдсн полин шар шириг хучлад тагчг, уха тунһасн бөөдлөһөр, һазр шаһаһад зогсв. Санлын ухаһар, икчүд — акад улс. Эһүнө тоолжах тоолырнь иим: "Ода минн бәрж авад төвлөг чаңһар атхсн моһан арсинь, паап эврәннн гүдөр үзсн бийнь, үрөһөд измг-зәзмг келөд, чавжж-чавжж орксн деерн, нам һанас көлтө, аак Поля хойриг шоодв. Аак Поля хойриг шоодсид гем уга. Намаг теңд орхнь кесг үлүһөр шоодна. Зүг ода Поля намаг һаңцхараһим бәрж авад, уха сүрһсн болж, кесг үт келөд, сүүлөрнь, зуһудсн бөөдлөһөр:

— Дөкж тиим йовдл һарһнч, угай? — гиж, бичкхн көвү мет, толһаним илж келх. А би өцкдүр хойр ик улан тоосх чолу нег һазртнь өргсиг меджәхмн уга. Би тагчг зогсхув. Поля, тиклә, би келсинь эс медж гиж саңад, урдкаси үлүһөр, бурж-бурж, дөкәд:

— Не, ода тиим йовдл һарһхийч? — гиж инәмсж, һаран цагтнь эс уһасн мууг цөөлһкксн күн болад, давтад сурх. Би, Поляд үзүлһго, мусг гиж дора инөчкәд:

— Не, би һазаран һарнав, — гихүв.

— Арһулд, дөкәд тиим йовдл һарһхшив гичкәд, дуридан наад, — гих.

Би тиикләнь бас невчк тагчг зогсжаһад:

— Чини сурсичн келә, чи ю һанд өгнөч? — гиж хөрү Поляһас сурхув. — Хойр лист цевр цаас өгнч?

— Өгнөв.

— Не, болжана, дөкж тиим йовдл кезөчн һарһшгов, — гиж Поляд ик гидг ач күргсн болж аштиһ келүв..."

— Санл, наарлчн, — болад, Наталья Александровна дөкн давтад, тагчгар уха тунһасн көвү дуудв.

— Чамаг шокдә орхлачн сүрһх багшчн наар гижәһөлм, өөрд! — болад, эһнь заксн бөөдлөһөр келв. Санл толһаһан өргж Наталья Александровна тал хөлөһөд, барун һариннь эрксн хумс хазад, башрдсн бөөдлөһөр мошкрж, арһул өөрдв.

— Минь ода моһа бөржөсн хурһан күн амидан авдв! Фу, төтө! — гиж жигшсн бөөдлөһөр Бадм келв.

— Чи һарим савицгад уһачкәләмч, — болж, эцкүрн хөлөж Санл хөрү өгв.

Кермн кастрюльта цөөнөс амсж үзчкөд, Полянуүр гилс хөлөлөд, мусг инэлэд, бас амстха гиж аалднь нег ухр цэ кев.

— Санл, тер чини борсн моһачн хортанинь меддвч? Тер моһачн хатхад орксна хөөн, хатхсн ормаснь авн эклж көөһөд, хавдад, цуг цогцчн өвдх, — гиж Наталья Александровна цөөлхлөнъ:

— "Манж-авһла" эдлий? — гиж Санл сурв.

— Нам даву. Чи "Манж-авһ" үзачи? — болад, багш сурв.

— Нанд Эрднь үзүлөд, Манж-авһ көл зуучкхла — күн көл уга үлдөд, модн көлтө бөлдмн гиж келәд. Манж-авһас өмтн цуһар өөһө. Манж-авһ икорн иим, — гиж Санл нүдрман үзүлв, — бависн нооста, нурһн деернь иим хар татасн бөөнө, — гиж һаран сольвж бәрөд Санл үзүлв.

— Не болж, болж, — гиж Санлд келәд, эцкнь Наталья Александровна тал хөлөв. — Мана күүптн эклөд келхләрн, зогсдмн биш. — Зуг Санл болж өглог, Наталья Александровнаһас:

— Моһа кү хатхдг болхла, Эрднь, Бальжр, Ваня юмсиг юңгад эс хатхиа? — болж сурв.

— Тедичн охтр бор моһа биш, усна шар толһата моһа бәрнөлм, — гисн хәрү соңсв.

— Усна шар толһата моһа бәрж болжану? — гиж Санл мөшкв.

— Уга, терчн ик туста моһа, безг тархадг бөкүн-батхн хорадмн, бас нег цагт Жаңһрт ик тусан күргснн, — гиж Наталья Александровна келхлөнъ, Санлин нүдн икдөд, чикнь утдсн болад одв. Санл тууль болхла, хот уулго чигн, өдр-сө уга соңсхд зөв болх көвүн. Эк-эцк хойриннь меддг туульмуд чилснә хөөн, герт ирсн улсас тууль сурад-салвчад, же гиж алдмн. Наталья Александровна Санл хойр күүнджөх зуур, Кермн, өрән барун өмн шуһуд бөөх, Элстөс Бадм авч ирсн, шухтнсн шин клеенкар бүркөтө стол деер, хальмг агч аалс төвөд, тааван кев орсн цаһан һуйр утлв.

— Паап, яһад та цөөһин давсинь авчквт, ода би амссн, нам давснь тату болж медгднә, — гиж арвн хойргта Поля сурв.

— Арһулдчн, — болад, Поляг зогсаж, Бадм Наталья Александровнас. Не, газетт белн болу' — гиж сурв. Бадм совхозин эрсин газетин редакцд билә. Ах редактрнь — Наталья Александровна. Совхозин эрсин газет долан хонгт нег, воскресень болһнар, бичгдж, шин бәрсн улан тоосх чолун клубин өөр, шишлц газет өлгтхө гиж кегдсн ормд өлгтдг билә. Оньдн цагтнь һардг учрас, амрһһна өдрлө гертөһ бөүдг улс оларн клубин өөр цуглрж: "Не, эндр кенә элк мана Чикалд һолин крокодил ярад оркв?" — гиж инәлдж, соньмсад умшцахдмн. Үһинь келхлө, көлддг өмтнөс невчк бурута килнцтө тоотнь, саак газетд орад, өмтнд наадн-инәдн болвзгов гиж, гергдөн, эс гиж үрлүдөн: "Альков, клубур одад, тер эрсин газет хөлөлөд ирлчн", — гиж илгәһөд, тедн хәрү ирхинь жиг-жиг күлөж, эврәннь нерн эс орсиг соңсхларн байрлад, элкон илж таварлжаһад, цевр нөөрин хувцан өмсж авад, өмтн хуржах клуб орад һарцахдмн...

НОВЫЙ УСПЕХ КАЛМЫЦКОЙ ПОЭЗИИ

28 сентября 1963 года состоялось обсуждение поэмы Д. Н. Кугультинова "Сар-Герел", организованное редакцией газеты "Хальмг үш" и правлением Союза писателей Калмыкии. В обсуждении приняли участие писатели, журналисты, научные сотрудники — всего 27 человек.

Поэма, прочитанная автором, никого не оставила равнодушным, а выступления участников обсуждения интересны, несомненно, и сегодня.

Приводим краткую протокольную запись обсуждения, ставшего заметным событием в литературной жизни того времени.

Писатель Хасыр Сян-Белгин —

Мое мнение о поэме отрицательное. Я буду говорить откровенно то, что думаю. Я всегда такой и этим наживаю себе врагов. Вы это все знаете. Новая поэма Кугультинова — это пустой набор слов, в ней можно найти куски из разных стихов других авторов, отрывки из калмыцких легенд и сказок. Я считаю потерянным для себя то время, которое я потратил здесь, слушая чтение этой поэмы. Она не интересна и для взрослых, и для детей. Здесь мне больше делать нечего и я ухожу. (Уходит).

Д. Кугультинов с Санджи Каляевым. Элиста, 1959 г.

Писатель Санджи Каляев, доцент кафедры калмыцкого языка и литературы —

То, что сказал Сян-Белгин, — это не обсуждение поэмы, которую зачитал нам здесь Кугультинов. Это очередная выходка Сян-Белгина и при этом недопустимая и нетерпимая в среде писателей.

Сегодняшний день, когда мы слушали новую поэму Кугультинова, я без преувеличения считаю значительным днем советской калмыцкой поэзии. Прежде всего меня радует язык поэмы — настоящий народный, фольклорный язык. Это большое достижение поэта и новый успех калмыцкой поэзии. Содержание поэмы, основной ее смысл — жертва любовью во имя общего блага народа — перекликается с героическими делами современной нашей молодежи. В этом ее воспитательное значение, она зовет молодежь на подвиги во имя Родины, во имя народа. Поэма содержательна и написана талантливо, в ней есть места, чарующие языком, песенной формой стиха. Читатели встретят ее хорошо, будут читать с интересом. В этом я уверен. Лично я изменил бы концовку поэмы.

Писатель Алексей Балакаев —

Общественное обсуждение таких значительных произведений, как поэма "Сар-Герел", до опубликования их, явление хорошее и надо это приветствовать. Новая поэма Кугультинова, которую мы только что прослушали в чтении автора, захватывает своим высоким, благородным содержанием, запоминающимся языком. Это — замечательная поэма. Герел жертвует любовью для своего народа, во имя спасения его от беды. Тема героической жертвы личным счастьем во имя высокой цели — автором разработана талантливо, в поэме много стихов высокохудожественных, перекликающихся с фольклорной народной поэзией. Поэма найдет живой отклик у читателей.

Выступление Сян-Белгина, по-моему, нельзя принимать во внимание. Это просто брюзжание.

Научная сотрудница института повышения квалификации учителей Босхомджи Дельденова —

Новое произведение Кугультинова можно назвать поэмой-сказкой. По своему содержанию и форме — это высокохудожественное произведение, оградное явление в калмыцкой советской поэзии. Особенно хорош язык поэмы. Она будет приятна любому читателю. Поэма будет иметь для молодежи немалое воспитательное и познавательное значение. От одного чтения трудно глубоко осмыслить все значение нового произведения, но впечатление остается самое хорошее. Поэму надо напечатать полностью в газете "Хальмг үни" и в альманахе "Теегин герл". Это особенно важно для учителей калмыцкого языка и литературы в наших школах.

Журналист Овше Кукенов —

Поэму надо было размножить и раздать участникам настоящего обсуждения. Это помогло бы лучше разобраться в достоинствах и недостатках нового произведения Кугультинова. Поэма написана мастерски. Это неоспоримо. Жертва любовью, пусть даже ради высокой цели, тема не новая в литературе. Разумеется, каждый автор разрабатывает ее по-своему, подходит к решению ее индивидуально, вкладывает что-то свое. Не поддежат сомнению талантливость, художественность поэмы "Сар-Герел". И на мой взгляд, так надо писать о насущных делах республики, о замечательных

людях, выросших в нашей степи за годы советской власти. Между прочим, эта тема ждет все еще талантливых авторов.

Старший научный сотрудник НИИ истории, языка и литературы Дорджи Павлов, кандидат филологических наук —

Я присоединяюсь к высказанному мнению писателя Балакаева о том, что такое общественное обсуждение крупных произведений писателей до опубликования имеет серьезное значение. Повысит ответственность писателей, поможет оградить читателей от плохих произведений, что имеет все еще у нас место.

Может быть, от одного прослушивания суть поэмы полностью и не понять. Но смысла и содержание поэмы глубоки. При чтении это дойдет до каждого читателя. Отрешение от любви ради своего народа, во имя спасения его от неминуемой гибели — стержень поэмы — художественно показано автором во всех главах. О языке поэмы говорили здесь. У меня осталось отрадное впечатление от сочности, народности языка нового произведения Кугультинова.

Можно поспорить о том, что поступок Герел не только жертва любовью, но и преклонение перед солнцем, что во вторую главу надо включить полет на лулу и т. д., но все это не умаляет достоинства поэмы, творческий успех автора. Поэма "Сар-Герел" — цельное, большое произведение. Думаю, что она найдет много читателей, вызовет доброжелательные отклики.

Писатель Константин Эрендженев —

Я решительно осуждаю выступление Сян-Белгина, который охаял здесь новую поэму "Сар-Герел". Ни одного доказательства он не привел в подтверждение своих высокопарных слов: "Это набор пустых слов". Такое пустое заявление — это безответственность. Возьмите его выходку: уход с обсуждения, не выслушав мнения других. И это ведь не первый случай. Сян-Белгин подряд чуть ли не всех старых писателей оскорбляет на любом совещании и так просто в беседах. Поведение его в последнее время становится нетерпимым. Правлению Союза писателей следует выяснить — какова цель такого поведения Сян-Белгина.

О новой поэме Кугультинова здесь говорили положительно. Я присоединяюсь к ним. Поэма написана художественным, поэтическим языком. Это ее большое достоинство. Она будет читаться с увлечением, молодые писатели найдут в ней немало полезного для своего творчества, использования богатств фольклорного языка.

Научный сотрудник НИИ языка, литературы и истории

Михаил Джимгиров, кандидат филологических наук —

Я слушал поэму с большим интересом, она захватывает своим содержанием и поэтичностью языка. Мне приходилось изучать калмыцкий народный фольклор. И то, что новая поэма Кугультинова написана близким языком к фольклору, меня радует. Это новый успех калмыцкой поэзии. В поэму удачно включена народная сказка "О комаре и ласточке". От этого она только выигрывает.

Конечно, не скажешь, что эта поэма на конкретную тему современности, но ее идея, отказ от скучного счастья во имя народа, его благополучия, идея исполнения своего патриотического долга — близка и дорога нам. В этом плане она переключается с современностью, молодежь наша поймет эту мысль автора и я уверен, полюбит героиню поэмы.

Писатель Лиджи Инджиев —

Самопожертвование любовью для спасения своего народа есть исполнение высокого гражданского долга — так я понял смысл поэмы. Поступок Герел поэтому оправдан, поэтичен. По традиции героизм нашей советской молодежи — разве не переканкается с этим? Поэма начинается посвящением первой в мире советской женщине-космонавтке Валентине Терешковой. И это не случайно, ибо идея поэмы близка нашим героиням-современницам. В этом воспитательное значение поэмы.

Обсуждение на этом было закончено. Писатель Кугультинов поблагодарил присутствующих за высказанные ими суждения о поэме, ответил на вопросы, интересующие их.

Участниками обсуждения было высказано единодушное мнение о том, чтобы поэма "Сар-Герел" была напечатана в газете "Хальмг үнн" и в альманахе "Теегин герл"

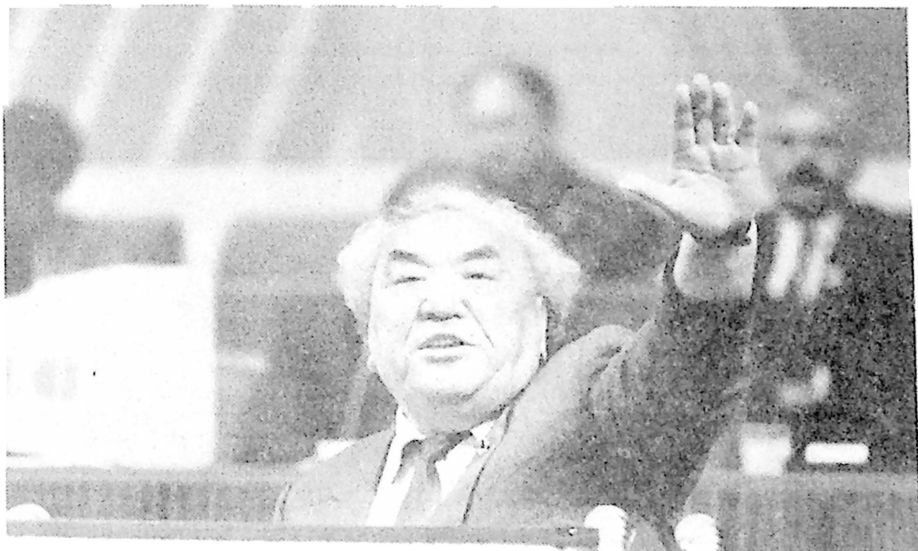
Заместитель редактора газеты
"Хальмг үнн"

Б. САНГАДЖИЕВ

Член правления Союза писателей
Калмыцкой АССР,
главный редактор альманаха
"Теегин герл"

С. КАЛЯЕВ

28. IX. 63 г., Элиста

"Дружба Народов" — Давиду Кугультинову

МСК 709/12 Москвы 709/62
43 21 1625

Элиста Комсомольский пер
29 Давиду Кугультинову

=Дорогой Давид первых номерах Дружбы Народов собираемся печатать твою поэму переводе Пеньковского тчк хочется чтобы ты прислал краткую вступительную заметку материале положенном в основу поэмы по-русски название поэмы зпт настоятельно просим подумать новом названии = приветом Смеяков —

"Новый Мир" — Давиду Кугультинову

Москвы 111129/8 30 10 1620

Элиста Комсомольский пер 29
Кугультинову

= Редколлегия Нового Мира поручила обратиться вам просьбой прислать ближайшие номера свое слово Шолохове = 3-7 машинописных страниц убедительно просим откликнуться уважением = заводделом критики Литвинов —

Давид КУГУЛЬТИНОВ

В сорок четвертом, в августе, когда
На Западе пылали города,
Лишенный звания, родины, жилья
В Новосибирске оказался я, —
Из уст калмыков сосланных, впервой,
Узнал я, что народ рассеян мой
По всей Сибири. И на стройке тут
Две девушки знакомые живут.
Я отыскал, как указали мне,
Строительство. И, стоя в стороне,
Стремясь своих знакомых увидеть,
Смотрел, как колесит девичья рать.
По запыленным доскам в гулкий дом
Они катили тачки с кирпичом,
Пошатываясь, плечи опустив.
Я в каждой с болью замечал надрыв.
Отцы и братья пали за страну.
Иные в муках сгнули в плену.

Ушла зима. Достигнув торжества,
Весна опять земле явила милость.
И степь, тучнее, травами покрылась.
Она жива, по-прежнему жива!

А травы слиты с яркой синевой,
И я вдыхаю дня великолепье.
Моя душа легко парит над степью.
Я здесь рожден. Я здесь навеки свой.

Бейте, люди, пестрых волков!
В дни, когда опустели хотоны,
О хозяевах истступленно
Выли псы калмыцкой земли,
Одичали, в стены ушли...

Бейте, люди, пестрых волков!

А дочери без прав, хоть и без пут,
Под шутки пленных немцев спину
гнут.
С утра до ночи молча строят клеть,
Чтоб малышей в семье обуть-одеть.
Вот комендант — жестокий рыжий
тать
Глядит им вслед, привыкший
выбирать.
А вечером, на то он царь и бог,
Трудам их с бранью подведет итог.
И умиротворится, справедлив,
Одну из них в дверях остановив...
Кому черед сегодня стыд испить?
Бессилен беззащитных защитить,
Нащупываю пистолет опять
И улыбаюсь, чтоб не зарыдать.

Перевод В. ЕРЕМЕНКО

И мнится мне: как небо, как трава,
Судьбою приобщен к земному чуду,
Всегда, во всем существовать я буду.
Была бы только степь моя жива.

Была бы только степь моя жива!..

Перевод Я. ХЕЛЕМСКОГО

Не боятся огня и слова
И не терпят духа людского
Почитавшие нас, как богов,
Твари, одичавшие снова,
Порождения времени злого...

Бейте, люди, пестрых волков!

Перевод Ю. НЕЙМАН

Когда разумный человек,
Кривлякам и глупцам в угоду,
Кичится на глазах у всех
Достоинством своей породы
И чистотой своих кровей
(Всем тем, что ценно — у коней!),

Мне представляется на миг,
Что этого он сам достиг,
Что подвиг совершил высокий,
Что проявил он удалство,
Разведав, где и от кого
Родиться... И в какие сроки.

Перевод Ю. НЕЙМАН

Дружище, выслушай меня,
Поэта, жившего под стражею:
Живи, других не бременя,
Не становись ничьей поклажею.

Поклажу сбросить норовит,
Цена движение вольготное.

Весь опыт жизни говорит:
Порой и выючное животное

В себе лишь силы находя,
Бог в помощь путнику усердному!
Надеясь на себя, иди
По времени немилосердному!

Перевод И. ЛИСНЯНСКОЙ

Цветок в горшочке на окне,
Звезда в небесной вышине,
Меня чаруя красотой,

* * *

Соединенные во мне,
Беседуют между собой.

Перевод И. ЛИСНЯНСКОЙ

На облик ненаглядный
Смотрю со стороны
И вчитываюсь жадно
В черты, что так нежны.

И все теперь излишне:
Все — мысли, время, стих.

О том, что Вы в начале
Знавали боль обид,
Ваш лоб, чуть-чуть печальный,
Свидетельство хранит.

Ту красоту, что скрыта
В природе от людей,
Втянули Вы магнитом
Всей доброты своей.

О некоей горькой тайне
Морщинки говорят,
Но ясен необычайно
Пронзающий Ваш взгляд.

Все в мире осияла
Любви моей заря,
Теперь мне ясно стало,
Что было все не зря.

А губы!.. Эти губы,
Что лепесткам сродни!
Всего, что лживо, грубо
Чуждаются они...

Что жизни опыт строгий,
Что трудных лет гряда —
Лишь часть одной дороги,
Что к Вам вела всегда.

Вот Вы из тени вышли
В сиянье чар своих,

Что начат издалече
Двойной ваш путь земной,
Что Вы еще до встречи
Мерцали надо мной

Лучами золотыми
Сквозь сумрак, сквозь туман...

...Я прячу Ваше имя,
Как счастья талисман.

Перевод Ю. НЕЙМАН

"Люблю его!" — она сказала вслух.
И в ужасе собрание онемело.
"Он враг народа", — буркнул бывший
ДРУГ
И тотчас взгляд погупил оробелый.
Так прост и дерзок был ее ответ:
"И все-таки его честнее нет!"

И трудно было сердцу и уму:
Давалась ей, как Галилею, смелость,
Она любила вопреки всему,
Как вопреки всему Земля вертелась...

Перевод Ю. НЕЙМАН

Когда в прекрасных ласковых глазах
Я встретил луч желанный пониманья
Чужой судьбы и чувство состраданья
К обиженным, кто принужден
впотьмах
Блуждать вдали от солнечного света,
Когда я осознал, что обогреты
Лучами милосердных ваших глаз
Все те, кто так нуждается в тепле,
Меж тем, как вы идете по земле,
Как бы прося прощенья, сгдыясь,
Что шумным праздникам любви и
дружбы
На радуетесь так, как было б нужно,
Поскольку вы душой — в чужой
беде, —

Тогда-то стало мне понятно — где,
В каких истоках нежности и ласки
Художник гениальный черпал краски,
Когда решился ангела писать
И стал в искусстве божеству под
стать

И я благословляю этот миг,
Когда ваш добрый взор в меня
проник

И озарил сознанья глубину,
И радуясь удаче, неудаче,
Я прозреваю. И судьбе незрячей
Прощаю неразумную вину.

Перевод Ю. НЕЙМАН

Сыграет умный
Роль глушца
Уверенно и до конца.

Но мудрого,
Пусть и грубей,
Глупец — не сможет, хоть убей!

Перевод В. ЕРЕМЕНКО

ГОГОЛЬ В ПАРКЕ САКИ

Курортный парк. Тенистый пруд...
Я вас припомнил снова,
И снова, кажется, всплывут
Видения былого.

Скрипичный заглушая звук,
Лягушек пели хоры.
Под этот звук вступали в круг
Курортные танцоры.

Каштаны свечками цвели
В тот вечер в парке Саки,
Звенела музыка вдали
И таяла во мраке.

Вилась людская череда
Во всем многообразье:
Все те, что прибыли сюда
Лечиться местной грязью...

Теперь мы землю самую хороним,
От звезд и солнца прячем навсегда.

И это блок! Всего один лишь блок,
Внезапно выйдя из повиновенья,
Сорвал незримой силой за мповешья
С земной коры земли цветущей клоки!

"А если... — мысли яростный
ожог —
Планета станет общей Хиросимой?!"
Тревоги пламень жжет неугасимый,
Рассудок болью повергая в шок.

И что тогда?
Для погребенья где
Рыть котлован безжизненной
планете?

Ужель стратеги держат на примете
Такое место где-то на звезде?

Вселенная безмерно велика,
Ей все вместить, вобрать в себя под
силу...
Но горсть земли, как принято, в
могилу

На Землю-мать
чья высыплет рука?

Что ждет людей?
Мучительно ответ
Ищу, ищу в реальности суровой...
Пусть вспыхнет разум
вспышкой сверхновой
Звезды,
Земле дарящий жизнь и свет!

Перевод В. СТРЕЛКОВА

БАЛЛАДА ИСТРЕБИТЕЛЯ ТЬМЫ

Ночная даль чернеет без конца,
Нет у нее ни формы, ни лица.

Свет желтых фар машины на лету
Захватывает с хода темноту,

Неумолимо движется вперед
И рвет пространство ненасытный
рот.

Перед машиной беспокойный мрак,
Отодвигаясь, пытаются как рак.

Бежит от ослепительных лучей
Хозяин тайной темноты ночей

И властным жестом волосатых рук
Как бы преграду воздвигает вдруг.

Глаза глядят, сомкнуться не спеша,
И начинает ликовать душа.

Надеждой ожидания и тревог
Там впереди дороги поперек.

И тешится сознание в груди
Свободой незнания впереди.

И вместо фар — горят мои глаза.
И вместо ног — четыре колеса.

И тьмы неубывающая даль,
Как прошлого великая печаль.

И с темнотою непроглядной Зло
Уже на все пространство напозло,

С которым я не примирюсь вовек,
Я — истребляю тьму. Я — Человек.

Я — устремленный к завтрашнему
дню
Свою мечту и сам себя гоню,

Быстрее стрелы лечу через ковыль,
Из-под колес отбрасывая пыль.

Путем орла в небесной вышине,
Холодной рябью на морской волне,

Порывом ветра — через камыши,
Через пустыню мира и души,

Клыки оскалив, волком — на бегу
Вгрызаюсь в горло своему врагу,

Куски отхватывая на лету,
Заглатываю эту темноту.

Я торопилась, уничтожая Зло,
Что вместе с тьмотою к нам пришло.

Я радуюсь. И сам себя гоню
Навстречу наступающему дню.

Растет мой разум, мысли не тая,
Премудростью земною бытия.

Тьмы истребитель — так я наречен
Историей народов и времен.

И мысль моя открыта и чиста.
И в эту мысль приходит: "— Элиста!"

И возникает вдруг передо мной
В сиянье света мой очаг родной,

Как будто я его судьбе в ответ
Принес ему животворящий свет,

Во сне дорожном темный негатив
Извечной жизни жадно проглотив.

Грядущему и прошлому вослед
Кричу я, улыбаясь: "— Здравствуй,
свет!"

Перевод М. ДУДИНА

ГЕНИЯМ ПРОШЛОГО

О гении минувшего!
Не мне
Тягаться с вами живописной силой!
Такое мне и в мысль не приходило.
Где мне до вас?!

Недавно в тишине
Я просмотрел труды свои, постиг
Масштаб, предел возможностей
моих.

Да, несравнимо наше мастерство!..
Но здесь не место самоунижению!
Пусть я — не гений!..

Но чего-чего
Не навидался я на протяжении
Моих шестидесяти трудных лет!..

Ведь если это все извлечь на свет
И, следуя лишь истине единой,
Вновь оживить картину за картиной,
Насыщенную свыше всяких мер, —
То — не гневись, божественный

Гомер! —
Сраженья Илиады, гибель Трои
Покажутся ребяческой игрою.

Когда я кобальт и другой металл
В промерзлом Заполярье добывал,
Когда в Норильске, зеком, строя
зданья,
На побережье океана дрог

И лишь ладонью заслониться мог
От ледовитого его дыхания, —
Тогда — о Достоевский! — ваш острог

Казался мне — в мерзлящем том
тумане —
Не самым страшным местом на земле:
Зимою все же были вы в тепле!

Пусть мне в искусстве далеко до вас,
Могучие!..

Но в жизни я не раз
На плечи поднимал такую тяжесть,
Что, может, и атланту невподым,
И вот черобким голосом своим
На равных с вами говорить отважусь!

Бессмертными созданиями светясь,
Вы на земле остались и сейчас,
Но все ж по опыту вы были дети,
И я, живущий на земле пока,
Я старше вас не то что на века,
А, может быть, и на тысячелетья!

Пусть был ваш век и сложен,
и велик, —
Вы космоса не знали грозный лик,
Вам судьбы наши невообразимы:
Фашистское вас не касалось зло,
И ум, и сердце вам не обожгло
Проклятье огненное Хиросимы.

Ту боль, ту радость, что открылись
мне,

Вы не видели даже и во сне.
Из вымысла вы создавали слово,
А я... я недостатку мастерства
Тщусь возместить, пока душа жива,
Переизбытками пережитого.

Перевод Ю. НЕЙМАН

Давиду Кугультинову

К тебе в хотон преображенный
Судьба суровая пришла —
Тебя с надеждой непреклонной
Сквозь пламя жизни повела.

Ты с нею шел сквозь гул военный,
Пером наращивал свой штык, -
Ты пред лицом врагов презренных
Быть в форме мужества привык.

Когда ж явился суд неправый
И честь твою перечеркнул,
Погладил ты степные травы
И гордо за судьбой шагнул.

Вот от чего седины плещут
В твоих измученных висках...
Есть непрощаемые вещи,
О них не умолчат в веках!..

Моя судьба другой дорогой
Меня по жизни проведет,
Возможно, счастья будет много,
А может быть, беда найдет.

Но там, где мыслью прикоснусь я
К твоей несдавшейся судьбе,
От счастья тихо улыбнусь я
И сердцем потянусь к тебе.

*Поздравляю Вас с Днем Победы над фашизмом Германии.
Ваш читатель Николай САМОЙЛЕНКО*

с. Дивное, 4. 05. 70 г.

Поэт Кугультинов, чье имя Давид,
Похоже, уж очень красивый на вид.
Прекрасен и ликом, красавец душой.
Одно очевидно: Он — мастер
большой.

Иным я представить его не могу —
Пред строк красотой теперь я в
долгу —

Какое звучанье и эхо стиха!
Прочел — и как будто ушел от греха,
Души очищенье нашла я в строках,
Которые льются, звенят, как река.
Они так естественны, словно выросли
С цветами, травойю. Они — из земли.

Вобрали ту силу, что в плен вас
берет,
Тревожит и манит, зовет вас
вперед —
К земле, что калмыцкою степью зовут,
Где нежной весной тольпаны цветут,
Где воздух хрустальный, полынь и
чабрец,
От запахов пряных вы пьяны вконец!
Я степь не видала, но, строки прочтя,
Уже не могу жить, поэта не чтя.
Так силу таланта всю проявив,
Останется в сердце красивый Давид.

*С огромным уважением читательница
Ольга СМЕРНОВА, Ростов-на-Дону*

Приветствую Вас, Давид Никитович!

Прежде всего — разрешите поздравить Вас с присуждением высокой награды — Государственной премии. Я смотрела в программе "Время" как Вы получали награду и мне очень понравилось Ваше слово после награждения и, конечно, прежде всего то, как Вы сказали о калмыцком народе.

Вот в связи с этим мне и хотелось задать Вам — крупнейшему творческому работнику и деятелю культуры калмыцкого народа — один вопрос.

Если заглянуть в Большую Советскую Энциклопедию (т. 5, стр. 328, издание 1950 г.), то там есть заметка о Бобровникове Алексее Александровиче, который "...в результате изучения живого калмыцкого языка" написал в 1849 году "Граматику монгольско-калмыцкого языка", в которой "...впервые полно, привлекая большое количество языковых материалов, разработал фонетику, морфологию и синтаксис монгольских языков"

Работа эта была отмечена Академией Наук — за нее автору была присуждена половинная Демидовская премия в 1850 году.

Не откажите в любезности сообщить, как в современной культуре калмыцкого народа оценена эта работа Алексея Александровича Бобровникова? Или о ней просто никто не вспоминает?

Была бы весьма признательна, если бы Вы ответили на мой вопрос. Интерес мой не совсем праздный, так как Алексей Александрович Бобровников приходится мне прадедом по матери, а я сейчас собираю для внуков все материалы о семье.

С уважением Марианна Несторовна Петровская

05. 06. 78 г.

Хельсинки, Финляндия
12. XII.-88 г.

*СССР, Элиста
Д. Н. Кугультинову*

Таңд шинэ жилийн баяр айлтгая!

Лаури ХАРВИЛАХТИ

ЭҢКР ҮР ДАВА!

Улан цэргиннь төвн жилин өөшлө
Үр чамалан Москвад йовад санв.
Эндр тегөд, зүркм өрүн өрлө
Эн шүлгим чамд гиж заав.

Дарг өгдгө дөөч болсидан —
байрлжанач.
Байрлхин зөв — ик. Цэргтөхөн бидн
Баатр төвөдөн Төрскөн дахн
авч йовнавидн.

Дөөнд цусан ааһар асхсндан
хунджахшич.

Дэкөд нег төвөд күрхнь, Дава, —
Делкөн Цаһан өвгд күцгдхнь лавта!

*Москва — 1968 жилин, февралин 19-н.
Чини баһ болн өггө цагин үр —
ХОНЬНА Михаил*

Дорогой Давид Никитич!

От всей души,
в десятке строчек,
Вас поздравляет переводчик,
Который верен Вам всегда —
На все ей данные года.

Ю. НЕЙМАН

Давиду Кугультинову
в день его пятидесятилетия!

Что мне сказать? Пиши и пей,
как встарь, умело.
Будь вечно молод, друг степей
и Цэ-Дэ-эЛа!
Будь доброй радостью людей,
неброских с вида.
Я славлю (не как иудей)
. Звезду Давида!

*Твой Марк СОБОЛЬ
13 марта 1972 г. Москва*

ДАВИДУ КУГУЛЬТИНОВУ

(для доклада)

Учите рифме
точной и броской,
Даже ругайте —
будут лютей.
Но не давайте
бутылку с соской,
Не приучайте
к бутылке
детей!

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ДАВИДУ КУГУЛЬТИНОВУ

Мой друг, и друг степей калмык
Порядком от степей отвык,
Кочует он с Кайсыном рядом
По юбилеям и декадам.
Ну что ж, калмык, гуляй и пей,
Но не забудь: ты — друг степей!

Михаил ДУДИН

ДАВИДУ КУГУЛЬТИНОВУ

С далеких пушкинских времен
Я навсегда в тебя влюблен
И в солнца желтый ореол,
Где выше облака орёл
За плавным кругом чертит круг.

Что в мире выше слова "друг"?
Друг — это значит: отведу
Тебе грозящую беду,
А хлеб и воду, соль и стих
Делю по-братски на двоих —
Тебе глоток и мне глоток.

Вселенной звездный потолок,
Росы предугрениый озноб
Венчает твой высокий лоб.
В седых метелках ковыля

Постелью стелется земля.
Но мы с тобой не будем спать —
Нам лишь бессонница под стать.
Мы будем слушать горный гул
Обвалов, где поет Расул.

Пускай к нам спустится Кайсын,
Высот Чегема верный сын.
И из Башкирии Мустай
Одарит нежностью.

Блистай
Всю ночь созвездие друзей!
Кто хочет — с нами вместе пей
Веселый дружества кумыс,
Он скукой жизни не прокис
И не иссякнет никогда,
Как бед и счастья череда!

1967 г.

Индекс 73913

редакция журнала „теегин герл“

БҮРДЭНЭЧНР: Хальмг республикин барин Государственн комитет болн "Теегин герл" журналын редакцин коллектив
УЧРЕДИТЕЛИ: Государственный комитет Республики Калмыкия по печати и коллектив редакции журнала "Теегин герл"

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Во всех случаях полиграфического брака обращаться в республиканскую типографию по адресу: 358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.